

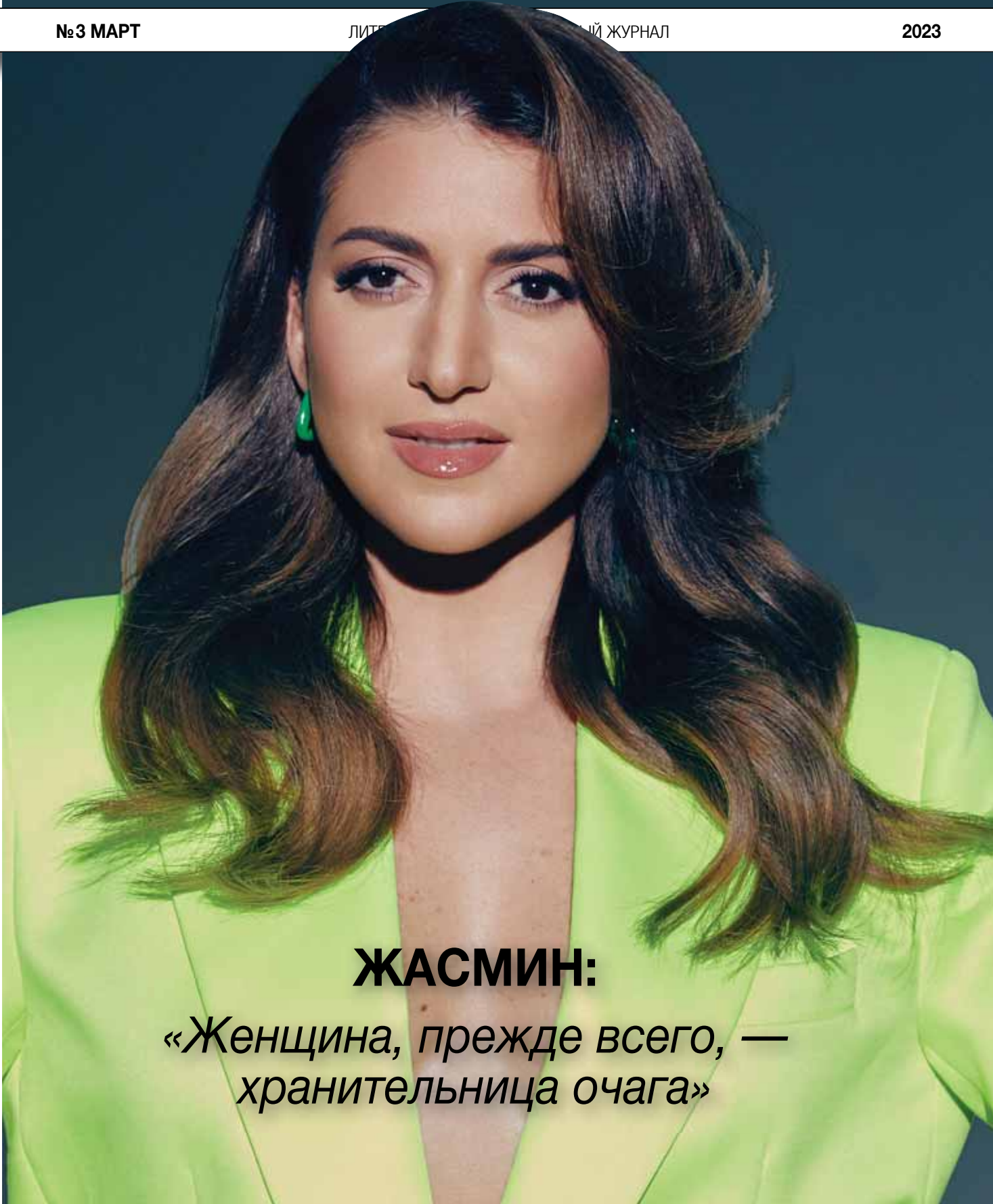
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЯНА

№3 МАРТ

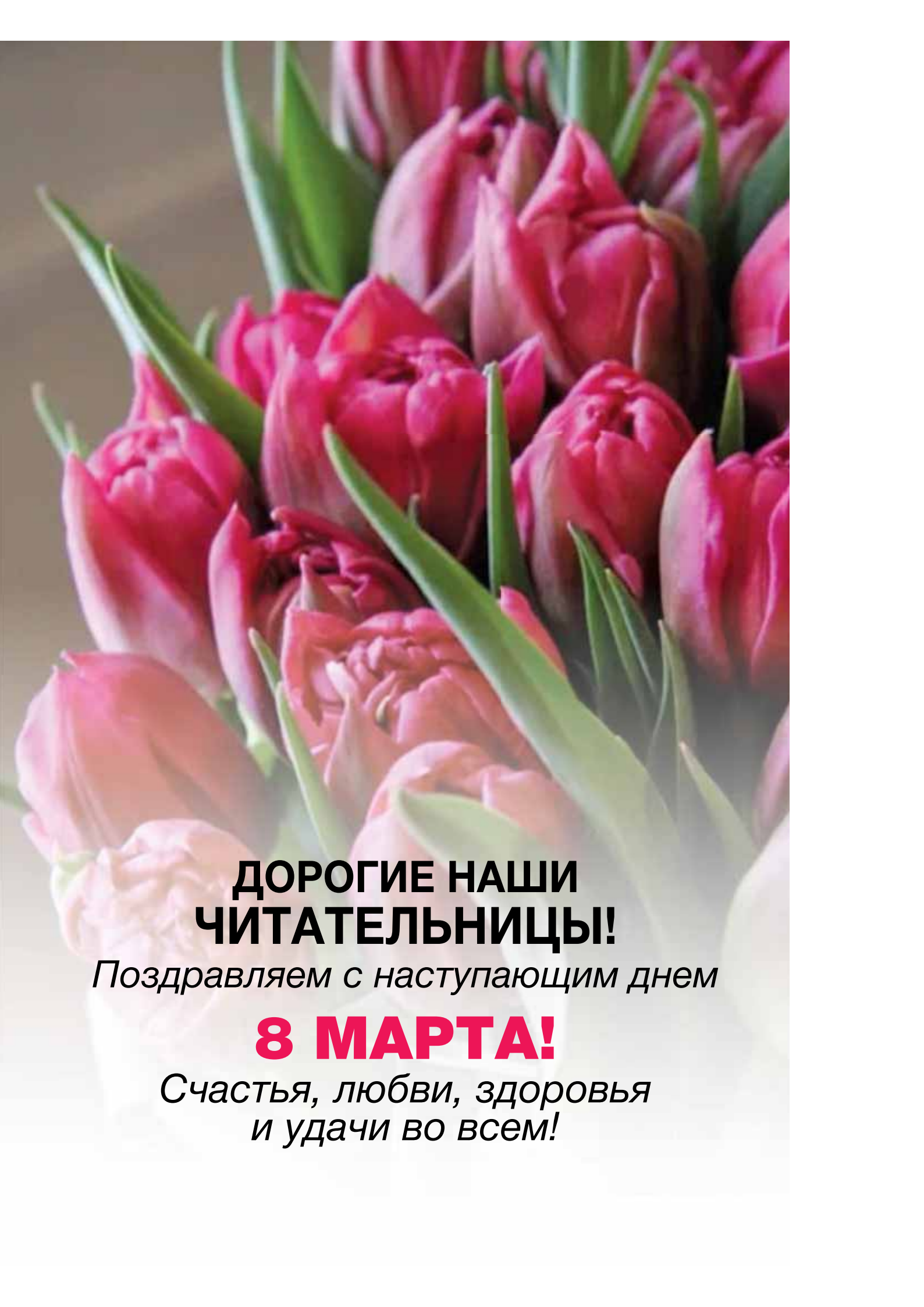
ЛИТЕРАТУРНИЙ ЖУРНАЛ

2023

ЖАСМИН:

*«Женщина, прежде всего, —
хранительница очага»*

**ДОРОГИЕ НАШИ
ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ!**

Поздравляем с наступающим днем

8 МАРТА!

*Счастья, любви, здоровья
и удачи во всем!*

Из российской истории

Алла Зубкова **Любимец фортуны** 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Насмешливый обличитель** 17

Это интересно

Светлана Марлинская **Хроника Московского метрополитена, которому в этом году — 88 лет** 30

Сергей Тютюнник **Русский дух французской парфюмерии** 88

Дмитрий Зелов **Йог в юбке** 112

Рассказ

Артем Аргунов **Любовь двух фейков** 40

Замечательные современники

Дарья Парчинская **Жасмин: «Я рада, что выбрала этот путь. Он позволяет дарить людям радость»** 46

Неизвестное об известном

Владимир Братченко **Долгие гастроли великой актрисы** 56

Житейские истории

Лариса Агафонова **Мой** 70

Поэзия

Ника Павлова **Стихи** 75

Судьба художника

Ирина Опимах **Ли Краснер — жизнь с Поллоком и без** 78

Итоги конкурса «Песня первой любви»

Геннадий Гусаченко **Черемуха душистая** 95

Молодые таланты

Дмитрий Соколов **Антон Шагин: «Фильм "Стиляги" стал для меня визитной карточкой»** 99

Минувшее

Виктор Елисеев **«Добрая барыня» Маргарита Тучкова** 105

Детектив

Екатерина Маркова **Актриса** 122

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Певица, телеведущая
и фотомодель Жасмин.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 16.02.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

«*Когда вышла повесть Владимира Соллогуба «Большой свет», ни для кого не было секретом, что прототипом одного из ее героев — Михаила Леонина — послужил Михаил Лермонтов. Некоторые нынешние лермонтоведы объявили повесть пасквилем на гениального поэта. Сам он, впрочем, так не считал и при всем своем тяжелом, вспыльчивом характере продолжал дружить с графом. Не считал этого и столь пронизательный Белинский. А Пушкин? Если бы он сомневался в безупречной порядочности Соллогуба, разве попросил бы его быть своим секундантом на первой, так и не состоявшейся дуэли с Дантесом осенью 1836 года?..*

Юрий **Осипов** «Ангелы и демоны Владимира Соллогуба»

«*Он мечтал осветить всю Россию, а осветил весь мир. Мечтал умереть в России, а умер на чужбине... Речь идет об ученом и изобретателе Александре Николаевиче Лодыгине, который изобрел лампу накаливания, известную как «свеча Лодыгина». Работать над ней он начал в 1870 году, но только через четыре года получил, наконец, на нее патент. Российская академия наук сразу присудила ему Ломоносовскую премию «За способ и аппарат дешевого освещения». Он стал известным во всем мире, и его детище было запатентовано в Германии, Франции, США, Великобритании, Бельгии, Испании и даже в Австралии и Индии.*

Виктор **Елисеев** «Ньютон электричества»

«*Датой становления первого русского профессионального театра считается 1750 год, а местом его появления — Ярославль. Именно там начались регулярные представления труппы «охочих комедиантов» (любителей), которые возглавлял Федор Волков. Для своего времени он был, можно сказать, человеком эпохи Возрождения: работал архитектором, художником, машинистом сцены, директором, режиссером и первым актером своего театра. Он мог еще многое сделать для театра, но не успел – во время подготовки маскарада несколько дней провел на морозе, простудился, и у него началась горячка, приведшая к смерти. Ему было всего 34 года...*

Сегодня его именем назван ярославский театр, одна из улиц города и центральная площадь, на которой стоит памятник Федору Волкову, человеку эпохи Возрождения XVIII века.

Евгения **Гордиенко** «Русский театр. Начало»

«*Этого удивительного человека звали Жорж Пак. Он был и остается лучшим советским агентом, когда-либо действовавшим во Франции. А еще его считают «крестным отцом» Берлинской стены, чем он особенно гордился. Многолетний сотрудник французских военных ведомств, а затем и секретариата НАТО, Жорж Пак делал все возможное, чтобы спасти мир от Третьей мировой войны. А она и в 60-е годы не раз мелькала на пороге — иногда вообще казалось: шаг-другой, и начнется...*

Николай **Долгополов** «Его называли французским филби»

«*Продолжение детектива Екатерины Марковой «Актриса»*

ЛЮБИМЕЦ ФОРТУНЫ

Платона Александровича Зубова смело можно назвать любимцем Фортуны, ведь ему посчастливилось стать последним фаворитом Великой Екатерины. По числу титулов и высших наград он не уступал легендарному Потемкину, хотя по масштабу дарований не мог идти с ним ни в какое сравнение. Почти все высшие сановники ненавидели и презирали выскочку, но что они могли поделать, если стареющая, теряющая остроту ума и чувство меры императрица во всеуслышание заявила, что ее возлюбленный (на сорок лет моложе ее) обладает государственным умом и способностями, с которыми мог сравниться разве что гений Великого Петра.

После смерти Петра I русский престол почти до конца столетия занимали

женщины, и у каждой из них были фавориты. Однако ни при Анне Иоанновне, ни при Елизавете Петровне институт фаворитизма не приобрел столь грандиозных масштабов и не проявлялся в такой откровенно вызывающей форме, как в годы правления Екатерины II. Эта женщина парадоксальным образом совмещала в себе высокий интеллект, государственную мудрость и банальный разврат. Согласно подсчетам историков только «официальных» любовников, связь с которыми продолжалась около года и дольше, насчитывалось 23 человека. Количество же случайных и кратковременных связей, не зарегистрированных источниками, и вовсе не поддается учету.

Что касается Платона Зубова, то он до двадцати двух лет вел жизнь, типичную для гвардейцев из мелкопоместных дворян. Он появился на свет 15(26) ноября 1767 года в семье небогатого дворянина, управляющего имениями графа Салтыкова. У него было три брата и две сестры. Все они получили домашнее образование. Платона, как и братьев, ждала военная карьера. Восемью лет он был записан сержантом в Семеновский лейб-гвардии полк, а в 1779 году переведен вахмистром в Конную гвардию. Скупой отец отпускал на содержание сына так мало средств, что Платону приходилось подрабатывать — он играл на скрипке во время празднеств в одной из рот Семеновского полка, и делал это вполне профессионально. В 1784 году по протекции графа Салтыкова Платон был произведен в корнеты, а позднее в подпоручики, поручики и секунд-ротмистры. Сал-

тыков, а также его друзья — Чернышевы и Румянцевы, составлявшие партию, враждебную могущественному Потемкину, решили использовать красивого, ловкого молодого человека как потенциального соперника кандидатам на роль фаворита, выбранным Светлейшим. Ведь до этого почти все молодые люди, имевшие доступ в опочивальню императрицы, были креатурами Григория Александровича.

При содействии своих покровителей летом 1789 года Зубов получил разрешение начальства командовать конвоем, сопровождавшим государыню во время ее поездки из Петербурга в Царское Село. Он так красовался возле кареты императрицы, что был замечен ею и явно произвел на нее впечатление. Дальнейшие события разворачивались по раз и навсегда утвержденному распорядку. Молодого человека приказом вызывали во дворец. Здесь он знакомил-

ся с лейб-медиком государыни англичанином Роджерсоном. Затем его ждала встреча с наперсницами Екатерины, камер-фрейлинами А.С. Протасовой и М.С. Перекусихиной, которые и решали, достоин ли кандидат делить ложе с императрицей. Выдержавшего испытание препровождали в специальные покои

Князь Г.А. Потемкин

Екатерининского дворца, где его ждали роскошные апартаменты и целый штат прислуги, а открыв ящик письменного стола, он находил там десять тысяч рублей золотом и драгоценный перстень с портретом императрицы.

К концу лета 1789 года Зубов уже регулярно посещал опочивальню царицы. Теперь он уже был флигель-адъютантом и получил чин полков-

ника, а затем и генерала. Молодой человек стремительно поднимался вверх по придворной лестнице. Екатерина радостно писала Потемкину: «Я вернулась к жизни, как муха, до того окоченевшая от холода». Поистине императрица нашла утешение в юном Платоне. И не удивительно. Молодой человек был необычайно хорош собой: лицо с тонкими чертами, нежно обрисованным ртом, мягкими темными волосами и глубоким взглядом черных глаз, невысокий, но гибкий, подвижный и прекрасно сложен. Ослепленная и опьяненная Екатерина не уставала расписывать свое счастье в письмах к Потемкину. Она утверждала, что у этого «ребенка», у этого «черноглазого» «самая невинная душа», что он «предан, скромнен, привязан и в высшей степени незлобив».

Потемкин поначалу не очень встревожился по поводу возвышения «черноглазого». Он полагал, что хотя новый фаворит и не получил, как все прежние, его одобрения, но, судя по всему, не представляет собой опасности. Тем более что Зубов изо всех сил стремится понравиться ему, рассыпаясь в лести. Вскоре Екатерина сообщила князю новость, которая вряд ли была способна улучшить его настроение. Оказалось, что у Платона есть младший брат девятнадцати лет, который служил поручиком в конной гвардии. «Я сильно люблю это дитя», — продолжала откровенничать царица, — оно ко мне привязано, и плачет, если его ко мне не пускают». А вскоре еще одна но-

вость от Екатерины: «Дитя наше, Валериана Александровича, я выпустила в армию подполковником, и он жадно желает ехать к тебе в армию, куда вскоре и отправится».

Причина срочной командировки «дитяти» была весьма прозаична. Старший приревновал к младшему, и, видимо, не зря — наверное, слишком уже нежно поглядывала государыня на юного Валериана. Как бы то ни было, Валериан Зубов прибыл в армию. Оттуда он писал Плато-

Зубова вполне могло означать начало заката карьеры до того всесильного князя. Этого Потемкин допустить не мог. Екатерина была глуха ко всем доводам в его письмах касательно никчемности и даже вреда присутствия фаворита при дворе. Значит, необходимо личное свидание с императрицей. До сих пор он ни разу не терпел неудачи в своих попытках заставить ее принять собственную точку зрения. Потемкин отправил Екатерине депешу, в которой

Салтыков, а также его друзья Чернышевы и Румянцевы, составлявшие партию, враждебную могущественному Потемкину, решили использовать красивого молодого человека как потенциального соперника кандидатам на роль фаворитов Екатерины, выбранным Светлейшим. Ведь до этого все молодые люди, имевшие доступ в опочивальню императрицы, были креатурами Григория Александровича

ну письма о нерадивости и ошибках главнокомандующего. Навстречу этим донесениям из Санкт-Петербурга Потемкину шли секретные сообщения от друзей о фаворите. По их сведениям, Екатерина настолько попала под влияние «черноглазого», что подумывает о том, как бы сделать его министром. Ярость душила Потемкина. Он понимал, что опасный выскочка может приобрести необычайный вес при дворе и в правительстве. Подобное возвышение

говорилось о том, что на фронте все идет хорошо, но что у главнокомандующего разболелся гнилой зуб, и потому он надеется вскорости прибыть в столицу, чтобы его выдернуть. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться по созвучию «зуб — Зубов», что Потемкин предупреждал царицу и рассчитывал на ее содействие в устранении ненавистного ему выскочки.

Между тем в Петербурге придворный и чиновный мир начал

понимать, кого он получил в лице Платона Зубова. Оказалось, что в этом столь изящном и с виду весьма любезном человеке скрывалось непомерное честолюбие, наглость, цинизм и тяга к интригам. Он очень быстро прибрал к рукам все рычаги влияния, навязывая свою волю в самых различных делах и беззастенчиво выпрашивая милости для себя и своей родни. С каждым днем он чувствовал себя все увереннее. «Во все дни, — писал один из очевидцев, — начиная с восьми утра, его приемная полна министров, придворных, генералов, иностранцев, просителей. Чаще всего им приходится ждать по четыре-пять часов, прежде чем быть принятыми. Наконец обе створки двери отрывались, толпа бросалась вперед и видела перед собой фаворита, которого причисывали перед зеркалом. После робких поклонов придворные выстраивались перед ним в два или три ряда и стояли так, безмолвные и недвижимые, в облаке пудры». Развалившись в кресле, ковыряя пальцем в носу и уставив туманный взгляд в потолок, Платон едва достаивал внимания тех, кто его окружал. Он забавлялся проделками своей обезьяны, которая скакала по головам окружающих его льстецов. Екатерине такие выходы фаворита казались безобидными мальчишескими шалостями. Такими же, к примеру, как запуск в часы досуга бумажных змеев с царскосельских башен. Впрочем, даже этому занятию придворный поэт Гавриил Романович Державин пытался

в своих стихах придать значимость научного эксперимента. Он сравнивал эти забавы с опытами Бенджамина Франклина и других ученых по исследованию «небесного» электричества. Позднее он пойдет гораздо дальше: в день именин фаворита посвятит ему оду, в которой сравнивает его с самим Аристотелем. Да и императрица, правда, уже в прозе, пела дифирамбы своему фавориту. «Никто еще в ваши годы, — писала она ему, — не имел столько способностей и средств, чтобы быть полезным отечеству».

Она не обращала внимания на тех, кто не разделял ее мнения о способностях и поведении Зубова. А таких было предостаточно. Даже Салтыков и Чернышевы, которым Зубов был обязан своим «случаем», теперь презирали и ненавидели его. Что же касается деловых качеств фаворита, то они вызывали смех у выдавших виды чиновников. Один из них ядовито писал о временщике: «Из всех мучит себя над бумагами, не имея ни беглого ума, ни пространных способностей, бремя выше его настоящих сил».

Зубов не был совершенным глупцом, более того, умел создать вид умника, ловко и много говоря по-французски, но подлинного понимания государственных задач у него, как, впрочем, почти у всех екатерининских фаворитов, за исключением Потемкина, не было.

Тем временем тот делал все, чтобы приблизить свое возвращение в столицу. Это было не просто. После

взятия Измаила армия встала на зимние квартиры, а он все еще должен был оставаться в Яссах для мирных переговоров. В конце концов, доведенный до крайней степени раздражения, Потемкин бросил своих офицеров и отправился в путь. Увы, с первых же часов своего пребывания в Петербурге он понял, что не зря опасался растущего влияния

Зубова. Все министры и высшие сановники трепетали при одной мысли, что, отказавшись пресмыкаться перед Зубовым, навлекут на себя гнев императрицы. Даже великий князь Павел молча сносил самые наглые выходки временщика. Все мудрые советы и предостережения Потемкина разбивались о счастливую наивность потерявшей способ-

ность трезво мыслить императрицы — его доводы и упреки она объясняла одной лишь ревностью. Потемкин понимал, что потерпел поражение. Он прожил еще полгода и скончался в декабре 1791 года. Только получив известие о его смерти Екатерина осознала, насколько дорог ей этот человек, и чем она обязана ему. Во дворце был объявлен траур. Когда Екатерина вновь появилась перед двором, все, в том числе и Зубов, делали вид, что глубоко скорбят по поводу смерти Свет-

чинила ей смерть Потемкина, и выполнила то, о чем просил Зубов: не опубликовала манифеста об ушедшем из жизни великом государственном деятеле и не поставила ему памятника.

После смерти опасного соперника ничто больше не препятствовало возвышению Зубова. С 1789 по 1796 год он сделался графом и князем Священной Римской империи, получил все высшие русские и многие иностранные ордена. Француз Шарль Массон, долгое время

В Петербурге придворный и чиновный мир начал понимать, кого он получил в лице Платона Зубова. Оказалось, что в этом изящном, любезном человеке скрывалось непомерное честолюбие, наглость, цинизм и тяга к интригам. Он быстро прибрал к рукам все рычаги влияния, навязывая свою волю и беззастенчиво выпрашивая милости для себя и своей родни

лейшего, однако никто не сомневался, что временщик испытывает чувство облегчения при известии о кончине этого колосса. Шептались даже о том, что Потемкин был отравлен по его приказу. Впрочем, подобные слухи в таких случаях дело обычное. Как бы то ни было, Зубов попытался уговорить императрицу не придавать чрезмерного значения смерти князя. Из любви к фавориту она согласилась спрятать боль, которую при-

проживший в Петербурге, не без ехидства замечал, что у Зубова было столько наград, что он был похож на продавца лент и скобяного товара. За семь лет Платон достиг вершины лестницы, которую его предшественник смог достигнуть только после двадцати лет службы. Екатерина назначила его генерал-фельдцейх-местером, генерал-директором над фортификациями, главнокомандующим флотом Черноморским и Азов-

ским, генералом от инфантерии и генерал-адъютантом. Всех его должностей и не перечислить. В качестве новороссийского генерал-губернатора он позволял себе давать указания даже Суворову!

Небезынтересно отношение великого полководца к фавориту. Герой Измаила и Рымника не был лишен и таланта царедворца, а потому охотно отдал свою любимую дочь Наталью в жены старшему брату Платона, Николаю. В то же время он был далек от того, чтобы пресмыкаться перед временщиком. Более того, Александр Васильевич не терпел, когда к нему, по его мнению, не проявлялось должного уважения. В декабре 1795 года Зубов на правах родственника принял старого фельдмаршала в Зимнем дворце по-домашнему, в сюртуке. Когда через неделю фаворит нанес Суворову ответный визит, тот принял его ... в нижнем белье. Как военного Суворов

фаворита и в грош не ставил. «Хороший гвардейский унтер-офицер», — отзывался он о нем. Это о генерале от инфантерии!

Между тем Зубов с благословения Екатерины и поощряемый ею вплотную занялся именно военными делами. Как президент Коллегии иностранных дел и глава Военной коллегии, он задумал грандиозный план расширения империи на Востоке. План поистине достойный Александра Македонского. Начать предполагалось с Персии. Затем двинуться в Индию. Операцию

должен был возглавить брат Платона, Валериан Зубов, который воевал в польскую кампанию простым поручиком и потерял ногу. Тем временем Суворов должен был направиться к Константинополю через Балканы, а русский флот войти в Босфор и осадить турецкую столицу с моря. Для воодушевления моряков эскадру должна был возглавить сама Екатерина. Ознакомившись с этим планом, окружение императрицы пришло в смятение, считая этот план явно неисполнимым. Однако потерявшая способность ясно рассуждать Екатерина ни в чем не могла от-

казать обожаемому фавориту. Если уж мальчику так захотелось повоевать, как же откажешь ему в этом.

В конце февраля 1796 года Валериан Зубов выступил в поход с двадцатью тысячами солдат. Он обещал быстро взять Исфахан, но, не дойдя до персидской границы и шестисот верст, остановился на границе пустыни, а затем повернул назад. Од-

*Валериан Зубов,
младший брат фаворита*

нако Екатерина объявила его героем, утверждая, что бывший поручик сделал за два месяца больше, чем Петр Великий, прошедший этим же маршрутом, совершил за два года.

Между тем при дворе назревал скандал, отнюдь не связанный с событиями на Востоке. Платон Зубов неожиданно стал оказывать явные знаки внимания супруге внука императрицы, великого князя Александра, Елизавете Алексеевне. Алек-

сандр терпел его наглые и настойчивые ухаживания за своей женой, не решаясь осадить столь важную особу. Великая княгиня также покорно выслушивала комплименты, расточаемые ей на людях Зубовым. Кстати, фаворит был вполне искренен в изъяснении своих чувств. Устав от императрицы, он сгорал от страсти к юной великой княгине. Александр не знал, как себя вести в этой деликатной ситуации. *«Если относиться к нему хорошо, — жаловался будущий царь своему другу, — то покажется, будто его любовь одобряют, а если относиться холодно, то императрице, которая ничего не знает, может не понравиться, что не ценят человека, которому она благоволит».*

Александр ошибался. Екатерине, разумеется, все было известно. Однако она уже привыкла к подобным казусам. Разве может она сердиться на красавца Платона за то, что тот время от времени бросает взгляд на соперницу «посвежее». Что ж, многие из ее избранников и прежде платили ей черной неблагодарностью за оказываемые им благодеяния. К примеру, в 1780 году она застала Корсакова в объятиях графини Брюс. В 1789 году непосредственный предшественник Зубова, Мамонов, сам отказался от государыни, чтобы жениться на ее фрейлине. Тем не менее императрица никогда не преследовала своих фаворитов за эти измены и не давала им почувствовать своего гнева, а продолжала щедро награждать их титулами, денежными пожалованиями, доро-

гими подарками, орденами и крепостными крестьянами. Что ж, служба временщиков была нелегка, зато оплачивалась куда как щедро. Известно, что братья Зубовы получили в общей сложности три с половиной миллиона рублей. Сумма колоссальная. Больше получили только Потемкин, Орловы да Ланской.

Между тем Екатерина решила урезонить и любовника, и внука. В результате первый согласился не волочиться более за великой княги-

Павлом Петровичем сложились далеко не блестящие. После похорон он больше недели скрывался у своей сестры, госпожи Жеребцовой, сказавшись больным и с ужасом гадая, какую судьбу готовит ему император. И вдруг, когда он уже совсем спит, ожидая худшего, ему неожиданно сообщили, что Павел I дарит ему роскошно отделанный и меблированный особняк на Морской, с дорогими сервизами, лошадьми, каретами и слугами. Более того, импера-

---

В 1814 году Зубов жил в местечке Анишки Виленской губернии. В его поместьях трудились не менее 30 тысяч крестьян, которые были самыми бедными в округе. Сам князь, отличавшийся невероятной жадностью, ходил в самом затрапезном виде, хотя был одним из богатейших людей России. Высшим наслаждением было, открыв сундуки, любоваться своими несметными сокровищами. Считается, что образ Скупого рыцаря А.С. Пушкин списал именно с Платона Зубова

ней, а второй — не дуться за проявления «мимолетных чувств».

Зубов постоянно находился рядом с императрицей. Ни одно решение без него не принималось, и ему казалось, что все это будет продолжаться вечно. Увы, его ждало неожиданное и жестокое пробуждение. 6-е (17 ноября) 1796 года стало последним днем Великой Екатерины. Платон был в полном отчаянии, так как отношения с новым государем

тор окажет ему высочайшую честь: он с императрицей нанесет ему визит на следующий же день после его размещения в новом доме.

Когда Зубов кинулся в ноги монарху, тот его подбодрил пословицей: «Кто старое помянет, тому глаз вон!» После чего, подняв бокал шампанского, царь сказал: «Сколько капель вина в этом бокале, столько я тебе желаю процветания». Зубов купался в невысказанном счастье.

Но радость его оказалась непродолжительной. Павел приподнял его лишь для того, чтобы сильнее ударить. Через несколько дней после этого свидания бывший фаворит лишится всех своих должностей, земли его описали, и он получил разрешение, а проще сказать — повеление уехать за границу. Мягкое наказание. Но Павла это забавляло.

Осенью 1798 года Зубову было приказано вернуться в Россию. Свои конфискованные земли он получил обратно благодаря ходатайству нового фаворита Павла, Кутайсова, которого прельстило обещание светлейшего князя жениться на его дочери. Польщенный временщик оказал необходимое содействие, хотя и нелегко было сломить предубеждение Павла против Зубова.

Ощущая всю шаткость своего положения, Платон Зубов вместе с братьями Николаем и Валерианом приняли участие в убийстве Павла I. Ночью 11 марта 1801 года заговорщики поднялись по лестнице у Рождественских ворот Михайловского замка. В последний момент Зубов неожиданно потерял присутствие духа и предложил вернуться назад. Однако Бенигсен остановил его: «Как! Вы завели нас сюда, а теперь хотите уйти?» Караул, охранявший покои императора, позволил заговорщикам беспрепятственно пройти внутрь. Зубов одним из первых ворвался в спальню. Павел, разбуженный шумом, успел спрятаться за ширмой, стоявшей у постели: «Мы погибли!» — вскричал Зубов, увидев пустую кро-

вать. Но Бенигсен нашел Павла и заявил ему: «Государь, вы арестованы». Павел не ответил ему, но, обратившись к Зубову, сказал: «Что вы делаете, Платон Александрович?» Тогда тот выступил вперед, и, сохраняя почтительный вид, произнес: «Мы пришли от имени родины просить Ваше Величество отказаться от престола, потому что на Вас находят иногда моменты умопомрачения. Неприкосновенность Вашей личности и приличное содержание гарантируются Вашим сыном и государством». С этими словами он вынул из кармана акт отречения, предлагая его подписать, но Павел стал сопротивляться. В происшедшей затем борьбе Зубов не принимал участия. Рассказывали, будто бы он, повернувшись спиной и барабана по оконному стеклу, проговорил только: «Боже мой, как этот человек кричит! Это невыносимо!»

Впрочем, историкам известны и другие варианты описываемых событий. Согласно одному из них, Зубов вел себя с Павлом гораздо более грубо. Когда император обратился к нему за разъяснениями, тот ответил: «Больше ты не император. Александр — наш государь!» При этом разговоре присутствовали Николай и Валериан Зубовы. «Павел оттолкнул Николая, тот ударил императора, все повалились на пол. Это был конец», — вспоминал другой очевидец.

При Александре I Платон Зубов рассчитывал занять видное место, стремясь угодить новому государю. Войдя в Государственный Совет, он

строчил проекты государственного переустройства и даже сочинил довольно смелый проект отмены крепостного права. Но, как и другие заговорщики, он не пользовался влиянием у Александра. Чувствуя холодность монарха, Зубов попросил о заграничном отпуске, который и получил в конце 1801 года.

В Вене у него произошла дуэль с двоюродным братом казненного французского короля Людовика XVI, шевалье де Саксом. Источники приводят две версии этого поединка. Согласно первой, Зубов под предлогом своего неумения владеть пистолетом — оружием, выбранным

секундантами обеих сторон, отказался занять свое место. Когда же противник предложил драться на саблях, бывшему фавориту императрицы стало дурно.

Эта версия вызывает сомнения. Действительно, Зубов не был отважным рубакой, как, к примеру, братья Орловы, но он был все-таки гвардейским офицером и вряд ли мог проявить подобное малодушие. Правда, и вторая версия не очень-то лестна для Зубова. Очевидец утверждал, что Зубов шел на дуэль «как слабая женщина, приговоренная к мучительной операции». Царапина, полученная на этой дуэли, дала ему по-

вод долгие месяцы носить руку на шелковой перевязи, изображая из себя инвалида».

Осенью 1802 года Платон Александрович возвратился в Россию. Он жил преимущественно в Москве, изредка наезжая в Петербург с различными проектами, некоторые из которых получили одобрение Александра I.

Впрочем, проезжая в 1807 году через имения Зубова в Шавельском (Шауляй) уезде в Литве, государь обратил внимание на бедственное положение крестьян, не имевших зерна для посевов, чтобы как-то прокормиться. Александр пригрозил Зубову, что будет преследовать его по закону, если тот не обеспечит своих крестьян хлебом для еды и посевов.

С началом Отечественной войны 1812 года Платон Александрович, как считают некоторые авторы, был призван к делам и периодически появлялся на главной квартире действующей армии. Утверждают даже, что он присутствовал на знаменитом совете в Филях, где высказался за оставление Москвы. Это весьма сомнительно: кто мог интересоваться мнением человека, не имевшего никакого реального боевого опыта.

В 1814 году Зубов жил в местечке Янишки Шавельского уезда Виленской губернии. Отсюда ему было удобнее управлять своими многочисленными западными поместьями, в которых трудились не менее 30 тысяч крестьян. Крепостные его были самыми бедными в округе. Сам князь, отличавшийся неимоверной

жадностью и скаредностью, ходил по своему имению в самом затрапезном виде, хотя был одним из богатейших людей в России. В сундуках, находившихся в подвалах его замка, хранилось золото и серебро. Как полагают, там было более 20 миллионов рублей. Высшим наслаждением для Платона Александровича было, открыв крышки сундуков, любоваться своими несметными сокровищами. Некоторые литературоведы считают, что образ Скупого рыцаря А.С. Пушкин списал именно с Платона Зубова.

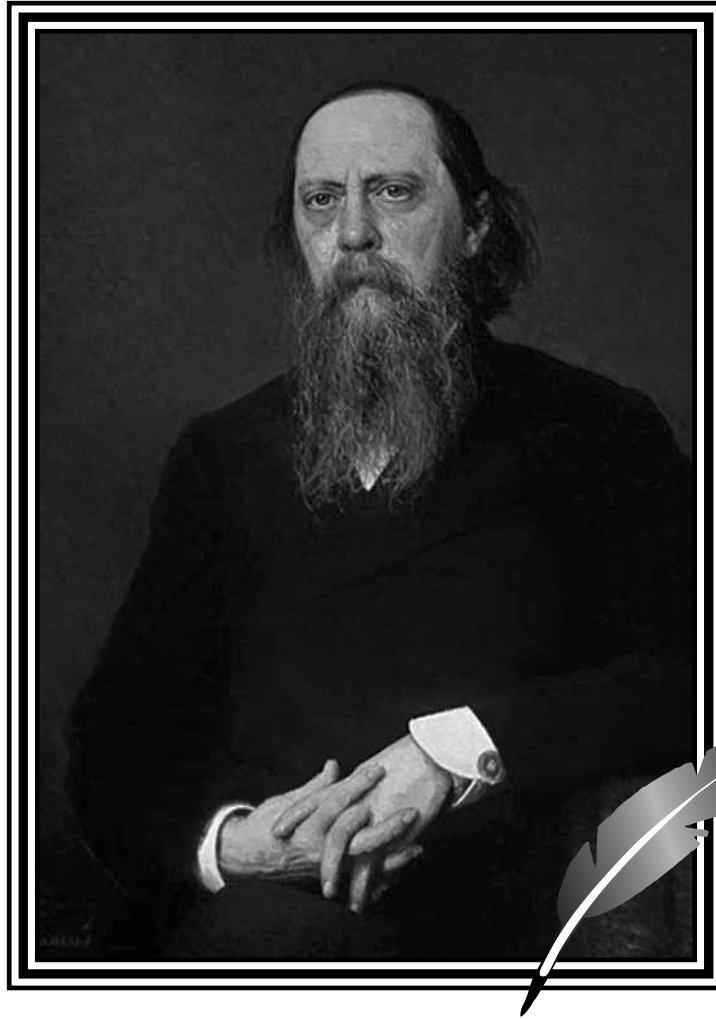
Никто не узнал бы в пятидесятилетнем Зубове когда-то блестящего фаворита Великой Екатерины. Теперь это был сгорбленный, опустившийся старик. Впрочем, как видно, не все чувства перегорели в душе «Скупого рыцаря». За год до смерти он воспылал бешеной страстью к дочери местной литовской помещицы. Девятнадцатилетняя красавица Текла Валентинович стала его законной супругой. По брачной записи он отписал невесте миллион рублей. После женитьбы Зубов с женой перебрался в свое курляндское поместье Руэнталь. Там 7 апреля 1822 года он и скончался на 55-м году жизни.

Платон Александрович Зубов был похоронен в семейном склепе церкви в Троице-Сергиевой пустыне, что в Стрельне, рядом с дорогой на Петергоф, где когда-то молодой секунд-ротмистр впервые обратил на себя внимание Великой Екатерины.

Церковь и склеп до наших дней не сохранились. □

Юрий Осипов

НАСМЕШЛИВЫЙ ОБЛИЧИТЕЛЬ

Он был маминым любимчиком, но пороли его, по распоряжению матери, так же, как и остальных детей — братьев и сестер, — нещадно. Современники, поживаясь от желчных салтыковских сатир, величали писателя «сказочником», а фантастические произведения этого беспощадного

обличителя российских пороков — «странными фантазиями», оторванными от реальности. Он же к этой «реальности» подошел, быть может, ближе любого другого отечественного прозаика.

Сегодня острые произведения Салтыкова-Щедрина не в чести у читателя, хотя созданные им «антигерои», увы, по-прежнему живут среди нас; те, о ком он писал, что «взамен совести выросло у них во рту по два языка, и оба лгут». Более сурового обличителя в русской литературе не существовало. В сатире он превзошел самого Свифта. При этом верил в благотворность воспитания, стремился исправить, предупредить, одернуть. Недаром именно ему приписывают сакраментальное высказывание: «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют».

А вот эти афоризмы уж точно его: «Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления», «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения», «Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать».

В судьбе Салтыкова-Щедрина немало необычного. Он сподобился полюбить 12-летнюю девочку, а позже женился на ней, прожил с ней всю жизнь, но всегда оставался для нее «неудачником», сделавшим ее несчастной. Неисправимый романтик в душе, Михаил Евграфович внешне излучал строгость, даже суровость, чуждую всякой сентиментальности «раненого сердца». На самом известном портрете кисти Крамского мы видим отрешенного длиннородого аскета, самозабвенно преданного своим идеалам.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин родился морозным январским днем 1826 года в тверском имении столбового дворянина Евграфа Салтыкова и его супруги Ольги Забелиной, дочери московского купца, которую в 15-летнем возрасте отдали

замуж за сорокалетнего помещика. Тот увез молоденькую жену в свое поместье и доверил управлять внушительным числом крепостных. Ей исполнилось двадцать пять, когда она родила шестого сына, нареченного Михаилом. «Младшенького» ма-

Для столь крупного ученого, как И. Сеченов, Салтыков-Щедрин — «диагност наших общественных зол и недугов». Для видного религиозного философа В. Розанова он — «матерый волк, который напился русской крови и сытым отвалился в могилу». В наши дни тоже, пожалуй, найдутся сторонники каждой из этих диаметрально противоположных трактовок. И, право, жаль, что сатирические произведения Щедрина постепенно исчезают из школьных программ по литературе. Ведь помимо того, что его творчество по-прежнему актуально, если не сказать — злободневно, перед нами прямой наследник Гоголя, достойный литературный визави Некрасова, Тургенева, Достоевского, Толстого, с которыми ему довелось жить в одно время.

Он настойчиво будит в нас гражданское самосознание, совесть, все воюет с нашими опрометчивыми теориями, с исконной русской леностью и инертностью. А потому родовая фамилия Салтыков и точно неизвестно в честь кого взятый псевдоним Щедрин, слившиеся в двойную фамилию, не выпали из исторической памяти и продолжают украшать сокровищницу отечественной словесности. Ему блестяще удавались и иносказательные романы, и аллегорические повести, рассказы, и даже сказки для взрослых.

«Когда человек сыт и доволен, когда дела или делишки его пойдут изрядно, то он почти всегда склонен думать, что этой сытости и довольству не будет конца». Можно ли считать подобное предупреждение Салтыкова-Щедрина (в числе прочих других) устаревшим?

тушка любила больше других детей, но почти ежедневные розги запомнились писателю на всю жизнь.

С годами характер Ольги Михайловны сильно изменился. На смену веселой и добродушной москвичке

пришла властная и жестокая барыня. Крепостные и собственные дети боялись ее до ужаса, старались не попадаться лишней раз на глаза, дабы ненароком не схлопотать наказание — пороли ведь в доме по приказу барыни всех без разбора.

Между тем разносторонние способности Михаила проявились достаточно рано. Грамоте его учил крепостной живописец, потом с ним занималась старшая сестра, священник из соседнего села, гувернантка и студент Московской духовной академии. Этого оказалось достаточно для того, чтобы мальчик успешно сдал вступительные экзамены в престижное столичное учебное заведение — пансион при Московском дворянском институте, готовившем чиновничью элиту России. Там юноша увлекся литературой, которая стала затем смыслом его жизни.

Не прошло и двух лет, как он был признан одним из лучших учеников пансиона и переведен в Царскосельский лицей, альма-матер Пушкина. Ну как тут было не «заболеть» поэзией! И Михаил начал писать стихи, некоторые даже публиковались в «Современнике», выходившем под редакцией пушкинского друга П. Плетнева. Вскоре, однако, юноша понял, что поэзия не его стихия, и переключился на сатирическую прозу.

По окончании же лицея в его аттестате среди прочих дисциплинарных проступков были отмечены «курение, грубость и написание произведений неодобрительного содержания». С такой характеристикой писатель поступил на службу в канцелярию военного ведомства. А четыре года спустя был сослан на семь лет в провинцию за повесть «Запутанное дело», в которой недвусмысленно выразил свое отношение к крепост-

ному праву и судьбе российского крестьянства. Эти дерзкие рассуждения начинающего автора могли бы остаться незамеченными, не совпади они с грозными событиями Французской революции 1848-го года, всколыхнувшей всю Европу.

В Вятке, куда сослали неблагонадежного литератора, ему довелось служить канцеляристом в разных государственных учреждениях. И та унылая провинциальная жизнь дала Щедрина возможность изучить все темные стороны мертвящей российской действительности, понять тяжкую долю простого народа. В Вятке он напишет свои «Губернские очерки» и составит «Краткую историю России». И там же найдет себе жену, одну на всю жизнь.

Тяготила ли его служба? С одной стороны, он ощущал себя во враждебном окружении, с другой — набирался тягостного, но необходимого для писательства житейского опыта. Благонамеренного чиновника из себя не разыгрывал, но, как ни странно, дослужился в ссылке до советника губернского управления. Потом занимал важные посты в Министерстве внутренних дел, вице-губернаторствовал в Рязани и Твери... Там его прозвали «домашним Герценом» и «вице-Робеспьером». Несмотря на чины и знатность, состояния не нажил и потому не чурался литературной поденщины. Выйдя в отставку, стал убежденным «некрасовцем», избрав пристанищем

журнал «Отечественные записки». Причем победы и затруднения журнала воспринимал едва ли не острее, нежели проблемы собственной жизни.

А она его отнюдь не баловала. Надо отметить, что бесстрашный сатирик, балансировавший на грани цензурного запрета, и властитель дум прогрессивной общественности в душе оставался неисправимым романтиком. Да и семьянин из него вышел отличный. Пылко полюбив 12-летнюю дочь вятского вице-губернатора, он терпеливо дожидался, пока Лизонька Болтина не повзрослеет, и тогда предложил ей руку и сердце. С благословения родителей невесты 30-летний Михаил Евграфович женился на своей избраннице, почти вдвое моложе его.

Ветреная и крайне недалекая, вряд ли она когда-нибудь любила мужа, который не питал иллюзий от-

*М.Е. Салтыков-Щедрин
в молодые годы*

носителем ее интеллектуального уровня и культурных запросов. Даже удивительно, чем подобная особа, не блиставшая также внешними данными, могла очаровать пронизательного писателя. Но, как бы то ни было, он души не чаял в своей избраннице, безмерно баловал ее и хранил ей верность.

К слову сказать, властная матушка Михаила Евграфовича выбор любимого сыночка не одобрила и отказала ему в материальной поддержке. Причем неудовольствие Ольги Михайловны вызвали даже не возраст невесты и отсутствие приданого, а именно скудоумие и эгоистичный характер Лизоньки, которая называла мужа исключи-

Жена — Елизавета Болтина

тельно «мерзавцем», сломавшим ей жизнь, и в кабинет к нему входила лишь за тем, чтобы взять денег. Да и дети, видя такое отношение матери к отцу, вели себя соответственно. Прошло, кстати, семнадцать лет, прежде чем Елизавета Аполлоновна родила писателю сына и дочь, причем злые языки поговаривали, что дети-то и не его вовсе. Тем не менее, он, по свидетельству очевидцев, перед самой кончиной умолял сына беречь мать и всемерно заботиться о ней...

Из ссылки в Вятку Салтыков-Щедрин возвратился надворным советником, с блеском возобновив литературную деятельность. «Гу-

бернские очерки» выдержали несколько изданий и сразу сделались одной из наиболее популярных книг. Они положили начало целому литературному направлению, получившему название «обличительное». Сами «Губернские очерки» принадлежали к этому направлению лишь отчасти, поскольку во многих из них на первый план выдвигается психология чиновничьего быта, а не только череда взяток, кляуз и всяческих злоупотреблений. Как живые, предстают перед нами «озорник» Порфирий Петрович, прообраз будущих «помпадуров», или «ташкентец» Перегоренский, чье отчаянное ябедничество донимает всех.

В январе 1869 года была издана «История одного города». В настоящем и будущем Глупова, типичного провинциального русского города, усматривается тупик и безнадежность. «Идти вперед — трудно, идти назад — невозможно». Только в финале проглядывает нечто похожее на свет надежды. До этого Михаил Евграфович в первый раз вышел в отставку в чине статско-

го советника. Он хотел поселиться в Москве и основать двухнедельный журнал, а когда задуманное предприятие не удалось, переехал в Петербург и стал фактически одним из редакторов «Современника». И писал, писал, писал. О человеческом одичании, о том, как в людской душе порок побеждает ростки здравого смысла, о рабской психологии

весть у человека пропадает. А кто такой хрестоматийный Иудушка (Порфирий) Головлев? Да, конечно, лицемерный подлец, уничтожавший все живое и светлое вокруг себя. Но ведь каков его конец! «В нескольких шагах от дороги найден закоченевший труп головлевского барина». Что видится нам за смертью этого поганого человечешки? Может, он был убит,

Проницательный сатирик Щедрин не только клеймил пороки, по сути, все еще «феодальной» России, но и скептически оценивал перспективы развития капитализма на российской почве. Он умел говорить нелюбезные вещи всем, и слыл безжалостным писателем, и все же и в «Глупове», и в сказках, и особенно в «Господах Головлевых» ощущается авторская боль ко всему окружающему...

и рефлексии так называемых «хозяев жизни»...

Проницательный сатирик Щедрин не только клеймил пороки, по сути, все еще «феодальной» России, но и скептически оценивал перспективы развития капитализма на российской почве. Он умел говорить нелюбезные вещи всем и слыл безжалостным писателем. Однако и в «Глупове», и в сказках, а позднее особенно в «Господах Головлевых» ощутима авторская боль.

Одна из аллегорических щедринских сказок называется «Пропала совесть». Грустно очень, когда со-

когда захотел покаяться в грехах на могиле матери. Или, может, сам наложил на себя руки... И хотя «Господа Головлевы» едва ли не самая страшная книга Щедрина, наизнанку выворачивающая традиционный семейный роман, автор и здесь проявляет сочувствие к своим поистине памфлетным персонажам.

Но вернемся к «Истории одного города». Напрашивается ее сравнение с пушкинской «Историей села Горюхина», напечатанной в «Современнике» вскоре после трагической гибели автора. Щедрин явно воспользовался жанровым вариантом Пушкина и ввел в свое произведе-

ние разные пародийные мотивы, да еще добавил фантазмагии. В «Глупове» мы находим отголоски гоголевского смеха, а также переключку с саркастическими выпадами Достоевского. Получилась своеобразная сатирическая энциклопедия, где досталось и реакционерам, и псевдореформаторам. Недаром многие высказывания автора разошлись на актуальные и в наши дни цитаты. Например: «У Глупова нет истории... Рассказывают старожилы, что была какая-то история, и хранилась она в соборной колокольне, но впоследствии не то крысами съедена, не то в пожаре сгорела». А вот о губернаторах: «Были губернаторы добрые, были и злецы; только глупых не было — потому что начальники!» Бюрократию великий сатирик знал досконально, но не менее зло посмеялся и над представителями так называемых «прогрессивных сил». «Нет задачи более достойной истинного либерала, как с доверием ожидать дальнейших разъяснений».

Бывший ссыльный, ныне в больших чинах (что само по себе удивительно!), Салтыков-Щедрин с семьей с 1863 года постепенно наладил жизнь в Северной Пальмире, но запустил собственное здоровье под бременем неустанной редакционной и творческой работы. Пагубно отражались на нем и цензурные ограничения, которым часто подвергался «Современник».

По всей вероятности, именно отсутствие надежд на скорую перемену журнальных дел к лучшему побудило Михаила Евграфовича вновь поступить на службу в менее политизированное ведомство. Им оказалась Пензенская торговая палата, куда он был назначен управляющим, а два года спустя переведен в той же должности в Тулу, затем в Рязань. Но как только «Отечественные записки» перешли с января 1868 года под патронаж Некрасова, Салтыков-Щедрин сделался усерднейшим сотрудником издания. Летом того же года он окончательно покинул службу и стал в редакции правой рукой Некрасова, а после его смерти возглавил журнал.

Пока существовали «Отечественные записки», то есть до 1884 года, Михаил Евграфович работал исключительно для них. Там увидели свет «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы», «Дневник провинциала в Петербурге», «Благонамеренные речи», «Господа Головлевы» и другие художественные и публицистические произведения писателя. Двадцать лет кряду «все крупные явления русской общественной жизни встречали отголосок в творчестве Щедрина, который порой угадывал их еще в зародыше». Поэтому творчество выдающегося сатирика — исторический документ, сочетающий в себе «реальную и художественную правду».

Он руководил ведущим журналом страны в тот важнейший период,

когда завершался главный цикл «великих реформ», начатый отменой крепостного права в 1861 году. Причем реформы эти, говоря словами Некрасова, «теряли должные размеры и с треском пятились назад», поскольку непосредственное осуществление их попало в руки людей им враждебных. И вот парадокс: при наличии реформ в обществе все резче обозначались признаки реакции и застоя. Усиливался дух хищничества и наживы, мельчали люди и учреждения, начинало торжествовать все легкомысленное и пустое. Как тут мог писатель с талантом Щедрина воздержаться от сатиры! В его творчестве она становилась орудием борьбы против всего отжившего.

И тогда перед читателем явился Бородавкин («История одного города»), втихомолку пишущий «устав о нестеснении градоначальников законами». Или же — помещик Поскудников («Дневник провинциала

в Петербурге»), «признающий небесполезным подвергнуть расстрелянию всех несогласно мыслящих». Бичующая авторская сатира в основном дает отпор отчаянным усилиям побежденных снова завоевать утраченные из-за реформ позиции, возместить понесенные потери. В «Дневнике провинциала» ретроградами выдумываются прожекты, выдвигающие на первый план «благонадежных и знающих обстоятельств местных землевладельцев». А в «Помпадуррах и помпадуршах» дубиноголовые ставят палки в колеса толковым мировым посредникам, которых называют «отщепенцами дворянского лагеря»...

С удивительной выпуклостью, абсолютно зримо изображен сокровенный внутренний мир членов Головлевской семьи в «Господах Головлевых, этом вершинном произведении отече-

ственной прозы второй половины 19-го столетия. Члены этой семьи — порождение крепостной эпохи — полубезумны, их души уродливы и исковерканы. Но и в описании Головлевых автор сохраняет присущий ему гуманизм. Так, в черствой и скаредной старухе Арине Петровне он находит человеческие черты, внушающие сострадание. И даже в Иудушке Головлеве (Порфирии), персонаже, который стал нарицательным, «лицемере чисто русского по-

памятном сне героя романа Гончарова Салтыков-Щедрин противопоставляет истинное лицо крепостной деревни, запечатленное трезвым художником-психологом. «Пошехонская старина» отрицала уже всякую возможность идеализации крепостного быта, рисуя вместе с тем перед читателем целую галерею проникновенных художественных образов представителей того исчезнувшего со временем сословия.

Отпрыск аристократической фамилии, исправно «поставлявшей» России бояр, князей, графов, генерал-аншефов и давшей ей даже одну царицу, Салтыков-Щедрин прекрасно понимал, что будущее Отчизны — не за титулованными особами, а за массами. Идея народовластия была для Щедрина важна. Однако он не идеализировал крестьянскую общину, полагая, что народ сначала следует просветить и подготовить к высокой миссии. Как? Ответа на этот вопрос у него, увы, не было...

шиба, лишенном всякого нравственного мерил», обнаруживается совесть, пусть до поры «загнанная и позабытая», но способная в кризисную минуту проснуться и привести очнувшегося Порфирия к смерти.

Рядом с «Господами Головлевыми» по праву располагается «Пошехонская старина», ярко живописующая панораму тех основ, на которых зиждился государственный строй крепостнической России. Идиллии барской Обломовки в

«Просветители, свободные от наук» встречают нас в «Господах ташкентцах», и мы узнаем, что «Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют по зубам, и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гоняющем». Не щадит Салтыков-Щедрин также новые учреждения — земство, суд присяжных, адвокатуру, ибо требует от них многого и не прощает им компромиссов.

Столь же строго относился сатирик и к некоторым учреждениям пе-

чати, занимавшимся, по его выражению, «пенкоснимательством». А сама литература? «Литература может быть названа солью русской жизни, — писал он, — что будет, если соль перестанет быть соленою, если к ограничениям, не зависящим от литературы, он прибавит еще добровольное самоограничение?..» Поистине, золотые слова.

Стиль и слог Щедрина исключительно своеобразны. Каждый его персонаж говорит сообразно своему характеру и общественному положению. Точность же язвительной авторской речи просто бесподобна. Недаром она так афористична. Когда писатель говорит от собственного лица, оригинальность его манеры письма проявляется и в словесных сочетаниях, и в их неожиданных сближениях, и в быстрых переходах из одной тональности в другую. Нередко за вполне реалистичными сюжетными линиями и персонажами скрываются в произведениях Щедрина условные мировоззренческие концепции, в числе которых столь глобальные понятия, как «жизнь» и «смерть».

Отсюда — мотив кукол и кукольности («История одного города», «Игрушечного дела людишки»), зооморфные образы (очеловеченные звери в «Сказках», звероподобные люди в «Господах ташкентцах»). После Некрасова ни у кого из русских писателей не услышишь таких искренних стонов при виде нескончаемого рабского труда на родимой

земле. А какие волнующие картины природы дал этот суровый обличитель «свинцовых мерзостей» жизни!

Мало существует таких красок и смысловых нюансов, каких нельзя найти в произведениях Щедрина. Искрящимся юмором полна причудливая беседа «мальчика в штанах и мальчика без штанов». Задушевный лиризм отличает финал «Головлевых» и «Больного места». Среди немногих у этого прозаика описаний встречаются, тем не менее, подлинны перлы. Как, скажем, картина деревенской осени в «Головлевых» или засыпающего уездного городка в «Благонамеренных речах»...

Литературоведы ставят сильное «мировоззренческое напряжение» прозы Щедрина в один ряд с лучшими произведениями Достоевского и Чехова. Досадно только, что его непримиримой сатирой в советское время догматически «перекормили» учащиеся средних школ.

Салтыков-Щедрин с трудом поддается экранизациям и инсценировкам, однако некоторые удачные попытки заслуживают упоминания. В семидесятые годы подлинным событием культурной жизни страны явился спектакль Григория Товстоногова в московском театре «Современник» «Балалайкин и К». Его часто показывали по телевидению, и трусливый лозунг главного героя в блистательном исполнении Валентина Гафта «Давайте годить!» превратился в сатирическое осмеяние

брежневского застоя. Незабываемое впечатление произвел также мхатовский спектакль по «Господам Головлевым», в котором Иудушку бесподобно сыграл Иннокентий Смоктуновский.

Ну а по «Истории одного города» известный кинорежиссер С.Овчаров снял абсурдистскую эпопею «Оно». То были уже годы перестройки, когда бессмертную книгу Щедрина считали пророческой, усматривая в ней острые шаржи не только на Александра Первого и его ненавистного всем подручного Аракчеева, но и на Сталина, Хрущева, Брежнева... Нашли интересное воплощение в мультипликации сказки Щедрина — «Премудрый пескарь», «Органчик», «Как один мужик двух генералов прокормил».

... О чем он мечтал, о чем думал в безмолвные вечерние часы, наедине с рукописями под приглушенным светом настольной лампы? Об этом можно только догадываться, глядя на его буквально трагические портреты кисти упоминавшегося выше Крамского и Ярошенко, изобразившего писателя за три года до смерти, уже как бы не принадлежащим этому миру — отчаявшимся, страдающим, больным.

Михаил Евграфович и впрямь сильно прибалывал под конец жизни. Но стоически переносил недуги. Суровый, непримиримый на общественном и литературном поприще,

он был добр и терпелив с домочадцами, всю нерастраченную сердечную нежность направляя на достижение мира в семье. Говорят, талантливые люди бывают подчас тяжелы для домочадцев. О Щедрине такого не скажешь. И злые выходы, явное пренебрежение жены прощал, слухам про ее тайные измены не верил, а когда почувствовал приближение кончины, заклинал детей, прежде всего, заботиться о матери...

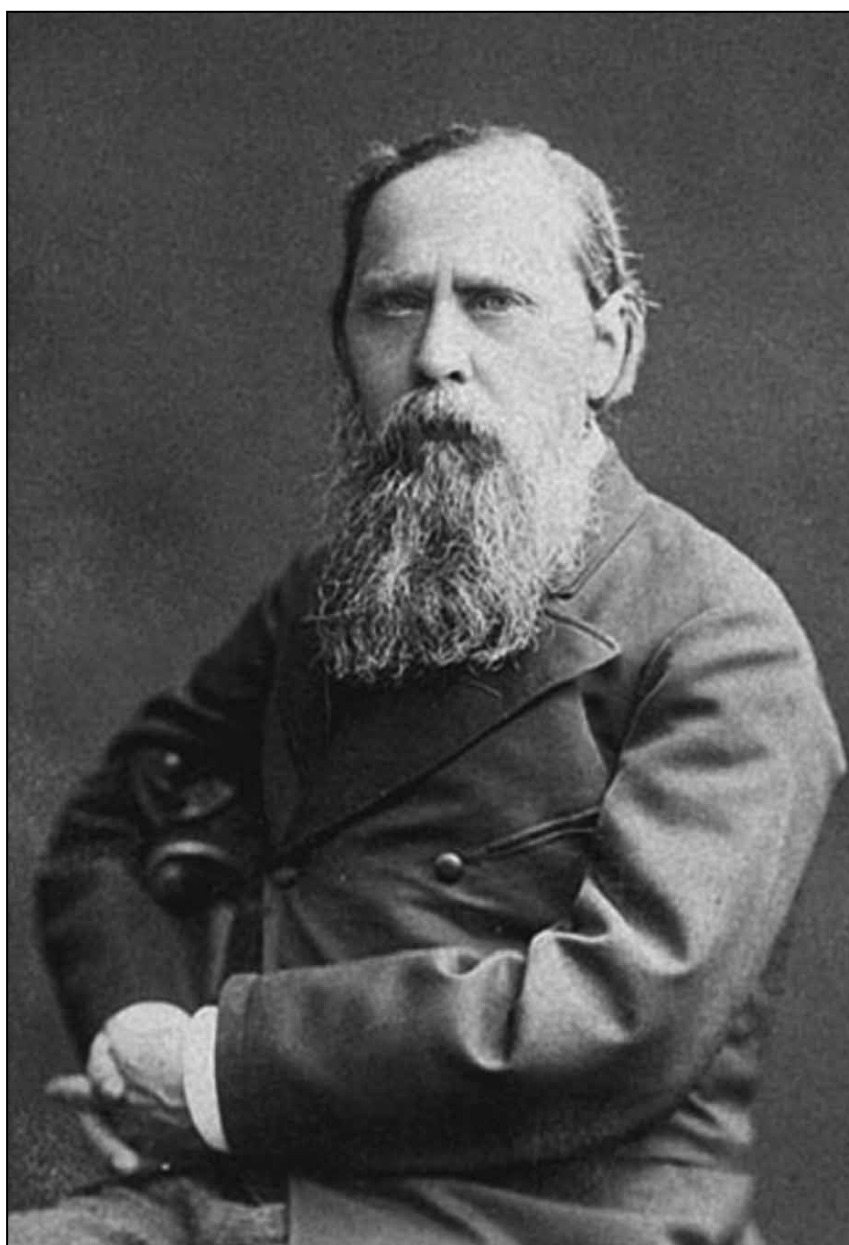
Отпрыск аристократической фамилии, исправно поставлявшей России бояр, князей, графов, генерал-аншефов и давшей ей даже одну царицу, Салтыков-Щедрин отлично понимал, что будущее Отчизны — за массами, а не за титулованными особами. Да и весь ход цивилизации указывал на это, ведь после промышленных революций сословная иерархия вела к экономическому отставанию тех стран, где она сохранялась.

Идея народовластия была для Щедрина важна. Однако он не идеализировал, подобно отдельным отечественным мыслителям крестьянскую общину, полагая, что народ сначала следует просветить и подготовить к высокой миссии. Как? Ясного ответа на этот сакраментальный вопрос у него не было. И все же свобода представлялась ему высшей ценностью. «Ежели общество лишено свободы, — писал Салты-

ков-Щедрин, — значит, оно живет без идеалов, без горения мысли, не имея ни основы для творчества, ни веры в предстоящие ему судьбы».

Последние месяцы жизни Михаил Евграфович провел в постели, почти полностью обездвижив. Приходившим к нему посетителям просил передать: «Я очень занят — умираю». Чувство юмора и язвительная ирония не покидали Щедрина до смертного часа. Он скончался предположительно от инсульта в апреле 1889 года в возрасте 63 лет и погребен, согласно его желанию, на Волковском кладбище рядом с могилой Тургенева.

«Не знал, чего ему хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать». «Во всех странах железные дороги для передви-

жения служат, а у нас сверх того и для воровства». «У нас в России воруют все. И при этом, хохоча, приговаривают: «Да когда же все это кончится?» Подобные меткие афоризмы Щедрина мы слышим ежедневно. Кое-кому он и сегодня кажется «крамольным», по крайней мере, «неблагонадежным». А этот своевольный писатель-сатирик и, по совместительству, вице-губернатор как раз не собирался угождать всем и каждому. Но отодвинуть его за спины первостатейных классиков русской литературы не удавалось и не удастся. □

Светлана Марлинская

ХРОНИКА МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА,

КОТОРОМУ В ЭТОМ ГОДУ — **88** лет

Сегодня невозможно представить Москву без метро. Его можно назвать городом под землей, со своими правилами, ритмом, достопримечательностями. Оно функционирует как отдельный организм, но, вместе с тем, является неотъемлемой частью столицы.

Идея запуска в Москве подземной железной дороги появилась на полвека раньше, чем проект стали воплощать в жизнь. С 1875 по 1930 год было представлено, как минимум, пять проектов строительства метрополитена. Но к работам приступили лишь в начале 1930-х годов, когда стало совершенно очевидно, что общественный транспорт (представ-

ленный в основном трамваями) не справлялся с пассажирскими перевозками. После пробки 6 января 1931 года, когда в городе на день встал весь транспорт — от трамваев до извозчиков, в Москве началось строительство метро.

1931–1940 ГОДЫ: ДВОРЕЦ ДЛЯ НАРОДА

10 декабря 1931 года во двор дома №13 по улице Русаковской (на месте будущего перегона «Сокольники» — «Красносельская») пришли семь рабочих и вонзили лопаты в мерзлую землю. Через месяц работа кипела уже на всех участках первой линии от «Сокольников» до «Дворца Советов» (сегодня — «Кропоткинская»). Сначала метро не собирались прятать глубоко под землю, но для этого пришлось бы перекопать весь город.

Молодой инженер Вениамин Маковский предложил прогрессивное решение: строить на глубине. Неожиданная идея вызвала море протестов, но пришлось по душе градоначальнику Лазарю Кагановичу. Точку в споре поставил Иосиф Сталин, который утвердил проект глубокого заложения.

Строительство шло трудно и медленно: не хватало ни опыта, ни людей. Пришлось обратиться за помощью к зарубежным коллегам. В 1934 году появился английский проходческий щит. Еще один собрали в

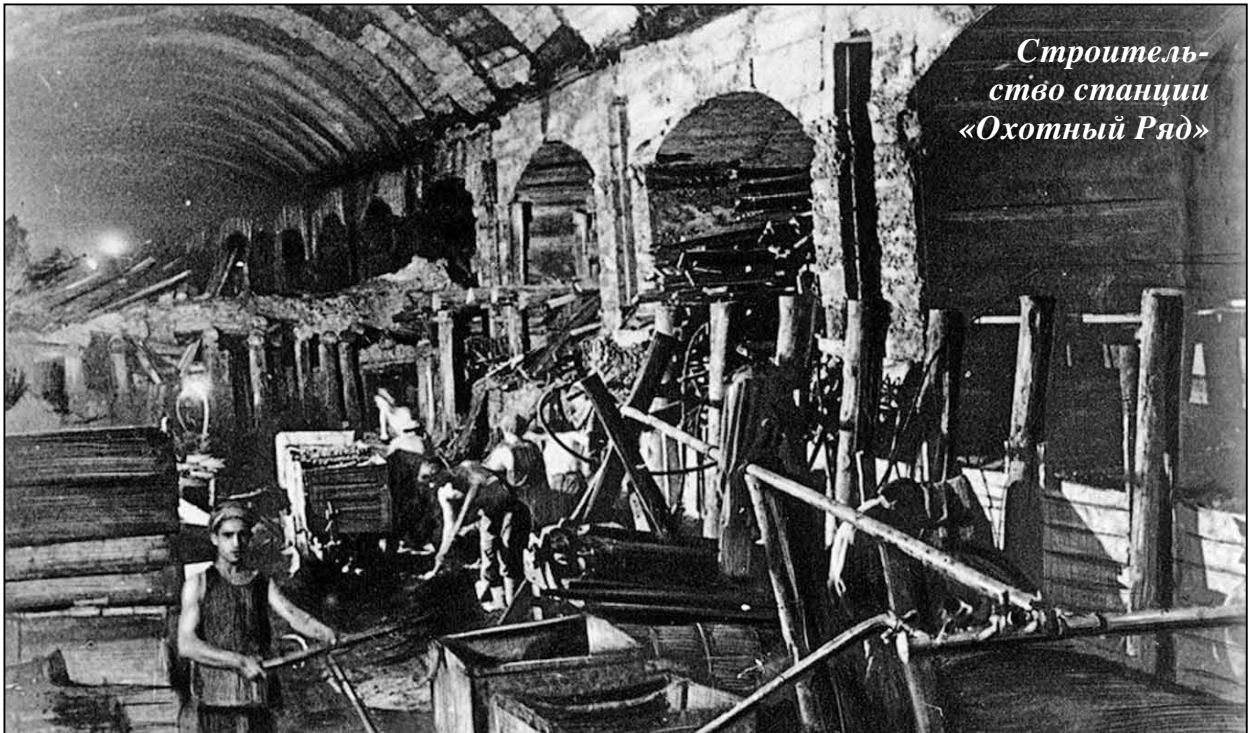
СССР по его образцу. Работа сразу пошла быстрее. 15 октября 1934 года из депо «Северное», расположенного возле станции «Комсомольская», на линию выехал первый в истории метро поезд.

15 мая 1935 года открылись первые 13 станций: «Сокольники», «Красносельская», «Комсомольская», «Красные Ворота», «Кировская» (сегодня — «Чистые пруды»), «Дзержинская» (сегодня — «Лубянка»), «Охотный Ряд», «Библиотека имени Ленина», «Дворец Советов», «Парк культуры», «Улица Коминтерна» (до ноября 1990 года — «Калининская», сегодня — «Александровский сад»), «Арбатская» и «Смоленская».

Примечательно, что рекорд по количеству одновременно открытых станций метро в Москве не побит до сих пор.

Символ Московского метрополитена — красную букву М — придумал архитектор Иван Таранов.

Строительство второй очереди метро было завершено в 1937–1938 годах. Открылась станция «Киевская» (будущая Филевская линия) и расположенный на этом участке

*Строительство станции
«Охотный Ряд»*

первый в СССР метромост — Смоленский. Заработали станции «Площадь Революции» и «Курская» Арбатско-Покровской линии. Еще через полгода было запущено шесть станций Горьковского радиуса: «Сокол», «Аэропорт», «Динамо», «Белорусская», «Маяковская», «Площадь Свердлова» (сегодня — «Театральная»).

Строительство проходило под девизом «Создадим дворец для народа!», поэтому архитектура подземки отличалась монументальностью и торжественностью. Станции «Площадь Революции», «Маяковская», «Театральная» можно назвать шедеврами архитектурной мысли. Это оценили и зарубежные специалисты: в 1939-м проект «Маяковской» (архитектор А.Н. Душкин, художник А.А. Дейнека) получил Гран-при на Всемирной выставке в Нью-Йорке.

Всего за первое десятилетие было проложено 24,25 километра линий и построено 22 станции.

1941–1950 ГОДЫ: СПАСЕНИЕ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В годы Великой Отечественной войны метро использовалось как бомбоубежище. Во время авианалетов там собирались до полумиллиона человек, которые размещались как на платформах, так и в тоннелях. Вскоре подземная жизнь стала обыденностью: на станциях были открыты магазины, парикмахерские и даже библиотеки. Во время воздушных тревог в метро родилось 217 детей. А на «Кировской» (ныне «Чистые пруды») располагались отделы Генерального штаба. Пути были отгорожены, поезда на станции не останавливались.

Но однажды метро чуть было не уничтожили. Такой приказ поступил от Кагановича 15 октября 1941 года, когда враг подступал к Москве. Метро планировалось частично затопить, частично — заминировать. Утром 16 октября метрополитен первый раз за всю свою историю не работал. Но к вечеру приказ об уничтожении был отменен.

Несмотря на военное положение, продолжалось строительство третьей очереди подземки. В 1943–1944 годах были открыты станции «Завод имени Сталина» (с 1956 года — «Автозаводская»), «Павелецкая», «Новокузнецкая», «Сталинская» (с 1961 года — «Семеновская»), «Измайловский парк культуры и отдыха» (эта станция неоднократно переименовывалась, с 2005 года она называется «Партизанской»), «Бауманская», «Электrozаводская». Тоннель меж-

ду «Площадью Свердлова» и «Заводом имени Сталина» прошел под Москвой-рекой. На всех станциях, возведенных в эти годы, установлены памятные таблички «Сооружено в дни Отечественной войны».

За годы военного лихолетья было проложено более 13 километров линий и открыто семь станций. А всего с 1941 по 1950 год московское метро увеличилось на 19,66 километра и 13 станций.

1951–1960 ГОДЫ: ОТ РОСКОШИ К ПРОСТОТЕ

После войны началось строительство четвертой очереди метрополитена — Кольцевой и Арбатской линий. Работы завершились уже в 1950-х годах.

Первоначально Кольцевая должна была пройти под Садовым коль-

Всего в 1951–1960 годах было построено 33,5 километра линий и 21 станция.

1961–1970 ГОДЫ: «СТЕКЛЯШКИ» И «СОРОКОНОЖКИ»

Курс на упрощение, взятый в середине 1950-х, продолжался до 1970 года. Появились «стекляшки» (станции со стеклянными вестибюлями) и «сороконожки» (платформы с 40 колоннами в два ряда). Новые станции отличались друг от друга только цветом облицовочного кафеля. Первой станцией, положившей начало архитектурному направлению «сороконожек», была «Первомайская». А наиболее дешево в это десятилетие обошелся участок Филевской линии от станции «Фили» до «Молодежной»: он почти весь проложен по поверхности.

Также в 1960-е продолжалось удлинение радиусов. Накануне 1967-го открылся участок фиолетовой линии со станциями «Таганская», «Пролетарская», «Волгоградский проспект», «Текстильщики», «Кузьминки», «Рязанский проспект», «Ждановская» (сегодня — «Выхино»). В 1969-м на юг продлевается зеленая ветка: открываются «Коломенская», «Каширская», «Варшавская» и «Каховская».

Любопытно, что одна станция была в это десятилетие закрыта навсегда. Первоначально «Первомайскую» открыли в 1954 году на территории депо «Измайлово». Но с продлением Арбатско-Покровской линии

на восток она стала не нужна. Саму станцию превратили в цех, а из вестибюля сделали актовый зал для сотрудников депо.

Похожая история произошла и в следующем десятилетии с временной станцией «Калужская». Она просуществовала на территории депо «Калужское» с 1964 по 1974 год. Таким образом, в Московском метрополитене есть и выведенные из эксплуатации для пассажиров участки — примерно четыре километра линий и две станции.

За это десятилетие проложено 58 километров подземки и открыта 31 станция.

1971–1980 ГОДЫ: СВЯЗЫВАЮЩИЕ ВЕТКИ

Метрополитен не только продолжил удлиняться в сторону окраин, но и связывать между собой радиусы, заполняя внутрикольцевое пространство. В начале 1972 года открылись станции «Площадь Ногина» (сегодня — «Китай-город»), «Колхозная» (ныне «Сухаревская»).

Получила развитие концепция эстетического оформления. Теперь она сочетала индивидуальность сталинского метро и индустриальность хрущевского. В центре строились станции глубокого заложения. «Кузнецкий Мост», «Пушкинская», «Горьковская» (теперь «Тверская») возводились в стиле 30-х годов прошлого века. Типовые станции модернизировались, при этом практиковался

*Бомбоубежище
на станции
«Маяковская»
в годы Второй
мировой войны*

Справа:
*Станция
«Маяковская»
в наше время*

оригинальный подход. Так, станция «Свиблово» была украшена смальтовыми панно и миниатюрами, в оформлении «Марксистской» применялась флорентийская мозаика, на «Шаболовской» использовался витраж из цветного стекла.

В 1970-х годах было проложено 52,8 километра пути и введено в строй 30 станций.

1981–1990 ГОДЫ: ОБМЕН МЕТРОПОДАРКАМИ

Конец 1970-х — начало 1980-х годов стали наиболее продуктивными в строительстве метрополитена. В 1983-м была введена в эксплуатацию Серпуховская линия с восемью станциями — от «Серпуховской» до «Южной».

В 1985-м столичная подземка пополнилась станцией метростроев-

цев из Чехословакии. В то время как архитекторы и инженеры этой страны возводили «Пражскую», советские оформители занимались строительством станции «Московская» в Праге.

Грянула перестройка, и темп прокладки метро замедлился. С 1985 по 1988 год строители ежегодно сдавали по три станции. В 1989-м была открыта только одна — «Крылатское» Филевской линии. В 1990-м — четыре: «Ясенево» и «Битцевский парк» (сегодня — «Новоясеневская») Калужско-Рижской линии, а также «Черкизовская» и «Улица Подбельского» (сегодня — «Бульвар Рокоссовского») Кировско-Фрунзенской (сейчас — Сокольнической) линии.

Всего за 1980-е годы проложено 46,5 километра пути и открыто 28 станций.

1991–2000 ГОДЫ: ПЕРВЫЕ СТАНЦИИ НОВОЙ СТРАНЫ

В лихие 1990-е строительство метро резко сократилось. Тем не менее были завершены проекты, запущенные еще до распада СССР. С 1991 по 1994 год открылся северный участок Серпуховско-Тимирязевской линии от «Савеловской» до «Алтуфьева». В 1995–1999 годах после долгого строительства была запущена Люблинская линия от «Чкаловской» до «Марьино». В августе 2000-го на Серпуховско-Тимирязевской линии открылась «Улица Академика Янгеля».

В это сложное десятилетие в государственной казне почти не было средств, поэтому многие станции метрополитену пришлось прокладывать за свой счет. Но, несмотря на тяжелое финансовое положение, их оформление выглядит вполне достойно.

Во время последнего десятилетия прошлого века подземка увеличилась на 32,8 километра и 19 станций.

2001–2010 ГОДЫ: ЗА ПРЕДЕЛЫ МОСКВЫ

В новом столетии ветки метро продлеваются не только в спальные районы, но и за МКАД. Первой станцией за пределами Московской кольцевой автодороги становится «Бульвар Дмитрия Донского», открытый в конце 2002-го. В том же году после двух десятков лет реконструкции начинает работу станция «Воробьевы горы», на вновь отстроенном Лужнецком метромосту. В мае 2003-го открывается самая глубокая станция подземки — «Парк Победы», а через полгода — Бутовская линия легкого метро. В 2004-м на севере запускается монорельсовая дорога,

связавшая районы Останкинский и Тимирязевский. В 2009-м Арбатско-Покровская линия продлевается на запад, причем не только за МКАД, но и — впервые в истории столичного метро — в область: первой станцией метро в Подмоскovie стала станция «Мякинино». Появляются новые станции на Филевской и Люблинско-Дмитровской линиях.

Меняется архитектура: проектирование ведется в новой стилистике. Из наиболее удачных можно отметить «Славянский бульвар», «Парк Победы», «Аннино», «Волоколамскую».

За первое десятилетие нового века построено 37,5 километра пути и 21 станция. А с учетом монорельса москвичи получили за 10 лет 42 километра линий и 27 станций.

С 2011 ГОДА: «БРАТСТВО» КОЛЕЦ

В наши дни подземка приходит в самые отдаленные районы, значительно упрощая

жизнь москвичам. За последние шесть лет метро появилось в Братееве, Орехово-Борисове, Тропареве, а также в расположенных за МКАДом районах Новокосино, Выхино-Жулебино, на присоединенных к Москве территориях. Не остаются без внимания и старые районы. В сентябре 2016 года на севере и северо-востоке открыты сразу три станции: «Бутырская», «Фонвизинская» и «Петровско-Разумовская». В марте 2017-го три станции — «Минская», «Ломоносовский проспект», «Раменки» — облегчили передвижение по городу жителям запада Москвы. Кроме того, появилось много пересадок за пределами Кольцевой линии: «Зябликово», «Деловой центр», «Парк Победы», «Битцевский парк», «Петровско-Разумовская». Они помогают оптимизировать транспортные потоки и дают возможность москвичам совершать поездки, минуя центр.

Ярким событием в жизни города стал запуск в 2016 году Московского центрального кольца — городской железной дороги, интегрированной в структуру метрополитена. 31 станция, расположенная на линии, позволяет горожанам

быстро пересаживаться, минуя центр.

Сегодня метро продолжает распространяться по столице. Меньше чем за последние семь лет в Москве открыто для пассажирского движения, считая МЦК, 55 станций и 101 километр линий — намного больше, чем в любой другой период строительства метрополитена. С вводом пяти первых станций Третьего пересадочного контура это уже будет 111,5 километра и 60 станций.

Также близится к завершению строительство участков «Речной вокзал» — «Ховрино», «Раменки» — «Рассказовка» и «Петровско-Разумовская» — «Селигерская». В 2018 году была открыта новая Кожуховская линия протяженностью 17,5 километра, в 2019-м красную линию дотянули до Столбова, а в 2020–2021

годах пущено движение по всему Третьему пересадочному контуру, длина которого составляет около 65 километров.

Всего за 10 лет, с 2011 по 2020 год, в Москве было проложено около 200 километров линий и открыто свыше 100 станций метро, считая МЦК. Примерно столько же было построено с 1965 по 2010 год, то есть за 45 лет.

Предсказать перспективы развития Московского метрополитена довольно сложно. Но специалисты едины в прогнозе: столетний юбилей, скорее всего, будет отмечаться для нового типа самого востребованного транспорта — скоростного метро, способного доставить пассажиров из центра города в дальние пригороды за очень короткое время. □

Любовь двух фейков

— Ассоциативное представление о многих вещах переполнено штампами. Например, девушка, слушающая шансон... Как бы ты ее охарактеризовал?

— Ну, пожалуй, какая-нибудь задиристая, курящая, матерящаяся, — написал Дмитрий.

Элис и Дмитрий познакомились около месяца тому назад. Их обоих, вопреки собственному желанию, добавили в очередной VK-чат. Перед тем как выйти из него, Дмитрий решил написать Элис в «личку» — ему очень понравились спокойные, рассудительные ответы девушки, захотелось узнать ее поближе. Элис легко откликнулась на предложение парня, и с тех пор они стали проводить все вечера за перепиской. Между ними сложились довольно теплые, доверительные отношения.

— Что и следовало доказать! — написала Элис, подкрепив свое сообщение улыбающимся смайликом. — На самом деле то, что мы сегодня понимаем под шансоном, является смешением многих музыкальных жанров: авторской песни, бардовской песни, баллады, романса, в том числе и городского, военной и, наконец, тюремной лирики. Но среднестатистический обыватель сопоставляет шансон лишь с блатной песней, представляя в своем воображении соответствующего слушателя. Однако я увлеклась, а на часах уже пятнадцать минут двенадцатого. Давай разбежаться, а то опять завтра будем сонными улитками!..

— Давай, — согласился Дмитрий, прислав своей собеседнице грустный смайлик. — Спокойной тебе ночи и добрых, крепких снов!

— Спасибо, и тебе Ангела Хранителя!

— Я так рад, что ты у меня есть!..

— До завтра! — написала Элис, отправив Дмитрию множество смеющихся смайликов.

На следующее утро, выйдя из подъезда, Андрей заспешил к ближайшей остановке. Время, как всегда, поджимало. Свернув за угол, он едва не налетел на Викторию. Девушка жила в соседнем подъезде, и каждое утро выгуливала лабрадора. Вот и сейчас она была с питомцем.

— Привет! — не останавливаясь, бросил Андрей. — Как дела?

— Доброе утро! Спасибо, все хорошо, — глядя ему вслед, ответила Виктория.

«Боже, какая мырма!.. — подумал про себя Андрей. — Эти короткие волосы, еле прикрывающие шею, какое-то угловатое лицо, будто работал скульптор-самоучка, грудь только через микроскоп рассмотреть можно, эта медвежья походка — ужас! Одета вечно в какие-то балахоны — мини-юбку и в сорокаградусную жару на ней не увидишь. И говорить не умеет, все молчит да молчит. А рот откроет, так льются высокопарные фразы из XIX века: извините, пожалуйста, вы не могли бы подсказать... Тьфу! Слушать противно. Ей только с собакой и общаться! Другое дело — моя Элис, Алиса!.. С ней душой отдыхаешь. Чуткая, умная, разносторонне развитая. Была б моя воля, писал бы ей каждую минуту!..» Но Элис еще в первый день их знакомства предупредила, что общаться может только по вечерам. «Утро всегда суматошное, — написала она. — А на работе я принципиально ни на что не отвлекаюсь».

Слегка отпихнув медленно идущую бабушку, Андрей протиснулся в маршрутку и плюхнулся на свободное место. Воткнув наушники, он включил на смартфоне музыку и отвернулся к окну.

— Привет! — написал Дмитрий, едва дождавшись, когда Элис появится в сети. — Как прошел день? Я так по тебе соскучился!

— Добрый вечер! — ответила девушка, привычно отправляя улыбающийся смайлик. — Я тоже по тебе скучала. Извини, что немного задержалась. В приют привезли покалеченного щенка немецкой овчарки — сломаны две лапки, надорвано ушко... Весь в грязи. Надо было его осторожно искупать, поставить шины, смазать зеленкой. В общем, пришлось немного повозиться. А у тебя как день прошел?

— Да все, как обычно. В универ слегка опоздал, но препод, благо, не заметил. Отсидел положенные пары, сдал курсовую и поехал на СТО. Сегодня подогнали «Тойоту Короллу» — парктроник немного барахлил. Классная тачка, я бы от такой не отказался! — написал Дмитрий с целой вереницей плачущих смайликов.

— Не грусти! Может, когда-нибудь и будет. Жизнь — она ведь штука непредсказуемая, полная всевозможных неожиданностей.

— Да ну!.. Таких денег мне точно не видать. Но все равно спасибо. Знаешь, читая твои сообщения, всякий раз ловлю себя на мысли, что ты —

необыкновенная. Такая чуткая, отзывчивая, начитанная — с тобой очень легко и очень интересно общаться. Ты — ангел!

— Я вся красная, сейчас под стол залезу от смущения!.. — спустя бесконечно долгую минуту ответила девушка, прислав десяток смущенно улыбающихся смайликов. — Мне, конечно, очень приятно, но не надо, пожалуйста, я — совсем обычная девушка и не заслуживаю таких слов. Мне с тобой тоже легко и приятно общаться. Я искренне рада, что мы познакомились, — добавила она.

Войдя в квартиру, Виктория опустила на корточки, чтобы снять с шеи любимого питомца ошейник. Сквозь кухонное окно в коридор проникали лучи утреннего солнца. Девушка на мгновение зажмурилась. Лабрадор, заметив это, лизнул ее в лицо и попытался вырваться.

— Чарли! — смеясь, воскликнула хозяйка. — Хитрец ты эдакий. Не нагулялся, да?

Пес тихонько взвизгнул и с тоской посмотрел на входную дверь.

— Ничего, посиди немножко дома. Мы и так с тобой прогуляли целых сорок минут, а в питомнике меня давно уже заждались твои сородичи. Голодные, между прочим. Понял?

Лабрадор снова взвизгнул и завилял хвостом.

— Вот и молодец, — похвалила Виктория. Сняв, наконец, ошейник, она ласково погладила пса по холке. — Вечером еще погуляем, — пообещала Виктория, снимая с вешалки сумочку.

На миг задержавшись у зеркала, она пригладила непослушные пряди белокурых волос, едва доходивших ей до плеч, и выбежала в подъезд.

— Знаешь, мне нужно кое в чем тебе признаться, — написала Элис, когда они привычно обменялись дневными новостями.

— И в чем же? — спросил заинтригованный Дмитрий.

— Мне не очень нравится моя внешность, — немного поразмыслив, написала Элис. — Но еще больше она не нравится окружающим.

— Да они просто идиоты, эти твои окружающие! — возмутился парень.

— Подожди, не сбивай меня с мысли, — попросила Элис. — Во многом из-за этого я очень замкнутая. Мне тяжело раскрываться, так как всякий раз боюсь вновь оказаться отвергнутой. Но одной тоже очень плохо. Вот я и придумала себе образ, надеюсь, что так будет легче, понимаешь?..

— То есть ты не Элис, и фотка на аватарке не твоя? — уточнил Дмитрий.

— Да. Я нашла немного похожую, но более привлекательную девушку. Такую, какой сама хотела бы стать...

— Забавно! А я ведь тоже — фейк, — признался Дмитрий. — У меня фамилия — Донской, вот и стал Дмитрием. Отфотошопил только его предполагаемый портрет, чтобы походил на современную фотку.

— Да ты талант! — восхитилась Элис. — Классно получилось! Я бы никогда не догадалась.

— Спасибо, — поблагодарил польщенный Дмитрий. — Мне он, кстати, очень импонирует, правильный был мужик!.. Но давай уже до конца рассекретимся. Скинь свое настоящее фото!

— Хорошо, — слегка поколебавшись, ответила девушка. — И ты свое. — Добро!

Они практически одновременно выслали друг другу фотографии.

— Ты?! — написал пораженный Дмитрий.

Он хотел еще что-то добавить, но смартфон, ранее неоднократно предупреждавший о разрядившейся батарее, тревожно дзынькнул и погас. Отбросив в сторону теперь уже бесполезный гаджет, Дмитрий вскочил с дивана и стал быстро ходить по комнате.

Вернувшись с работы, Виктория уединилась в своей комнате. Не переодевшись, она забилась в угол дивана и обеими руками обхватила голову. Щеки девушки пылали, а в груди учащенно билось сердце. Ей то и дело вспоминались различные моменты из переписки с Дмитрием: увлекательные дискуссии о культуре, психологии, религии; забавные приколы и случаи из жизни; душевные откровения и простой обмен дневными новостями.

«Ничего этого больше никогда не будет, — с горечью думала она. — Такая, как я, только и годится для виртуального общения и под чужой фотографией!. Внешность девушки — это все! Кому нужна неприглядная серая мышка? Ни-ко-му!.. А если ты еще и зажата, дико стеснительная, если тебе страшно раскрываться, — то и вовсе капец. Такая ты не интересна, и никому нет дела до твоих страданий и душевной боли. Ты — урод, и это с легкостью перекрывает всю твою образованность, многогранность интересов, любые душевные качества. Сколь бы не был богат и красив твой внутренний мир, его никто не желает разглядывать сквозь непримечательную оболочку. Господи, как же тяжело!.. Как же больно и обидно!.. И как сейчас не хватает его!..»

Лежавший рядом все это время лабрадор слегка приподнялся на передних лапах и ткнулся мокрым носом в щеку своей хозяйки.

— Только тебе, Чарли, я и нужна, — обнимая пса за шею, доверительно призналась Виктория. — Да еще вот маме, и все...

Словно услышав ее слова, Ольга Ивановна заглянула в комнату дочери и спросила:

- Будешь ужинать?
- Нет, мам, пока не хочу. Спасибо.
- Ты чем-то расстроена?
- Все в порядке.
- Не заболела?
- Голова немножко болит. Наверно, скоро погода изменится.
- Ну, полежи с полчасика...

Едва за матерью закрылась дверь, Виктория закрыла руками лицо и негромко всхлипнула. Из глаз девушки брызнули горькие слезы...

Весь следующий день Андрей постоянно думал о последней переписке с Элис. Чем бы он ни занимался, мысли то и дело возвращались к ней.

«Надо ж так жестоко развести! — сокрушался Андрей по дороге к остановке. — Я такие планы строил, а тут!.. Гуляет, небось, со своим псом и радуется. Вот пес ей и приятель!.. Страхолюдина несчастная!»

Во время университетских пар Андрей вспоминал их с Элис многодневную переписку, улыбаясь запомнившимся шуткам, мысленно дискутируя с девушкой о бессмысленности современного образования и повсеместной деградации общества. Элис действительно была очень интересным и разносторонним собеседником. Подобных ей девушек Андрей не встречал.

Заканчивая работу на СТО, он машинально представлял, что расскажет Элис о сегодняшнем дне, но вдруг одернул себя: «Стоп! Какая Элис? Нет такой, и никогда не было!..»

Вечером, сидя в пустой квартире, он продолжал думать о ней:

«Вот почему все так? Красивая, умная, начитанная, чуткая Элис, улавливающая любое настроение с полуслова, понимающая все твои переживания, разделяющая твои стремления — всего лишь фейк. Девушка, в обществе которой душой отдыхаешь, ради которой все бы отдал, — мираж. Ее нет. А есть — эта странная Вика, все время гуляющая в компании пса. Вика, не способная нормально поддержать ни один разговор, вечно что-то мямлящая, бесконечно краснеющая. Вика, рядом с которой и показаться стыдно. Ни лица, ни груди — ничего ведь нет! Как же так? Где справедливость?»

Виктория уже стелила постель, намереваясь лечь спать, когда вдруг пришла эсэмэска. Девушка с безразличием взяла смартфон.

«Привет! Извини, пожалуйста, что так резко пропал, — писал Андрей. — Давай завтра встретимся. Ты мне очень нужна!»

«Господи, неужели это правда? Неужели это со мной случилось? — К горлу подкатил ком, а из глаз брызнули слезы.— «Ты мне очень нужна!..», — прижимая руки к груди, дрожащим голосом прошептала Виктория. — Боже, спасибо тебе!.. □

Ее прекрасная восточная красота чарует, а сладкий голос завораживает. Красивая певица, телеведущая и фотомодел ь Жасмин не только заслуженная артистка Дагестана и Российской Федерации, но и многодетная мать троих замечательных детей. Трудно ли это — совмещать работу и семью, карьеру и домашний очаг? О детстве своем и своих детей, о работе, творчестве и выборе пути сыновей и дочери она и рассказывает в беседе с журналистом «Смены».

Фото Алены Никифоровой

Жасмин

**«Я рада,
что выбрала
этот путь.
Он позволяет дарить
людям радость»**

Фото из личного архива

— Вы родились в уникальном месте, ваш родной город Дербент считается самым древним городом России. Часто ли удается бывать на малой родине?

— К сожалению, я не так часто имею возможность посетить родные края, поэтому каждую такую возможность стараюсь использовать по максимуму. Я очень люблю родной Дербент, да и как иначе, ведь, как вы верно заметили, мне повезло родиться

в уникальном месте... Город-крепость, город-храм, город-музей Дербент — это самый древний город России, ему более 2000 лет. Край, который всегда интересовал историков и археологов, потому что лежал на пере-

крестке мировых путей и цивилизаций. А вы знаете, что с древних языков «Дербент» переводится как «ворота»? Ведь до XV века он был крупнейшей торговой гаванью на Каспии до тех пор, пока не отдал «пальму

первенства» Баку. Приезжая в Дербент, я люблю пройтись по местам детства, заглянуть в крепость «Нарын-Кала», погулять вдоль кавказской стены «Даг-Бары», прямо до моря когда-то спускались крепостные стены и уходили в него. В детстве мы часто играли в тех местах и, конечно, не особо задумывались о древности... Я привыкла к бесконечному морю. Попадаешь в Дербент, и даже горизонт не там, где обычно. Время тут понятие приблизительное, даже относительное и философское... Город, который каждый раз можно открывать заново.

— С чем еще помимо моря и истории связаны ваши детские воспоминания?

— Воспоминания о любимых родителях, конечно... И мама, и папа были людьми очень талантливыми, мне повезло родиться в творческой семье балетмейстера и дирижера. Мой отец, Лев Яковлевич Манахимов — заслуженный деятель культуры республики Дагестан, много лет был художественным руководителем горско-еврейского театра, а также создал хореографическую школу. Наверное, не будет преувеличением сказать, что научил танцевать лезгинку буквально половину нашего города! В нашем доме всегда звучала музыка, папа умел играть, как мне кажется, просто на всех возможных музыкальных инструментах. Но наше с братом детство нельзя назвать праздным. В точных семьях родители всегда стараются научить детей выполнять лю-

бую работу по дому. Я хорошо помню летние дни, когда мы с мамой и бабушкой делали варенье из черешни. Когда приходило время собирать черешню, я целую неделю безвылазно проводила на кухне. Подружки звали меня на улицу, и, конечно, мне очень хотелось пойти поиграть с ними, но родители были строгими — я должна была помогать. Представьте себе: огромное количество ягод, которые нужно было не просто собрать, помыть и шпилькой вынуть из них косточку, но третью часть еще и начинить орешками или абрикосовыми косточками. Сейчас такая работа меня бы даже порадовала, этот процесс действует успокаивающе, как, например, вязание, но для непоседливого ребенка это было тяжело. Родители очень любили нас с братом, но не могу сказать, что нас баловали. Нас держали в строгости, но строгость эта была полностью оправдана — так нас готовили к взрослой жизни. Брат постоянно мастерил что-то с папой, меня учили готовить, катать тесто, даже ткать ковры!

— Какие мудрые советы вам давали ваши бабушка и мама в процессе вашего воспитания?

— «Мудрость человека — в доброте и сдержанности»... Мне говорили, что «мужчина в семье — голова, а женщина — шея». Еще полезный совет: «Добавляй сахар во все, что говоришь мужчине, убирай соль из того, что слышишь от него...» или «Счастье в той атмосфере, которую мы создаем вокруг себя». И еще:

«Женщина, прежде всего, — хранительница очага». Это простые кавказские истины.

— Вы окончили медицинское училище. Когда поняли, что это — «не ваше»?

— Когда пришло время выбирать профессию, я склонялась к тому, чтобы стать переводчиком с английского. Мне хотелось поехать по миру, до сих пор очень люблю посещать разные страны. А в детстве, когда еще не было возможности много путешествовать, мир особенно манил сво-

им многообразием. Но, к сожалению, в нашем городе нельзя было получить специальность переводчика, а учиться в другой город меня ни за что не отпустили бы родители. Пришлось прислушаться к совету старших и пойти в медицинский, о чем я совершенно не жалею! Знания, как говорится, карман не тянут, а уж знания в медицине, да еще когда у тебя трое детей, точно лишними не будут. Но с самого раннего детства на уровне интуиции у меня была уверенность, что я буду петь. Я это просто знала. Если верить в мечту, однажды все точно случится!

— Существует мнение, что чем больше детей, тем с ними проще. Вы, как многодетная мать, согласны с этим?

— Отчасти, согласна. Помните, как в анекдоте? «Первый ребенок: все стираем, гладим, кипятим, второй ребенок: стираем, иногда гладим, смотрим, чтобы не ел из миски кота, третий ребенок: если ребенок поел из миски ко-

как мой ребенок из-за чего-то плакал. Но когда, например, Маргаритка в три года устраивает крик, узнав, что она по гороскопу Дракон, а она хочет быть принцессой, и не важно, что невозможно в принципе родиться в год принцессы, это и правда забавно, согласитесь? С другой стороны, уделить время каждому ребенку, когда их несколько, тоже сложно. У каждо-

та, то это проблемы кота!» Думаю, проще становится в том смысле, что перестаешь паниковать из-за каждой ерунды. Мой старший сын Михаил, ему 25 лет, часто шутит, что он у меня экспериментальный ребенок. С Маргаритой (10 лет) и Мироном (6 лет) действительно было уже проще. Одна моя знакомая раньше удивлялась, как я могу иногда задним числом посмеяться, рассказывая о том,

го свои уроки, свои кружки, увлечения, желания. Мамам иногда приходится просто разрываться.

— Вы уже пережили подростковый возраст с Михаилом, к нему приближается и Маргарита. Поделитесь, пожалуйста, секретами: как пережить это сложное время родителям, когда ребенок начинает жестко отстаивать свое «я».

— Маргарита у нас вообще с раннего с детства девочка с мощным стержнем, свою позицию отстаивает весьма жестко и в переходный возраст, думаю, покажет нам всю силу своего характера. С Мишей нам удалось прийти к компромиссу, он предпочитал меня не доводить. Он и младшим детям говорит, что у мамы есть три состояния «добрая, строгая и монстр, и до последнего маму

лучше не доводить». Думаю, самое важное — доверие со стороны ребенка и умение слушать и договариваться, а не давить со стороны взрослого.

— *Ваших детей уже сейчас можно назвать творческими. Поддержите, если младшие дети пойдут по вашим стопам, выбрав творческие профессии?*

— Думаю, Маргарита у нас и правда выберет творческую профессию. Она с пеленок мечтает стать артисткой. Едва научилась ходить и говорить, стала просить меня брать ее с собой на работу, несколько раз она выступала со мной на сцене, а однажды даже была со мной на гастролях. Каждый день мы переезжали в новый город, и каждый вечер она на один номер выходила на сцену. Под конец гастролей все уже устали, и только Маргаритка говорила, что хочет, чтобы впереди было еще сто концертов. Сейчас она учится в Гнесинке по классу фортепиано и чудесно играет, очень любит Гнесинку. Когда у нее спрашивают, кем она хочет стать, она говорит, что еще не определилась, певицей или актрисой, возможно, актрисой, ведь нередко они тоже поют. Думаю, у нее и правда есть все шансы стать артисткой. Ну а Мирон, скорее всего, пойдет по стопам папы — займется бизнесом.

— Вы получили целых 17 премий Песни года, выпустили 10 альбомов, гастролируете, а ваш график расписан на месяцы вперед. За этим стоит большая работа, колоссальный труд. Как удастся успешно справляться?

— Привыкла уже за 20 лет работы к такому образу жизни. Стараюсь не нервничать по пустякам, соблюдать баланс между работой и семьей, уметь расслабляться. Хотя это, конечно, сложно. Артист, который честно отрабатывает каждый концерт,

тратит огромное количество здоровья и нервных клеток. Чего только не приходилось мне переживать! Встречались на моем пути организаторы, которые получали деньги за наше выступление и уезжали с ними, только их и видели. Иногда нас забывали поселить в гостиницу, покормить, забрать из аэропорта.

Еще одна сложность такого графика — абсолютно неупорядоченное питание. Я никогда не пропускаю завтрак. Потому что где-то ближе к обеду у меня уже дела — и мне вообще не до еды. Когда освобождаюсь — на часах уже 12 ночи, есть нельзя категорически. И все же, сколько бы на моем пути ни встречалось трудностей, я безумно рада, что выбрала этот путь. Он позволяет дарить людям радость и получать от них такую же чистую и светлую энергию. Это прекрасно. Это ни с чем не сравнимо.

— Какую из ваших песен вы бы назвали самой любимой?

— Обычно самая любимая та, которая готовится к выпуску, на которую только что отснят клип и только что сделана обложка. Каждая моя песня по своему мне нравится, иначе я бы их не пела, но работа над новой песней, когда ты видишь, как дело превращается в то, что тебе по-настоящему нравится, вызывает особенные чувства.

— А вообще какую музыку можно найти в личном плейлисте Жасмин?

— Каждый день в мире выходит огромное количество новых песен. За всеми уследить невозможно, да это и не нужно. Огромное количество новых звезд быстро загорается и также быстро гаснет. Из новых артистов, которые появились в этом году, я бы выделила румынскую певицу Оливию Адамс. У нее вышло несколько песен, в которые были удачно вплетены известные мелодии прошлых лет. А в одной из них можно услышать даже фрагмент из оперы «Князь Игорь» Бородина, который многие знают по словам «Улетай на крыльях ветра». А что слушаю сейчас? Различные подборки в стриминговых сервисах. Старые песни Эда Ширана, Шакиры, Адель, Бейонсе и новые, если они у них появляются. Также очень люблю Уитни Хьюстон. В последнее время еще запомнилось несколько обработок больших хитов в исполнении хорватского виолончелиста Хаусера.

— С кем из звезд мировой сцены вы бы хотели спеть?

— Меня очень вдохновляют Бейонсе и Джей Ло, и не только песнями, но и своей энергетикой, поведением, женственностью. За образом этих артисток стоит огромная сила воли и работа над собой, поэтому их успех по-настоящему вдохновляет. Было бы здорово познакомиться с ними.

— Что бы вы порекомендовали к просмотру нашим читателям?

— Недавно я посмотрела всю серию исторических фильмов «Романовы». Потрясающе снято, с одной стороны, фильм документальный и максимально достоверный, с другой — страницы истории оживают за счет появления в фильме актеров. Очень люблю фильмы Педро Альмодовара, замечательный режиссер. А с детьми мы часто смотрим доброе семейное кино, из недавних отмечу трогательный фильм про собаку «Невероятный мир глазами Энцо».

— Ваши любимые художники?

— Я просто обожаю творчество Зорикто Доржиева. В его полотнах причудливым образом переплетается европейский академизм и родная для Зорикто эстетика бурятского и монгольского уклада жизни. Несмотря на мировую известность, выставки по всему миру, Зорикто по-прежнему ощущает себя частью своего народа, и эта философия мне самой очень близка. В его картинах удивительным образом сочетается реальное и мифическое, комичное и печальное, они очень глубокие, невозможно пройти мимо его картин, не заметив их. А еще со школьных времен люблю сочную яркую живопись Фриды Кало.

— Если бы вы не занимались музыкой, то что бы предпочли ей?

— Возможно, стала бы киноактрисой. Сыграть в кино — моя дав-

няя мечта! Мои ранние клипы многие сравнивали с короткометражными фильмами. Например, «Самый любимый» — это же действительно целая история, в которой нужно было сыграть самые разные эмоции и состояния. По жанру я очень люблю фильмы, способные пощекотать нервы, и, думаю, мне лучше всего подошла бы роль в каком-нибудь триллере или же роль следователя в детективном кино. А если не публичным человеком, то, возможно, ювелиром или дизайнером одежды. Во мне очень сильно чувство прекрасного, и я люблю камни, металлы, ткани, многие свои украшения и платья я ведь придумываю сама и заказываю у ювелиров и в ателье.

— Какое любимое блюдо вашего собственного исполнения?

— О, их очень много! Большинство из них напоминают мне о детстве, ведь готовить их меня научили мама и мои бабушки. До сих пор люблю побаловать семью чем-то нашим родным, национальным. Часто готовлю чуду — это пирог с курицей или с мясом, кутабы по бабушкиному рецепту — это лепешки из пресного теста с начинкой — зеленью, мясом и другими. Мы с бабушками часто лепили дюшпере — так у нас называют пельмени, но их края должны быть залеплены определенным образом. Готовлю плов самыми разными образами, напри-

мер, шах-плов — он готовится в хлебной оболочке и часто подается на большие праздники. Чебуреки, че-чевичный суп, борщ по-кавказски, простокваша собственного приготовления, долма, — это лишь малая часть того, чем люблю побаловать семью.

— Что бы вы пожелали читателям «Смены»?

— Счастья, любви, удачи и благополучия, а также исполнения всех желаний! □

Беседовала *Дарья Парчинская*

Владимир Братченко

Долгие гастроли ВЕЛИКОЙ АКТРИСЫ

В начале XX-го века в ряду великих актрис того времени имя Елены Александровны Полевицкой было известно всем театрам, овеяно славой и восхищением. Она играла на сценах Харькова и Киева, потрясала своей игрой театральный Петербург и Москву. От поклонников и поклонниц не было отбоя. Константин Паустовский, в ту пору студент Киевского университета, в повести «Далекие годы» так описывает атмосферу любви и почитания к актрисе: «Мы увлекались русской драмой и актрисой Полевицкой. Она играла Лизу в «Дворянском

гнезде» и Настасью Филипповну в «Идиоте»... Мы поджидали Полевицкую после спектаклей возле актерского подъезда. Она выходила — высокая, светлоглазая. Она улыбалась нам и садилась в сани. Встряхивались бубенцы. Их звон уносился вниз по Николаевской улице, исчезал в снежной ее глубине. Мы расходились по домам, а снег все падал и падал. Пылали щеки...» А были уж и вовсе диковинные и даже пугающие проявления любви к актрисе — студенты выпрягали лошадей из ее экипажа и сами привозили ее домой после спектаклей. Одним из горячих поклонников актрисы был художник Борис Кустодиев. В 1905 году он нарисовал портрет Полевицкой, который можно увидеть в Национальном музее русского искусства.

Так блистательно начавшаяся карьера актрисы должна бы иметь свое успешное продолжение и в советской России, когда бывшие императорские и частные театры начинали новую жизнь, пользовалась бы она всеобщей любовью, получила бы заслуженные почести и награды, не говоря уже о материальном благополучии. Но в жизни актрисы произошла досадная трагическая ошибка...

Елена Александровна Полевицкая родилась 3 июня 1881 года в Ташкенте в семье управляющего ташкентской конторой Банка России Александра Павловича Полевицкого. В 1888 году семья переехала в Петербург, где в 1893 году Лена была принята в Александровский институт для девушек «мещанского происхождения». Учебная программа включала общеобразовательные предметы, французский и немецкий языки, занятия пением, танцами, живописью, а также посещение театров. По завершении пяти лет учебы в институте ее оставили на двухгодичные педагогические курсы. Однако душа девушки тянулась к искусству. Природа одарила ее мно-

гочисленными талантами. Она была хороша собой, необычайно стройна и пластична, прекрасно рисовала, обладала красивым голосом и мечтала стать оперной певицей. В своем дневнике Елена записала: «Вместе с братом, с которым мы были очень дружны<...>, увидела и услышала в первый раз в жизни Шаляпина. Он меня потряс, поразили, околдовал, поднял над землей. После его спектаклей я приобретаю крылья, ходила, почти не прикасаясь земли, все во мне пело, ликовало, наполняло светлой радостью». Она стала брать уроки пения у Зои Павловны Ивановой-Иваницкой, известной в Петербурге певицы и педагога.

В эти счастливые, полные радостных надежд дни, Елена готовилась к свадьбе с любимым молодым человеком. И вдруг, как гром среди ясного неба, между ними произошел разрыв. В ее дневнике виновником разрыва упоминается некто Евг. А. Бр. Этот неожиданный удар по еще не окрепшей психике молодой девушки вызвал у нее нервный срыв. Она потеряла голос, продолжать вокальные занятия уже не могла, и от карьеры оперной певицы пришлось отказаться. Оправившись после тяжелого удара, Елена в 1900 году окончила с большой серебряной медалью двухгодичные педагогические курсы в Петербурге и стала преподавать рисование в женской гимназии. Однако заниматься педагогической работой ей не пришлось: молодежь в то время увлекали революционные идеи, и она, повсюду искавшая справедливости, принимала участие в различных забастовках и манифестациях, занималась распространением политических воззваний, да, к тому же, состояла членом нелегального «Союза учителей». Руководство гимназии не потерпело такого свободомыслия, и Полевицкую из гимназии уволили без права заниматься педагогической деятельностью. Выдержав и этот удар, Елена снова стала искать свой путь в искусство. В 1901 году по совету отца, в юности получившего художественное образование, она поступила в «Центральное училище технического рисования»,

основанное банкиром, финансистом и меценатом А.Л. Штиглицем, пожертвовавшим на его создание баснословную сумму в один миллион рублей. Заведение так и называлось — «школа А.Л. Штиглица». Здесь девушка проучилась четыре года. В дневнике она записала: «Приближался 1905 год. Вся молодежь бурлила. И в школе Штиглица тоже. Иногда встречались с агитаторами, товарищами-рабочими на квартирах рабочих.<...>Я была выбрана в «Революционный комитет десяти». <...>К этому времени — январь 1905 г. — я получила присужденную мне «высшую премию за акварель». Меня прозвали «звездой акварельного класса». Высшая премия была редкой наградой, присуждалась лишь за из ряда вон выходящую работу ученика, необычная, «сенсационная» награда. В январе 1905 года я получила эту премию <...>, а в июне, когда учащиеся разъехались на летние каникулы, я получила официальное извещение, что отчислена из школы «за малоуспешность». А фактически — за участие в студенческом движении. Но молодость взяла верх, и Елена вновь начала поиски своего творческого предназначения. Как раз в это время великая актриса Вера Федоровна Комиссаржевская, осуществляя свою заветную мечту и затратив огромные усилия, открыла в 1903 году свой театр, обосновавшийся в Пассаже на Невском проспекте. По-

знакомившись с искусством Комиссаржевской, этой «чайки русской сцены», Лена была захвачена и заморожена ее личностью. «Ни одна актриса из виденных мною, — пишет она в дневнике, — не потрясла меня так, не была так близка мне, не была для меня родной, близкой, понятной, как Вера Федоровна». <...> Благодаря ей я увиде-

ла призвание актрисы в новом свете». Эта встреча навсегда определила ее дальнейший путь — путь драматической актрисы. В 1905 году Лена, наведя справки о существующих драматических курсах, подготовилась поступать на Курсы музыкально-драматического искусства, известные как «Курсы Рапгофа». На вступительном экзамене

*Е.А. Полевицкая.
Портрет работы
Б.М. Кустодиева*

она с успехом прочитала басню Крылова (фото А.П. Петровского) «Пестрые овцы» и многозначительное стихотворение Галиной «Я все чего-то жду...» Экзамен принимали знаменитый актер и режиссер Александринского театра А.П. Петровский и сам Рапгоф. Он шепнул на ухо Андрею Павловичу: «Братъ Полевицкую я боюсь, она революционно настроена». Однако Петровскому удалось защитить Лену, на курсы она была зачислена, стала у него любимой ученицей и три года занималась под его руководством. Занятия и практические уроки вели лучшие специалисты театрального искусства. Профессиональное мастерство

давал Иван Федорович Шмит. Этот преуспевающий адвокат увлекся театром, занялся режиссерской деятельностью, организовывал благотворительные спектакли с участием солистов Мариинского театра, а, в конце концов, благодаря знакомству с Петровским, пришел на курсы Рапгофа. И тут его постигла судьба Пигмалиона: он влюбился в свою ученицу Елену Полевицкую, и в октябре 1910 года они поженились.

Учеба началась с художественного чтения, постановки голоса, дикции и правильного дыхания. При этом пользовались такими произведениями, как «Илиада», «Одиссея», а также читали былины, сказки и басни. Давались уроки танцев, пения, разыгрывались отдельные сцены из классических пьес, ставились немые сцены, изучали историю театрального и костюмерного искусства и даже технику грима. Наконец пришло время поставить полноценный спектакль. Петровский остановил свой выбор на драме Островского «Гроза». На время летних каникул он

поручил Полевицкой подготовить роль Катерины. Лето она проводила на родительской даче в Эстонии, на берегу моря, где с энтузиазмом принялась за работу. Но несколько переусердствовала. В дневнике она откровенно записала: «Я принялась со всем жаром за эту роль, с полной самоотдачей работала, и стала замечать, что по мере изучения роли

4 километра ходу. Сначала я бежала, потом пошла ровно и все время спрашивала себя: почему я должна умереть? Я не находила ответа, но все мое существо требовало это от меня. Наконец я пришла на мыс. Да, место выбрано правильно. Абсолютно безлюдно, высокий обрыв, внизу глубокое, волнующееся море. Я села и стала думать. Броситься

В декабре 1939 года Полевицкая была арестована немецкими властями, вывезена из Прибалтики в Германию и помещена в лагерь для перемещенных лиц. Благодаря вмешательству влиятельных друзей ей удалось вырваться из лагеря, но все равно власти запретили ей выступать на сцене. Одна, без мужа и детей, без какой-либо поддержки, во враждебном окружении, она оказалась в бедственном положении и вынуждена была подрабатывать стиркой и мытьем полов

мною овладевает страшная депрессия, тоска. Я, ровный в жизни человек, была не в силах справиться с собой, каталась по полу, билась головой об стену, выла по-звериному, и в один ужасный день решила, что не могу больше жить, что я должна покончить с собой, что я должна утопиться. Я не могла понять причины, но все мое настроение, безысходность тянули меня в воду. И однажды я решилась. Дача стояла у морской бухты, но тут было мелко илюдно, и я выбрала знакомый мне мыс Каспервик, до которого было

в воду, не зная «почему... — абсурдность этого я понимала. Просидев на мысу час, я сказала себе: "Топиться, не зная причины, нельзя. Надо осознать и выполнить только тогда, когда пойму". И я вернулась домой. Это состояние больше не возвращалось ко мне. Я поняла его лишь потом.<...>Я пришла в состояние Катерины<...> Все предпосылки к самоубийству во мне уже имелись, жили, но как ролевые, а я приняла их за мои личные».

Затем были разучены роли Ларисы в «Бесприданнице» и несколько

других. Спектакли были показаны в разных гимназиях и даже в здании Благородного собрания, и везде имели успех. К сожалению, учебу на курсах пришлось завершить — смерть отца в январе 1908 года вынуждала зарабатывать на жизнь самостоятельно. Тем не менее Полевицкой выдали диплом об окончании курсов, и она была зачислена в труппу Псковского театра. В то время многие, впоследствии известные и прославившиеся, актеры начинали свою профессиональную жизнь на сценах провинциальных театров. Так начинала даже Вера Комиссаржевская.

В марте 1908 года Елена Александровна впервые выступила на сцене Псковского театра как профессиональная актриса. Ей было 27 лет. Уже тогда газеты обратили внимание на яркое дарование debutантки. После Пскова были успешные выступления в Гельсингфорсе, Казани, в других провинциальных городах. Сезон 1909/10 года Полевицкой посчастливилось выступать в Петербурге в Театре В.Ф. Комиссаржевской. Но конкурировать с обожаемой примой Елена не могла, это ей было еще не под силу. Надо было искать свой путь. И в этом же году в Петербурге она встретилась с известным режиссером, педагогом, антрепренером, воспитателем талантливой театральной молодежи Н.Н.Синельниковым. Николай Николаевич только что создал в Харькове свой театр и пригласил Полевицкую в набираемую им труппу. На первом этапе их успеш-

ное сотрудничество длилось с 1910 по 1914 год, но затем оно прервалось на два года, когда она выступала в Московском драматическом театре Суходольских. Пресса публиковала многочисленные восторженные отзывы об ее игре. «С первых же дней московскую публику покорила Елена Александровна Полевицкая. <...> Она поражала, удивляла, увлекала, ее движения были всегда гармоничны, роли отделаны до мелочей, фраза закончена и точна, и какое-то особое благородство, целомудрие заставляло относиться к ее образам почтительно, восхищенно». К осени 1914 года театр готовил к постановке новую пьесу Бернарда Шоу «Пигмалион», премьера которой с огромным успехом состоялась 11 апреля 1914 года в Лондонском театре Ее Величества. Полевицкая с мужем, который должен был ставить пьесу, решили отправиться в Лондон, чтобы «лично видеть Бернарда Шоу». Эту интересную встречу Полевицкая довольно подробно описала в дневнике: «Знакомство и свидание с Бернардом Шоу состоялось в маленьком ресторанчике, где сошлись к 12 часам дня, к завтраку, следующие лица: Бернард Шоу, Петр Алексеевич Кропоткин — наш русский известный анархист и друг Б.Шоу, его дочь Александра Петровна, мы с Иваном Федоровичем. <...> Мы остались вместе и на обед и разошлись только вечером. Дочь Кропоткина вызвалась быть переводчи-

цей, но вскоре ее отец отстранил ее, взял на себя этот труд, и делал он это так художественно, что в его переводе отражен был весь Б. Шоу с его тонкой психикой, острым сарказмом, с иронией, легкой, как порхающие летние зарницы, с разящей смертельно, бескомпромиссно молнией его острого мозга. Б. Шоу был в ударе. <...> Когда мы уже разговорились, когда он уже расшифровал лицо каждого из нас, и ему было легко, хорошо с нами, он сказал: «Здесь все меня считают за сумасшедшего, но я нахожу, что вы — русские — более сумасшедшие, чем я, потому-то, должно быть, душе моей так светло, ясно, доверчиво в кругу вас». Вокруг него все время была атмосфера наэлектризованности, его мысли вылетали как молнии». Из Лондона супруги привезли все необходимое для постановки: эскизы, фотографии типажей из толпы, образцы мате-

риалов и пр. В 1916 году Полевицкая вернулась в труппу Синельникова, которая к тому времени переехала в Киев, и проработала в его театре до 1918 года. Она с благодарностью вспоминает годы работы с Синельниковым: «Николай Николаевич обладал благословенным даром — создавать творческую атмосферу в работе, т.к. сам горел все время и жил не только пьесой, но и ролью каждого актера. И мы приходили на его репетиции, если часто и усталые, но радостно наполненные ролью и счастьем быть в творческой чистой атмосфере». Благодаря работе в театре Синельникова по-настоящему раскрылся талант Полевицкой. Здесь она воплотила классические женские образы, созданные И.С. Тургеневым (Лиза в «Дворянском гнезде»), И.А. Гончаровым (Вера в «Обрыве»), Ф.М. Достоевским (Настасья Фи-

липповна в «Идиоте»), А.Н. Островским (Катерина в «Грозе» и Лариса в «Бесприданнице»), Л. Толстым (Лиза в «Живом трупe»), А. Грибоедовым (Софья в «Горе от ума»), А. Чеховым (Маша в «Трех сестрах» и Маша в «Чайке»), У. Шекспиром (Катарина в «Укрощении строптивой»), в спектакле Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины», где роль Консуэлы Андреев написал специально для нее. Зрители осаждали театры, где она выступала. Газеты и журна-

вая лучшие его струны, а когда она появлялась на сцене, мне казалось, что я вижу самое дорогое мне существо... Если теперь, на закате моей жизни, после того, как я видел столько спектаклей и столько артистов, спросить, какая артистка была для меня всех милей, какая артистка заставляла меня ловить каждое ее движение, каждый взгляд, каждый звук ее голоса, беспрекословно верить в каждый созданный ею образ, я, не задумываясь, назову имя, ко-

---

В 1955 году Елена Александровна получила, наконец, разрешение вернуться в СССР. Было ей к тому времени 74 года, из которых 35 лет она провела на чужбине. Вернувшись, она стала преподавать в Щукинском театральном училище, где одной из ее любимых учениц была Людмила Чурсина. В июне 1971 года театральная общественность торжественно отметила ее 90-летний юбилей, а через два года после этого Елена Александровна Полевицкая скончалась...

лы посвящали ей хвалебные рецензии, открытки с ее портретом печатались большим тиражом и быстро раскупались. Известный театральный критик С.Н. Бронштейн в своей книге «Герои одного мгновения», написанной в 1964 году, вспоминает: «Я увидел молодую артистку, равную которой я не видел потом во всю мою жизнь. Внешность ее была самая обыкновенная, но ее голос вибрировал в моем сердце, затраги-

торое даже теперь, после столько лет — и каких лет — заставляет меня вновь почувствовать себя молодым человеком и вспомнить серый, неуютный театральный зал, неяркое освещение, чудесную труппу, где было столько ярких талантов, а первой среди равных была для меня Елена Александровна Полевицкая». Слава о театре Синельникова докатилась до столиц, и весной 1919 года Николай Николаевич получил

приглашение от А.В. Луначарского занять место директора и художественного руководителя Александринского театра и привезти с собой актеров по своему выбору. Осенью Синельников и ведущие актеры труппы, включая, конечно, Полевицкую, должны были выехать в Петроград. Но переезд не состоялся. В России бушевала гражданская война. Харьков, в котором тогда работала труппа, переходил из рук в руки, от «белых» к «красным», и наоборот. Неожиданно «белые» обвинили Синельникова в сотрудничестве с «красными», он тяжело заболел, а труппа распалась и разъехалась кто куда. В это смутное время Полевицкая получила приглашение приехать на гастроли в Болгарию. Находясь далеко от Москвы и Питера, ей трудно было разобраться в происходивших событиях, и она приняла приглашение. 20 мая 1920 года Елена Александровна Полевицкая и Иван Федорович Шмит вместе с Русским ансамблем Ю.И. Юровского отплыли в Болгарию. Гастроли проходили с большим успехом, царь Болгарии Борис III наградил Полевицкую орденом «Дамский крест 3-й степени». В связи с неожиданно возникшими затруднениями с возвращением на родину супруги решили продолжить гастроли и обосновались в Вене. Елена Александровна с триумфом выступала в русских зарубежных труппах, и даже снималась на второстепенных ролях в немых фильмах. Она много

времени уделяла изучению немецкого языка, чтобы свободно и без акцента исполнять роли на этом языке. Впервые эта возможность представилась в 1927 году. На сцене венского Йозефштадттеатра Макса Рейнхардта, с которым она познакомилась во время гастролей его театра в России в пьесе А. Дюма «Дама с камелиями» она сыграла роль Маргариты Готье на немецком языке. Потом были гастроли на русском и немецком языках в Румынии, Чехословакии, Латвии, Австрии, Югославии. В 1935 году в Берлинертеатре Полевицкая исполняла на немецком языке роль Анны Карениной. Все эти годы актриса мечтала вернуться на Родину, непрерывно писала друзьям, умоляя их посодействовать о возвращении. Но лишь дважды ей позволили приехать в СССР — на гастроли в 1923 году и в сезоне 1924/25 годах. После выступлений в составе труппы Малого театра актеры вручили ей благодарственный адрес: «Коллектив артистов Государственного московского Малого театра, на протяжении почти двух месяцев играя в спектаклях с Вашим участием, счастлив сегодня приветствовать Вас, как одно из крупнейших дарований современного русского театра, и благодарить Вас за те многие часы радости, которые Вы подарили ему своим талантом, давая возможность видеть его и наслаждаться так близко и непосредственно». Не получив разрешения остаться в Москве, Полевиц-

*В роли
графини*

кая была вынуждена покинуть родину....

После установления в Германии в 1934 году фашистского режима для супругов наступили тяжелые времена. Иван Федорович, работавший режиссером в театре М. Рейнхардта, между прочим, австриец по национальности и подданству, был уволен, так как новые власти признали его не вполне арийцем. Полевицкая также была лишена возможности работать в театре. Долгое время они были без работы, и, в конце концов, приняли решение перебраться в Эстонию. Сезон 1937/1938 годов Елена Александровна работала в Таллине. А в сентябре 1939 года случилась трагедия: Иван Федорович получил тяжелую травму, заболел и вскоре скончался.

И тут началась Вторая мировая война. Прибалтика была оккупиро-

вана германскими войсками, и Полевицкая, имевшая германский паспорт, в декабре 1939 года была немецкими властями арестована, вывезена в Германию и помещена в лагерь для перемещенных лиц на побережье Северного моря. Благодаря вмешательству влиятельных друзей ей все же удалось вырваться из лагеря и вернуться к работе в театре. Но ненадолго: лишь однажды, в октябре 1940 года, она выступила на сцене Государственного театра в Берлине, сыграв Гурмыжскую в пьесе Н. Островского «Лес». После нападения Германии на Советский Союз пьеса была снята с репертуара, а Полевицкая уволена без права работы на сцене. Власти не простили ей посещения праздничных приемов в советском посольстве. Одна, без мужа и детей, без какой-либо поддержки, во враждебном окру-

жении, она оказалась в бедственном положении. Ей пришлось сдать часть квартиры, а иногда даже подрабатывать стиркой и мытьем полов. Наконец с трудом удалось устроиться на киностудию «UFA» на эпизодические роли. И вдруг в 1943 году от венских друзей из «Австрийской государственной академии искусств» пришло приглашение приехать в Вену для работы преподавателем в «Высшей школе сценического искусства». Не теряя ни единого дня, Полевицкая выехала в Австрию, и вновь стала жительницей Вены. А 13 апреля 1945 года стал для нее одним из самых счастливых дней в ее жизни: советские войска освободили Вену от гитлеровской оккупации. Она с радостью слышала русскую речь, видела родные лица солдат и офицеров. Елена Александровна вступила в Австро-Советское общество дружбы и со своими ученицами оказывала помощь раненым. Все трудности и невзгоды остались позади, теперь вновь можно было заняться любимым делом. В «Бургтеатре», «Народном театре» и в театре «Скала» Полевицкая организовала постановку пьес русских драматургов, и сама стала выступать на сценах этих театров. А еще преподавала актерское мастерство в театральной школе при «Бургтеатре», в «Государственной академии музыки и искусства сцены», даже снялась на «Венфильме» в картине «Господин Пунтила и его слуга Матти» в роли

Фрау Клинкман и при этом успевала еще работать на Венском радио. А параллельно настойчиво требовала от советской оккупационной администрации решить вопрос о возвращении на родину. Но по каким-то непонятным причинам ей постоянно отказывали. Лишь годы спустя она узнала, что «компетентные органы» сделали особую запись в ее «Деле №...»: «работала консультантом по русскому быту в геббельсовских антисоветских фильмах». Справедливости ради надо отметить, что русский быт Полевицкая основательно подзабыла, а советского быта она и вовсе не видела и не знала. Но и на этот раз помогли старые друзья. Сразу после окончания Великой Отечественной войны, в мае 1946 года, с письмом в Верховный Совет СССР обратился народный артист СССР В. И. Качалов: «Елену Александровну Полевицкую знаю как актрису много лет и всегда был ее горячим поклонником. <...> Интересный замысел, тонкий психологический рисунок роли, отточенная форма — вот что для меня было особенно ценно в артистической личности Е.А. Полевицкой. И благодаря наличию этих артистических качеств для меня совершенно несомненно, что Е.А. Полевицкая могла бы стать интереснейшей и ценнейшей работницей в любом театре нашего Союза как характерная актриса и педагог». Другие ведущие театральные деятели — А. Яблочкина, В. Рыжова, Н Ры-

жов — также стали добиваться ее возвращения.

Наконец в 1955 году Елена Александровна получила столь долгожданное разрешение вернуться в СССР. Было ей к тому времени семьдесят четыре года, из которых тридцать пять лет она прожила на чужбине.

Оказавшись на родной земле, счастливая и радостная, она горела желанием рассказать людям о своих чувствах, и ей дали возможность выступить по Всесоюзному радио. «Когда я пересекла границу, мне вдруг стало на душе хорошо, спокойно, и напряжение, в котором я жила долгие годы, которое бывает у каждого, когда он в чужой среде, вдруг исчезло. Русская родная речь звучала музыкой в моих ушах, я все время невольно улыбалась, упиваясь ею. Уже прошло четыре месяца, как я дома, но до сих пор не привыкла к ощущению радости от красоты этого единственного языка. Хожу по улицам и улыбаюсь — я так стосковалась по нем. <...>Театральная Москва горячо откликнулась на мой приезд. Многие театры приглашают меня посмотреть их спектакли.<...>После некоторых спектаклей я возвращалась домой потрясенная, взволнованная, удовлетворенная. <...>Я волновалась вместе со зрительным залом, и была захвачена волной патристического чувства и радости.<...> Я счастлива, что я дома, что могу творчески работать на пользу моей дорогой Родины».

Однако надо признать, благополучно прожив более десяти лет в Австрии, избежав все ужасы Второй мировой войны, Елена Александровна не вполне представляла себе, с какими бытовыми и другими проблемами ей придется столкнуться в послевоенной Москве. Квартиру ей поначалу не дали, и она, вместе с многочисленными чемоданами и коробками, поселилась у племянницы, с которой никогда не поддерживала никаких связей. Пока заграничная тетушка раздаривала родне зарубежные подарки, к ней относились любезно. Но когда запасы исчерпались, дали понять, что она весьма стесняет семью. После долгих мытарств, благодаря вмешательству Министерства культуры, ей, наконец, дали небольшую квартиру на Кутузовском проспекте. Полевицкая всю жизнь мечтала попасть в Малый театр, но ей вежливо отказали, объяснив, что «театр имеет устоявшийся актерский состав и свои исполнительские традиции». Но она все равно была счастлива. На родной земле к ней пришло, как говорят в народе, второе дыхание. Любители театра радушно встречали ее в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, где проходили ее творческие вечера. Она была зачислена в труппу Театра имени Вахтангова, и москвичи увидели ее в спектаклях «Живой труп», «Без вины виноватые».

С 1961 года Елена Александровна преподавала в Щукинском театральном училище, где одной из ее учениц была Людмила Чурсина.

В концертах и на радио она читала русскую и советскую прозу и стихи. Дважды снималась в кино — в роли старой барыни в «Муму» Тургенева и в роли графини в фильме-опере «Пиковая дама».

В июне 1971 года был торжественно отмечен ее 90-летний юбилей. Последние годы Елена Александровна провела в Московском доме ветеранов сцены имени А.А. Яблочкиной, окруженная заботой и почитанием. Здесь она и скончалась 4 ноября 1973 года в возрасте 92 лет и была похоронена на Введенском кладбище.

«Театральная энциклопедия» посвятила ей следующие строки: «В искусстве Полевицкой, пользовавшейся большой популярностью у зрителя, эмоциональность, непосредственность сочетались с одухотворенной интеллектуальностью, психологической тонкостью, отточенностью формы, мастерством перевоплощения (преобража-

лась в каждой роли до неузнаваемости). Лейтмотив образов актрисы — тема чистоты женской души».

Консуэла — «Тот, кто получает пощечины». Лиза Калитина — «Дворянское гнездо».

P.S. В истории театрального искусства России упоминается знаменитая «семиминутная пауза Полевицкой», которую она держала, не произнося ни слова, во время исполнения роли Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Это была сцена, когда Лиза перед уходом в монастырь прощается со своей комнатой. Зрители с напряжением следили за безмолвной игрой актрисы, а многие плакали. □

Она называла его «мой козел». Всегда, в любой ситуации и в любой женской компании. За глаза, естественно.

Прожив с ним без малого пятьдесят лет, она ни разу не была им довольна. Ни единого разу. Он всегда и все делал не так, как ей хотелось. Не так ходил, ел, разговаривал. Жил не так. Был слишком прост для нее.

Он и работал простым водителем. Как начал в армии возить генерала и все его семейство, так и продолжил после дембеля. Начальники сменялись, даже страна и то поменялась, нырнув из коммунизма в капитализм, а он неизменно оказывался вежливо-предупредительным, кого бы ни приходилось возить. Водил он аккуратно, без спешки, излишнего лихачества и аварий, но при этом привозил своих начальников вовремя, не заставлял нервничать их жен и дочерей.

Поспешил он в жизни один раз, когда женился. На ней, приезжей городской красотке, приехавшей в их сельскую школу по распределению учить детей привычному немецкому и неведомому никому французскому языку. Когда она читала французские стихи, под дверью толпились не только школьники и учителя, но даже сам директор, строгий фронтовик с палочкой. «Учитесь, — кивал он головой притихшим ученикам. — И вы так сумеете». Ее так и называли уважительно — «наша иностранка», признавая ее исключительность и особенность.

Она снимала квартиру у его бабки, старой подслеповатой и очень вздорной старухи. Он пришел как-то вечером наколоть дров и пропал. Онемел, увидев статную блондинку с бровями вразлет и серыми, почти серебристыми глазами. Он таких и не видел. Она едва кивнула деревенскому парню,

прищурился, словно оценивая, достоин ли он слова приветствия. В тот раз не удостоился. После этого он, как бычок на веревочке, каждый вечер после работы приходил к бабке. И приносил «иностранке» то букетик скромных полевых ромашек, то сочный полосатый арбуз, то домашний творог, то терпкий южный виноград, который она обожала. Она благосклонно кивала, принимая подарки и позволяла находиться рядом. Он подолгу сидел на лавке у ее окна, замерзая холодными осенними вечерами, пока она проверяла бесконечные тетрадки, готовый по первому зову принести воды из колодца, вытащить чугуна из печи или открыть скрипящую калитку, если ей вздумается прогуляться.

Она считала месяцы и недели до отпуска, чтобы уехать в свой город, где остались родители, друзья и однокурсники, где остался учиться в аспирантуре ее возлюбленный. Сначала она почти каждый вторник, когда приезжала машина с почтой, получала пачку заветных конвертов, потом пачка стала тоньше, а в конце декабря и вовсе пришло всего одно письмо.

Она долго плакала, закрывшись в своей, единственной во всем доме, светлой комнате, а он маялся под окном, сжимая от бессилия крупные кулаки, не в силах помочь ей. Ей, его свету в окошке, его Светланке.

Она вышла на крыльцо через час. Лишь припухшие от слез глаза выдавали недавнее страдание.

— Давай вместе встретим Новый год? — обронила она небрежно, и он, ошалевший от нечаянной радости, закивал, как китайский болванчик, не в силах проронить ни слова.

Они поженились в январе, удивив всех вокруг: и школьных учителей, и его родителей, и друзей. Друзья крутили пальцем у виска и рекомендовали показаться врачу, явно намекая, что жениться на городской фифе-иностранке может только больной. Родители вздыхали, видя, как сын сдувает пылинки со своей Светланки, а она царственно принимает его поклонение. Ему было все равно. Она была рядом, она сама выбрала его.

В деревне она выдержала ровно три года, столько, сколько положено было по распределению, не задержавшись ни на день «в этой дыре», где водятся дикие люди. Он тоже был диким, но она решила, что уж из него-то, влюбленного по уши шофера с десятью классами образования, она сделает человека. Для начала заставила поступить заочно в техникум, надеясь потом пристроить в автодорожный институт, куда устроилась сразу после возвращения «из деревенской ссылки». Но принимающий все ее слова и советы, как истину в первой инстанции, институту он категорически воспротивился.

Это была первая крупная ссора. До этого он обычно молча слушал и улыбался, когда она рассказывала, как ему, сельскому олуху, крупно по-

везло в жизни. В этот раз нашла коса на камень. Его «нет» взбесило «иностранку», она прогнала его из супружеской спальни и перестала готовить на него еду. Но он не сдался. И она его даже зауважала. Но про себя, конечно. Еще не хватало ему узнать. Хватит и того, что в постель снова пустила.

Он очень хотел много детей, мечтая рыбачить с сыновьями и носить на плечах дочек. Она решила, что одного ребенка вполне достаточно. Родила сына в тридцать и сказала «хватит». Он просил, уговаривал, настаивал. «Один-один», — отрезала она и больше к этой теме не возвращалась.

К сорока он начал выпивать. Дома было тошно. Она чаще всего презрительно молчала, равнодушно принимала его заботу, снисходительно позволяя себя любить. Сын рос молчаливым спокойным ребенком, предпочитавшим книжки рыбалке. Его друзей, таких же простых мужиков, она на дух не переносила и на порог не пускала. Начались гаражные посиделки, сначала под пиво и футбол, потом под водку и песни под гитару. После таких посиделок он из раза в раз изгонялся из спальни, неделями замаливая грехи и вниаясь перед ней.

Пару раз он приносил котенка, найденыша, брошенного у гаражей, в надежде поселить в холодной квартире маленький комочек надежды на счастье. Она презрительно хмурила брови, всем своим видом показывая, что домашний любимец может быть какой-нибудь породистой собакой, а не приبلудной кошкой из гаража. Он послушно пристраивал найденышей, в очередной раз вздыхая и запивая горе. Как умел.

Она часами висела на телефоне, жалуясь подругам на своего козла, вздыхала о потерянной юношеской любви, как-то с годами забывая о том, что эта самая любовь бросила ее в сухом письме, не удостоив даже прощальной встречи. Подруги сочувственно вздыхали, вместе с ней проживая потерю любимого, вынужденный союз с мужланом и непоправимое одиночество «иностранки».

Она любила театр и эстрадные концерты, а он — боевики и приключенческие фильмы. Раз в году они возили сына на море, где она царственно укладывалась на шезлонге под зонтом, а он преданно приносил ей холодный квас и мороженое, мазал кремом спину и обмахивал веером.

Сын очень быстро вырос и в семнадцать лет ушел в отдельное плавание, бросив на прощание, что в таком ледниковом пространстве можно выжить только по большой любви. К родителям. Он выжил. Но замерз. Хочет отогреться.

Они остались одни. Одни со своим привычным одиночеством вдвоем. Она вышла на пенсию в шестьдесят, несколько лет пострадала от неспра-

ведливости мира зрелых и перезревших и открыла для себя социальные сети. Немного осмотрелась, сориентировалась, поймала волну и нашла свою давнюю любовь, того самого аспиранта, а нынче профессора, который вдруг стал с ней флиртовать. «Ах, — придумала она, — он прозрел и понял, что лучше меня и нашей первой любви нет ничего на свете», — и решила измениться ради профессора.

Жесткая диета, нарощенные ресницы, татуаж бровей и новые стильные наряды от портнихи сделали из нее другую женщину. Она знала меру и никогда не перебарщивала с макияжем. Она знала себе цену и профессор клюнул. Они встретились один раз... И не узнали друг друга. Нет, конечно, не внешне. Фотографии в социальных сетях позволили подготовиться к тому, что совершили годы. Но внутренне «иностранка» и профессор стали абсолютно чужими. На разных планетах, в разных галактиках и измерениях.

Они смущенно решили остаться друзьями и разошлись. Впрочем, разошлись они еще тогда, когда она получила письмо от аспиранта с возвратом ей обещания стать его женой.

Она вернулась домой после этого свидания. Легла на кровать и отвернулась к стене. Вся жизнь крутилась в калейдоскопе воспоминаний: события, люди, поступки. Волнами накатывало сожаление, отбегая назад, как во время отлива, оставляя место для осознания, самобичевания и безнадежного понимания, что она все упустила, пропустила и отпустила...

Он принес ей любимый имбирный чай, укрыл легким любимым пледом и на цыпочках пошел к выходу из комнаты.

— Поздно? — она приподнялась на локте и смотрела на него бесконечно усталым серебристым взглядом.

Он сжал загрубевшими руками ее ладонь, коснулся губами и, прикрыв глаза, прижал к щеке.

Она все поняла без слов и сделала то, чего не делала никогда. Нагнулась и поцеловала его в едва намечающуюся проплешину на затылке. И улыбнулась от счастья...

Успела.

На следующий день сын заехал на минутку — сообщить о том, что почти к сорока годам встретил ту единственную, что дает ему ощущение домашнего тепла. По привычке уселся на свое место за кухонным столом, продолжая неспешно рассказывать о дате бракосочетания, скупко — о той самой, единственной. И замер на полуслове. «Пожалуй, мы завтра заедем вместе. Глобальное потепление в отдельно взятой квартире, насколько я понимаю», — с огромным удивлением констатировал он.

«Двойня, две девочки, две дочки, — выпалил сын прерывающимся от волнения и счастья голосом. — Мам, пап, у вас две внучки. Здоровенькие. И жена в порядке. Я отец двух дочек!» — заорал он в трубку и отключился.

... «Мы еще за мальчишками пойдем», — смущенно улыбнулась молоденькая невестка, наблюдая, как новоиспеченные бабушка и дедушка умильно смотрят на девчонок-малышек.

Диван, на котором он провел много одиноких бессонных ночей, изгнанный из супружеской спальни, она продала. Он приехал с работы, и лишь чисто вымытый пол с невыцветшей краской напоминал о прошлом. Комнату по взаимному согласию переоборудовали в детскую. Ведь внуков должно быть много, разве нет так?

Она теперь редко звонит подружкам. Свободного времени стало совсем мало. Да и закадычные приятельницы почему-то странно реагируют, когда она с гордостью рассказывает, мол, мой-то сегодня снова две большие щуки поймал, а вчера такой стульчик своими руками для внучек-близняшек соорудил, что просто загляденье. Не нравятся почему-то престарелым подружкам такие заявления. И ее гордое «мой» тоже не нравится. Не посочувствуешь от всей души, не вздохнешь притворно, не перекрестишься тайком, что у тебя-то точно все гораздо лучше.

Чужое счастье глаза режет почище только что нарезанного лука.

Сегодня непростой день. Дата их свадьбы. Они никогда не отмечали этот день. Он поначалу приносил цветы и фрукты. Она, в лучшие годы, просто фыркала и ставила букет в вазу, в худшие — демонстративно вообще не замечала.

— Это Искорка, — она вынула из-за пазухи маленького дрожащего рыжего котенка, нетвердо стоящего на тоненьких ножках, но пытающегося издавать рычащие звуки. — Я нашла ее на помойке.

— Маленькая, но независимая. Как ты, — он скупно улыбнулся и взял в руки рыжий теплый комочек.

А она прильнула к нему, такому простому, такому сильному. Такому... ее. Единственному для нее...

Скажете, поздно?

Скажете, зачем терпел?

Скажете, сказка?

Сказки существуют, надо просто в них верить! □

Ника Павлова

Я ТАК ДАВНО НЕ РИСОВАЛА МОРЕ

Я так давно не рисовала море...
Но согревает голосом волна,
И пусть твоя струна
Дрожит в миноре —
Мелодия беспечна и светла!..
Танцуют вновь
В безоблачном просторе
Слова и ноты,
А моя строка
Спешит за ними,
Забывая коды,
Ответы сердца
В пульс переплетая...
Мгновения стекают
Вниз по стеклам,
А календарь твердит:
Сейчас зима...
Хрустальный свет
Сверкает одиноко,
Мечтает снова
Написать тебя...
Достану холст,
Палитру, кисти, краски,
Смешает их влюбленная луна...
Я так давно не рисовала море...
А море для меня — твои глаза!..

ПОМНИШЬ

Ты же помнишь	В узор заплетал...
Тот пасмурный вечер:	Он уже не чертил
Притаился в тоске океан,	Бесконечность —
Кутал бризом	Параллельные дней
Озябшие плечи,	Рисовал...
Но в ответ на вопросы	Улыбался тот
Молчал...	Пасмурный вечер —
Таял отзвук,	Все еще
Никем не замечен,	Хрупким снам
Тайной ноты,	Доверял
Известной лишь нам...	И, обняв
Сонных взглядов	Мое небо за плечи,
Усталые речи	Как рассвет,
Хмурый ветер	Обнимал океан...

ПРИКОСНОВЕНИЕ (ВО СНЕ)

Прикасаюсь — лишь к имени — взглядом,
Прикасаюсь — лишь к отзвуку — вдохом...
Больше мне ничего и не надо,
А без этого — крыльям плохо...
А без этого крылья вязнут
В ломких ливнях и до-миноре...
С каждым взмахом сильней опасность
Обрести тоску на повторе...
В моих локонах спрячь касанье
То ли музыки, то ли взгляда:
Я хочу обнять мироздание,
Ощущая — ты где-то рядом...
Кутать плечи в янтарный отблеск
Крон осенних, что дышат солнцем,
Дождь наполнить хрустальным звоном
Будет проще... когда проснемся.

РАЗНЫМИ СЛОВАМИ ОБ ОДНОМ И ТОМ ЖЕ

Разными словами	Только самолеты
Об одном и том же	Тайну сердца знают —
Пишем, растворяя	Тянемся друг к другу
В строках суету...	Даже сквозь тоску...
Снова покидаем	Разными словами
Мир без капли солнца,	Об одном и том же
Просто оставляя	Пишем, растворяя
В строках теплоту...	В строках суету...
И аэропорты	Как слеза, надежда
Как друзей встречают —	Робко встрепенется
Мы давно знакомы	В зале ожиданья...
С ними на бегу...	Ждешь? Я тоже жду!..

ВАЛЬС ПОЛУУЛЫБОК

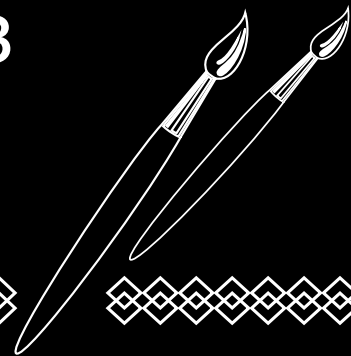
Вальс полуулыбок,
Отзвуки шагов...
Вечер словно книга
В сумерках стихов.
Спит амбивалентность,
В строгий переплет
Спрятана небрежность
Первых хрупких нот...
Белый танец взглядов
Дождь не оборвет —
Песню звездопадов
В полумрак вплетет...
И, рифмуя с ветром
Каждый новый вдох,
Мы найдем ответы
На вопрос без слов...

Ирина Опимах

Ли Краснер

ЖИЗНЬ с Поллоком и без

Почти за каждым мужчиной, сделавшим в жизни что-то значительное, стоит яркая, неординарная женщина. Муза, нянька, жена, сподвижница, последовательница, любовница... Вот и за выдающимся американским художником Джексоном Поллоком стоит Ли Краснер. Преданная, талантливая, энергичная, без которой Поллока как художника не было бы.

Ли Краснер родилась 27 октября 1908 года в ортодоксальной еврейской семье, эмигрировавшей из России, — раньше они жили в местечке Шпиков Брацлавского уезда Подольской губернии. Ли была шестым ребенком в многодетном семействе Краснеров и первым, родившимся уже в Америке. Поселившись в Нью-Йорке, в Бруклине, Краснеры открыли лавочку, где можно было купить рыбу, овощи и фрукты. Говорили в

доме на идише, свято чтили традиции, молились и изучали священные тексты. Маленькая Лена (так ее называли в родительском доме) до некоторого времени следовала всем установленным порядкам, но постепенно ее бунтарская природа стала давать о себе знать, и она шаг за шагом отходила от религии и иудейских традиций.

И дома, и в школе Ли не отличалась покорностью — «от этой учени-

цы все время беспокойство... она вечно настаивает на том, чтобы все сделать по-своему», говорили ее учителя. И уж совсем она взбунтовалась, даже бежала из родительского дома, когда умерла ее старшая сестра: ведь по законам иудаизма Ли следовало выйти замуж за мужа сестры и взять на себя заботу о племянниках. (Эту обузу переложили на 14-летнюю сестру Ли, которая ей этого так никогда и не простила).

Ли решила жить по-своему: не так, как велели родители, не так, как захочет ее будущий муж, если он возникнет на ее пути, не так, как будет нужно ее возможным детям. Она решила стать художницей — и прежде всего художницей, а не женой и матерью, и таким образом поставила себя вне рамок всех тогдашних общественных норм. Вот такой она была, эта Ли Краснер! Вот такой она себя видела!

Американские женщины получили право голосовать только в 1920 году, а уж о карьере художницы в те времена они и не мечтали. Это занятие считалось недопустимым для прекрасной половины человечества. В американском обществе с сомнением относились и к мужчинам, профессионально занимавшимся искусством, а уж про женщин и говорить было нечего. Однако Ли это нисколько не смущало. Родители, хорошо понимавшие, что с их упрямой девочкой спорить бесполезно, противиться не стали и согласились, но с одним условием: выбрав сей

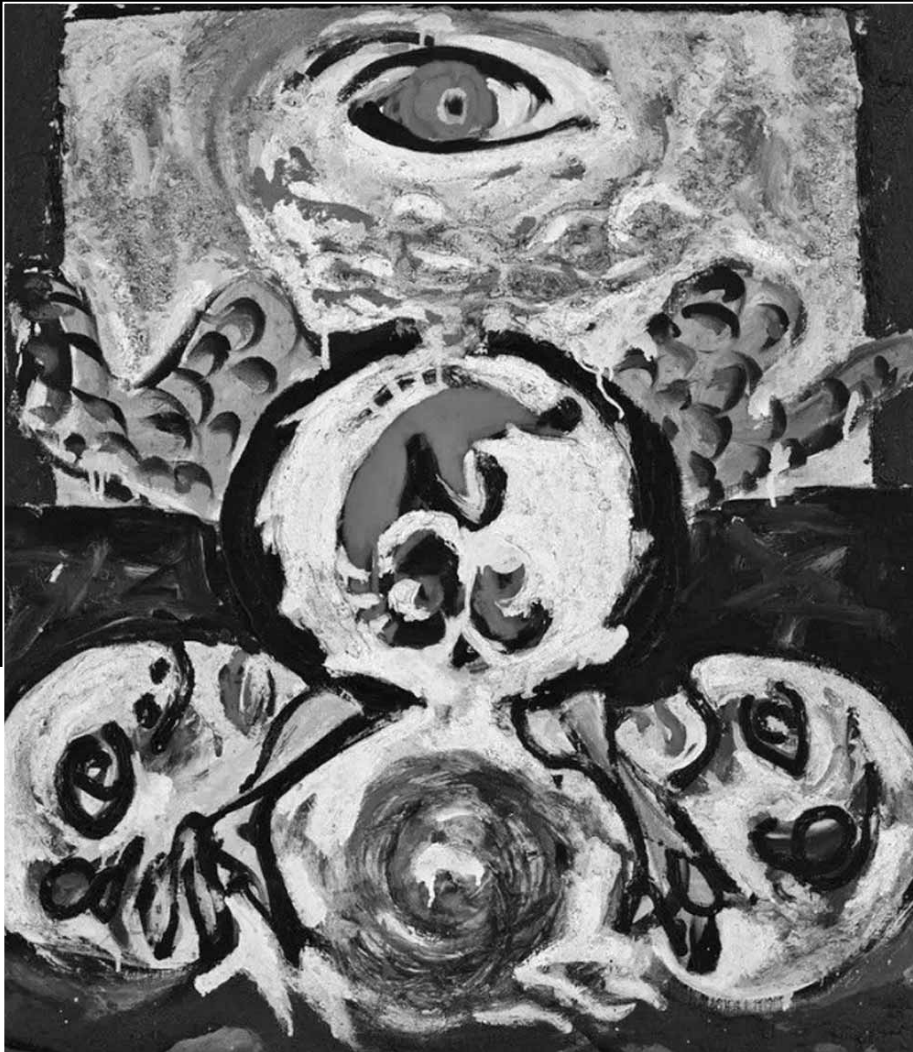
нелегкий и сомнительный путь, она не будет просить у них денег.

В 1928 году Ли поступила в одну из лучших художественных школ страны — Национальную академию дизайна. Во время приемных экзаменов она показала автопортрет, который очень понравился экзаменаторам, причем настолько, что они даже с трудом поверили, что перед ними — работа юной, только начинающей художницы. Конечно, Ли приняли в школу.

Среди своих соучеников она сразу заметила белокурого красавца, приезжавшего в школу на роскошном кабриолете. Его звали Игорь Пантюхов. Он был русский, голубых кровей, и говорили, что его отец дружил с Николаем II. Покинув родину, после долгих скитаний Пантюховы осели в Нью-Йорке и поселились в большой квартире на Сентрал-парк Вест.

Ли не отличалась красотой, но в ней было столько жизни, столько таланта, столько огня, столько шарма, что Игорь, опытный уже портретист, у которого было множество заказов и который выигрывал все художественные конкурсы, влюбился в девушку. Ну а она, конечно же, не могла не увлечься этим русским.

Их отношения длились целых десять лет.. Поначалу все складывалось неплохо. Игорь, аристократ, входящий в высшее общество, учил Ли, как одеваться, чтобы выглядеть элегантной дамой, как использовать макияж, и постепенно некрасивая Ли превращалась в яркую,

*Джексон
Поллок.
«Птица»*

Справа:
*Джексон
Поллок
за работой*

интересную женщину. Вот она, на портрете Игоря. Хороша! «Жгучий профиль Лены Краснер» — так он назвал эту картину. Однако оказалось, что Игорь только внешне был таким благородным и любящим. На самом деле он много пил и был жутким эгоистом. Он часто оскорблял Ли, заявляя, что ему нравится быть рядом с уродливой женщиной — так он чувствует себя еще большим красавцем. А она была ему абсолютно преданна, восхищалась его растущим мастерством (со временем он, создатель жанра АГБ — «абстрактные портреты с большими глазами», — был при-

знан одним из лучших художников того времени) и терпела все его безобразные выходки.

В 1938 году Игорь ее бросил, и Ли осталась одна. Пережить предательство, уход любимого было очень трудно, и только работа отвлекала от грустных мыслей, от страшной тоски.

Еще живя с Пантюхиным, Ли подрабатывала — она всегда хотела быть финансово независимой ни от кого: работала в кафе официанткой, а в 1934 году стала участницей большого государственного проекта по помощи молодым безработным ху-

дожникам. Ли расписывала фресками огромные здания, а когда началась Вторая мировая война, создавала пропагандистские плакаты и коллажи. Отчасти Ли была довольна — она зарабатывала на жизнь искусством. Правда, это было не совсем то искусство, о котором она мечтала...

И тут в ее жизни появился еще один мужчина — человек, сделавший ее настоящей художницей. Его звали Ганс Хофманн. Он был не только замечательным художником, но и выдающимся преподавателем — именно Хофманн познакомил американских художников с европейскими направлениями в живописи: символизмом, неоимпрессионизмом, фовизмом и кубизмом.

Ли поступила в школу Хофманна в 1937 году. Она ловила каждое его слово, внимательно слушала его советы. На одном из первых занятий Хофманн молча открепил ее рисунок от мольберта, оторвал его нижнюю часть и поместил над верхней. Ли стояла и смотрела, лишившись дара речи. Этот толстый немец, насколько не заботясь о чувствах ученицы, разрушил ее рисунок и переделал его! Но удивительное дело — рисунок стал лучше!

Очень скоро Ли стала любимой ученицей Хофманна. Мудрый и чуткий к талантам, он сразу разглядел в ней незаурядную личность и явный дар.

Годы, проведенные в школе Хофманна, были для Ли необыкновенно яркими и во многих смыслах успеш-

*Ли Краснер.
«Нанесение
изображения»*

Справа:
*Ли Краснер.
Без названия*

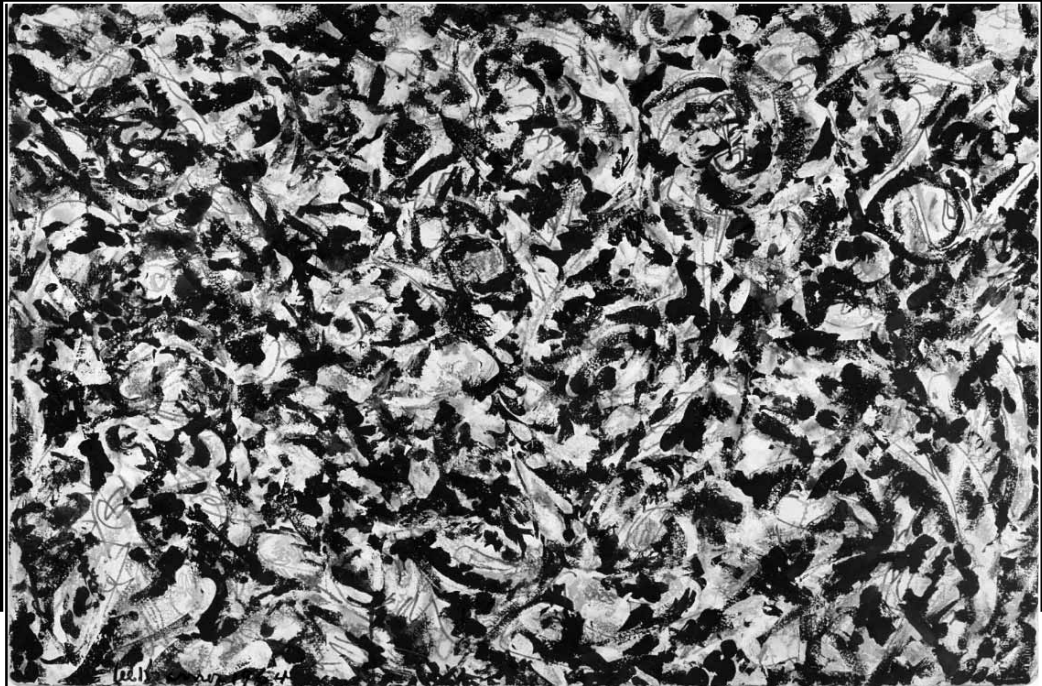
ными. Имя ее стало известным в артистических кругах, Ли приглашали участвовать в самых разных выставках, причем часто ее работы висели рядом с полотнами таких признанных художников, как Пикассо, Брак, Модильяни.

Но вот тут в ее судьбе появился еще один мужчина, который перевернул всю ее жизнь. Звали его Джексон Поллок.

В 1941 году они оба должны были участвовать в выставке, организо-

ванной известным любителем и знатоком искусства Джоном Грэхемом. Ли знала всех художников, чьи картины были приняты на выставку, и только Джексон Поллок был ей неизвестен. Ли решила посмотреть его работы и отправилась к нему в мастерскую. «Я постучалась, он открыл дверь. Я представилась и сказала, что мы будем участвовать в одной выставке. И сразу вошла.

Что случилось потом? Я была ошеломлена, буквально ошарашена

увиденным. Смотрела на эти удивительные картины и чувствовала, что пол уходит из-под ног...»

Ли сразу попала не только под обаяние его удивительных работ, но и под его мужское, человеческое обаяние. А он увидел в ней очаровательную, умную женщину.

Полок мало общался с коллегами-живописцами и в основном славился не своими работами, а своими пьяными выходками. Люди должны оценить его грандиозные творения, решила Ли и принялась вводить его в нью-йоркский артистический мир. Она знала всех тогдашних звезд — де Кунинга, Мондриана, Бурлюка, познакомила Джексона со своими друзьями-художниками, а главное — с ведущими коллекционерами, меценатами и галеристами. С гордостью она представляла его как восходящую звезду нового искусства, как настоящего гения, создающего

один шедевр за другим. Ли стала его менеджером и первым критиком, его любовницей и кухаркой. Одна из ее подруг, Пэтси Саутгейт, говорила, что Ли дала Поллоку все то, что он тщетно искал в своей матери, — «полную преданность, ощущение исключительности и абсолютного главенства в ее жизни». Она была безумно влюблена в него — а она умела любить, эта дочь старого хасида Краснера, любить преданно и верно. Ради него она даже забыла на время о собственном творчестве — всю свою жизнь Ли отныне посвящала этому гению, Джексону Поллоку. «Встретившись с Джексонном, я сразу поняла: этому человеку действительно есть, что сказать миру». И она помогала ему это делать — говорить с миром. Недаром друг Поллока Питер Буза говорил, что Ли сыграла роль мощного катализатора в художественном развитии Поллока.

*Ли Краснер.
Автопортрет*

Осенью 1945 года Поллок официально женился на Ли Краснер. В том же году молодожены приехали в гости к школьному приятелю Джексона Р. Кадишофу на Лонг-Айленд. От Нью-Йорка до Лонг-Айленда всего три часа езды, но это поистине другой мир — мир спокойствия, красоты, тишины. Как же непохожа была здешняя на жизнь на Нью-Йорк с его бешеным ритмом, скрежетом машин, сражением честолюбий, непрерывной гонкой за успехом, и Ли с Джексоном решили купить тут дом. Такой дом, какой их устраивал, быстро нашлся. Только вот просили за него 5000 долларов. А их-то, этих тысяч, у них не было. Но тут помогла замечательная Пегги Гугенхайм — она дала Поллоку требуемую сумму в счет аванса за его будущие работы.

Ли надеялась, что здесь, вдали от нью-йоркских баров и приятелей, Джексон перестанет пить и будет больше работать. «Мы с Джексоном любили свое тихое уединение. Мы просто сидели и смотрели на пейзаж. Внутренняя тишина. А после ужина молча сидели на крыльце позади дома и любовались закатом. Мы не нуждались ни в каком общении. То, что он пил и что с ним было невероятно трудно жить — это совсем другое. Мне удавалось сохранять равновесие именно благодаря тем периодам передышки, в которые у нас было так много общего», — вспоминала Ли. Рядом с домом стоял старый сарай, заслонявший чудесный вид из окна. И Поллок, недолго думая, передвинул его в сторону, а потом решил устроить в нем

мастерскую. На бревнах, уложенных прямо поверх цементного пола, он раскладывал холсты и писал на них свои знаменитые капельные картины. После смерти художника сарай стал местной достопримечательностью — ведь в нем работал сам Поллок!

В 1950 году Ханс Немат снял знаменитый фильм, в котором запечатлел процесс работы Поллока. На экране художник создает огромное полотно под названием «Осенний ритм. Номер 30». Джексон пританцовывает, подпрыгивает, разбрызгивает краски и совершает над картиной какие-то прямо-таки шаманские движения. Выплеснув краску в одно место, он словно в трансе, ходит вдоль полотна, ища следующее место для пятна.

Первые годы семейной жизни Ли была почти счастлива — быть рядом с любимым, да еще таким талантливым человеком! О чем еще можно мечтать! К тому же он некоторое время — почти два года! — вел, до определенной степени, трезвый образ жизни.

Но потом природа Поллока, а может, его болезнь, снова взяли свое. Позже в своих воспоминаниях Пегги Гуггенхайм писала: «Поллок был очень тяжелым человеком. Он всегда слишком много пил, а напившись, становился очень неприятным, можно сказать, дьяволом. Когда я жаловалась Ли Краснер, она отвечала, что у него есть ангельские стороны, и это было правдой. Он

походил на животное, попавшее в ловушку...»

Ли страдала — от его грубости и неблагодарности, от того, что все ее старания ему не нужны, от того, что почти забросила свое собственное творчество. За годы их совместной жизни она сделала лишь маленькую серию картин — Little Images. В октябре 1951 года открылась первая ее отдельная выставка — в галерее известной нью-йоркской дилерши Бетти Парсонс. Но успеха Ли не почувствовала. День вернисажа стал днем ее ужасного позора: пьяный в стельку Поллок вдруг принялся громить галерею. Это было ужасно...

Зимой 1951 года Поллок окончательно пошел в разнос. Ему всегда было трудно удерживать себя в рамках, но работа и, главное, Ли спасали его. Но тут что-то в нем надломилось. После двух лет почти абсолютного воздержания алкоголь одержал победу над художником. К середине 50-х годов он почти перестал работать. Все разладилось — он угрожал убить или себя, или Ли. Он и раньше порой мог позволить себе ударить жену, но теперь делал это почти каждый день. Она очень старалась — делала вид, что все хорошо, что они отличная пара, но, в конце концов, сработал инстинкт самосохранения. Нужно было как-то жить. После похода к психотерапевту Ли решила вновь взять в руки кисть и краски. Видя ее новые картины, Поллок приходил в ярость — он всегда

завидовал ее таланту и не хотел, чтобы она работала.

А потом Джексон познакомился с некой Рут Клигман, которая крепко за него ухватилась. Джексон тут же поспешил похвастаться молоденькой любовницей перед женой. Ли была страшно оскорблена! Она могла многое вытерпеть — и алкогольные дебоши, и беспричинные ссоры, и ругань — а всего этого было немало в их супружеской жизни. Она все прощала — прощала за его талант. Но измены простить не смогла. И объявила Джексону: либо он прекращает связь с Рут, либо она, Ли, от него уходит навсегда. «Ну что же, — сказал Поллок, — уходи». В середине лета 1956 года Ли ушла от Поллока. И уехала к друзьям в Европу.

Поллок, привыкший, что Ли, сильная, умная, талантливая, добрая и всепрощающая, каждый день рядом и готова взвалить на свои плечи все проблемы их жизни — и экономические, и хозяйственные, и творческие, — оказался без нее совершенно беспомощным. В августе Поллок, обожавший после изрядных возлияний сесть за руль своей машины и нести как угорелый, не различая дороги, разбился на пустынном шоссе — автомобиль, в котором кроме него сидели Рут и ее приятельница, Эдит Метцгер, потерял управление и врезался в дерево. Клигман выбросило из машины, и она осталась жива, и даже без особых повреждений, а Эдит и Джексон погибли на месте. Поллоку было всего 44 года.

На следующее утро в парижской квартире Ли зазвонил телефон. Взглянув на аппарат, она сказала: «Джексон умер». Она всегда чувствовала, что с ним происходит...

Ли похоронила мужа недалеко от места его гибели, на сельском кладбище «Зеленая речка». А потом рядом с Поллоком похоронили еще поэта Фрэнка О'Хару и художников Эда Рейнхардта и Стюарта Дэвиса, и вскоре старое деревенское кладбище превратилось в место паломничества американских интеллектуалов.

Смерть Поллока стала большим ударом для Ли. Он был частью ее жизни, и очень важной частью. И только работа спасала ее от отчаяния и чувства одиночества. Оставшись без Поллока, Ли Краснер словно сбросила с себя огромный груз и начала творить — энергично, ярко, свободно. На ее картинах того времени трещит, разрывается холст, много черного. Ее горе, ее разочарование, ее одиночество и безверие... А потом появилась серия «Пророчество», «Рождение», «Объятия», «Два в одном»: чернорозовые массы, в которых угадываются руки, ноги, головы, глаза и губы... Ли всегда помнила уроки Ганса Хофманна — что бы ты ни писал, ты должен говорить о том, что происходит внутри твоего существа, в твоём сердце. И она писала трагедию своей жизни.

Поначалу на ее полотнах много черного и серого, но постепенно к

ней стали возвращаться краски — красное, оранжевое, синее. Рождался знаменитый «живой цвет» Ли Краснер...

В 1955 году в престижной галерее Стейбл с большим успехом прошла ее выставка, и о ней снова заговорили.

А в начале 1960-х Ли серьезно заболела — аневризма головного мозга чуть не убила художницу. Потребовалось два года, чтобы восстановиться, и Ли вновь вернулась к работе — к делу, которое было самым главным в ее жизни.

В 1965 году прошла большая персональная выставка Ли в Лондоне, в галерее Уайтчепел, в 1975 году — в Музее американского искусства Уитни. О ней писали критики, ее работы продавались на аукционах.

Ли Краснер умерла 19 июня 1984 года в Нью-Йорке. Сегодня она считается одной из ключевых фигур в абстрактном искусстве XX века, ее работы высоко ценятся на аукционах, украшают лучшие музеи мира, изучаются историками искусства. Конечно, многим она известна лишь как жена Джексона Поллока, но ее вклад в мировое искусство вполне самостоятелен и, несомненно, ценен. Однако она осталась в истории мировой культуры не только как художница, но и как яркая, страстная, талантливая личность. Как женщина, умевшая любить. Недаром образы главных героинь романов Джона Апдайка «Ищите мое лицо» и Ивлин Тойнтон «Современное искусство» созданы под мощным влиянием удивительной и потрясающей Ли Краснер. □

РУССКИЙ ДУХ

французской парфюмерии

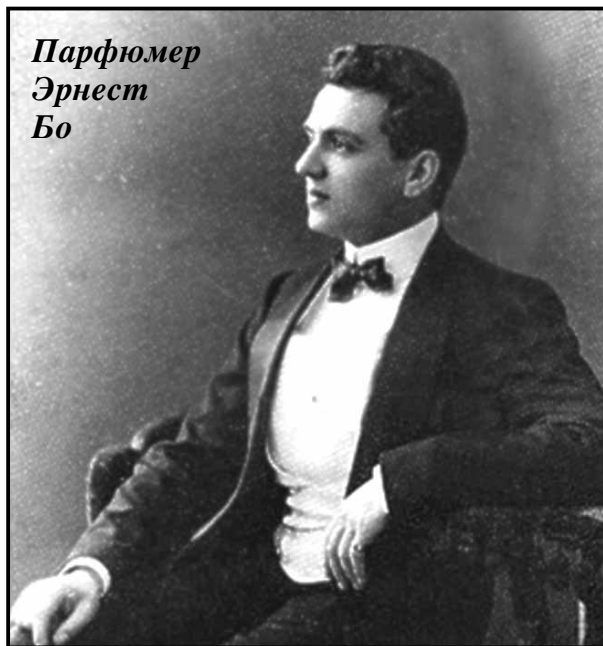
В России традиционно, уже много десятилетий (если не столетий) преклоняются перед французскими парфюмерами, и россияне абсолютно уверены, что отечественные изобретатели и производители ароматов никуда не годятся. Нашему человеку даже в голову не пришло бы, например, что знаменитые духи Chanel №5 создал в свое время русский парфюмер (правда, с французскими корнями) Эрнест Генрих Бо. Кстати, духи, которые он придумал более ста лет назад для Коко Шанель (он познакомился с ней в

1920 году), были альдегидные, то есть синтетические. До Эрнеста Бо в парфюмерной промышленности использовались исключительно натуральные вытяжки из растений. Эта тема в полной мере раскрыта в знаменитом романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» и не менее знаменитом фильме по этой книге. Так что русский француз, родившийся в Москве в 1881 году и проживший в России до 1919 года, совершил революцию в парфюмерии.

Напомню, что альдегиды представляют собой спирт, лишенный водоро-

да. Главное его достоинство — стойкость духов. Технология производства стала возможной лишь в начале 20 века. Ее-то и использовал Эрнест Бо, пленив носы всего мира.

Кроме Chanel №5 неизвестный россиянам русский парфюмер сочинил духи Bois de Iles (лесной остров), Cuir de Russie (русская кожа), Gardenia,

Chanel №22 (это все для мадам Коко). А для торгового дома Bourjois он придумал ароматы Kobako и Soir de Paris (парижский вечер).

И наконец, будучи еще старшим парфюмером русской косметической фирмы «Alphonse Rallet & Co», которая являлась поставщиком Императорского Двора, а затем создав собственную фирму «Эскулап и Меркурий», Эрнест Бо придумал два «букета» — одеколон «Bouquet de Napoleon» и дамские духи «Bouquet de Catherine», посвященные Екате-

рине Великой и 300-летию Дома Романовых.

Несмотря на французские корни, Эрнест по-русски говорил лучше, чем по-французски и любил Россию как свою родину. Именно здесь он стал настоящим профессионалом в области парфюмерии.

Но дело даже не в профессии. Свою преданность Отечеству, то есть земле, где он родился и вырос, он доказал на поле боя. Речь идет о Первой мировой войне. Воевал Эрнест знатно. Причем так же яростно сражался он и за «белых» в годы Гражданской войны. Более того, русский француз даже проявил командирское мастерство, добившись заметного успеха на Севере — во главе отряда добровольцев «белый» офицер Бо захватил город Онегу (в 1913 году там проживало 4500 человек).

И вот тут наступает важный момент, который объясняет, почему в Советском Союзе имя Эрнеста Бо было под запретом 70 лет. Для нескольких поколений советских людей, а затем (по инерции) и для россиян после распада СССР, имя мастера, совершившего революцию в парфюмерном мире, никогда и нигде не упоминалось. Дело в том, что Эрнест Бо однажды в 1919-м побывал на острове в Белом море, где находился лагерь военнопленных красноармейцев. Он участвовал в допросах и даже (как утверждал кто-то из очевидцев) лично пытал несчастных пленников. Конечно, этого советская власть ему не простила, на имя бывшего царского парфюмера наложили табу. Вот и сейчас оно из-

вестно только знатокам, хотя в Википедии о Бо — довольно подробная статья.

Кстати, имя Эрнеста Бо не знают не только в России, но даже во Франции, где он много и успешно работал. А все потому, что все «ароматные придумки» русского гения присваивали себе хитроумные французы. Например, много лет Эрнест Бо судился с Коко Шанель, чтобы вернуть себе авторство «ее» духов. Однако суд проиграл.

Впрочем, это традиционная история для российских изобретателей. Например, как известно, радио придумал Попов, а авторство спустя два года закрепил за собой Маркони. Калашников придумал выдающийся автомат, а заводы по всей планете, штампующие «русское» оружие, ни гроша, ни цента, ни юаня не платят ни изобретателю, ни его стране. Русский физик Лодыгин, который придумал электрическую лампочку (в 1872 году он получил патент на свое изобретение), даже в страшном сне не мог себе представить, что его детище припишут американскому хитрецу Эдисону — тот получил патент на электролампу в 1880 году, на 8 лет позже Лодыгина!

В общем, список обгоревших американцами и европейцами русских гениев слишком длинен, чтобы приводить его здесь. Бумаги не хватит. Просто в данном случае я пытаюсь вытащить из-под глыб истории еще одно имя русского изобретателя (в данном случае — ароматов), незаслуженно забытого. Именно на его шею взгромоздилась распиаренная французами Коко Шанель и, болтая своими большими нога-

ми (у нее при росте 169 см был 40-й размер обуви) ездила на Эрнесте Бо, как на осле, много лет.

КОНТРАФАКТ

Беда в том, что при наличии в России немалого количества изобретателей ароматов картину портит отсутствие своего серьезного производства парфюмов. Вот такая экономическая заграда. То ли нам ее устроили конкуренты, то ли мы сами виноваты, что десятилетиями презирали все русское и высмеивали «Красную Москву». А может, и то, и другое.

Помнится, в 2002 году повез я в Испанию свою подрастающую дочку — отдохнуть и мир показать. В числе других так называемых «внутренних» туров взяли путевку в Андорру — карликовое государство, вытянувшееся на 36 километров вдоль ущелья в Пиренейских горах между Испанией и Францией. «Фишка» страны в том, что это беспошлинная зона.

— Но, главное, запомните — в Андорре продается настоящий французский парфюм, — громко и четко наставляла нас русскоговорящая испанка-гид. — И знайте, если еще не знаете: в России нет нигде и никакого французского парфюма. Все, что у вас продается, даже в дорогих магазинах, — польская или турецко-арабская подделка. Контрафакт.

В тот момент для меня это было открытие. Второй раз я столкнулся с подобной неприятной истиной года через три-четыре, благодаря одной из своих жен, которая работала на телевидении и пользовалась преимущественно

мужской туалетной водой — «женская» казалась ей слишком сладко-приторной и липкой. Я был с ней согласен. В жарком Ростове-на-Дону Chanel №5 (которую, говорят, любит Мелания Трамп) угнетала даже мой тупой нос.

В ту пору в телевизионную моду входили программы о качестве товаров и услуг. Потому что товаров и услуг становилось все больше, а качества — все меньше.

В общем, моя экс-жена не пожалела денег и купила в одном из фирменных сетевых магазинов несколько видов туалетной воды, а затем точно такую же приобрела в ларьках в подземном переходе и на рынке. И всю эту коллекцию отдала на экспертизу в Ростовский областной центр сертификации и метрологии.

Результаты оказались ожидаемыми. Расхождение между «ларечными» и магазинными духами было только по двум показателям из 100. Так выдала компьютерная «томограмма» центра.

— И что это значит? — спросила моя экс-жена у заведующей лабораторией.

— Точно не могу сказать, но подозреваю, что в одном случае, например, сырье везли из Франции в алюминиевом баке, а в другом — в пла-

Эрнест Бо и Коко Шанель

стиком. Ну а затем уже «бодяжили» где-нибудь в Польше или Турции...

В эфир программа, конечно, не пошла. Телегруппа перепугалась, что владельцы сетевых магазинов их тупо убьют после выхода в эфир «ароматного разоблачения». Было это почти два десятка лет назад.

СЫРЬЕ И КРИЗИС

В Ростове-на-Дону есть место, которое называется Аллея роз, а рядом — магазин «Плевен». Это отголосок старых времен, когда еще существовала дружба Болгарии и Советского Союза. Ростов и Плевен были городами-побратимами. И болгары в свое время посадили на одной из аллей столицы Дона множество своих роз.

В ту пору Болгария славилась и своими цветами, и розовым маслом, которое она поставляла парфюмерным предприятиям не только социалистических стран (прежде всего нам и полякам), но и по всему миру. Увы, после крушения социализма балканское сырье перестало поступать не только в Россию — западноевропейские

конкуренты болгар (Франция, Испания...) убили «розовую» промышленность бывших наших братушек. Они остались без работы и валютной выручки, а мы — без ценного и относительно недорогого сырья.

К сожалению, сейчас ситуация не лучше. После начала военной спецоперации на Украине и перманентно накачивающихся на нас экономических и политических санкций Россия почти совсем осталась без нужных для производства ароматов ингредиентов. И это еще серьезней, чем потеря в 1990-е собственно производственных мощностей и деградация профессиональных кадров в этой сфере бизнеса. К примеру, сейчас крупнейшие русские парфюмерные компании (например, Brocard и Faberlic) свои духи делают за кордоном.

Как бы то ни было, но и людей обучить, и какие-то фабрики соорудить можно, что потихоньку и происходит. А где розовое масло брать и другие продукты для производства парфюма? Если верить профессиональному химику и создателю проекта Parfume Project

Анне Агуриной, у России из своих собственных ингредиентов остались только березовый деготь, ель и шалфей. Да еще лаванда в Крыму (добавлю я). Маловато будет для автономного существования отечественной парфюмерной промышленности.

По мнению Агуриной, сейчас из-за конфликта на Украине порваны многие логистические цепочки поставки сырья. Например, лучшие цитрусовые ингредиенты везли в Россию из Италии и США, а синтетические — из Франции, Германии и Швейцарии. Но не беда, есть ведь еще на планете Азия и Африка. Анна Агурина утверждает, например, что лучший ветивер растет на острове Ява, ваниль — на африканском Мадагаскаре, пачули — во многих местах Индонезии...

Значит, нужно переориентироваться на новых поставщиков. Да и о своем родном русском духе не забывать. И этот процесс, слава богу, начался.

Парадокс, но в истории мировой парфюмерии известны случаи, когда вооруженные конфликты и распад экономических связей давали толчок к развитию «ароматного» бизнеса на местном уровне. Так было в Испании времен гражданской войны 1936–1939 гг. Тамашняя компания Puig (сейчас она входит в пятерку мировых производителей парфюма) поднялась именно в период междоусобицы в стране. Ставка была сделана на испанские травы и цветы, прежде всего на лаванду.

Если верить Интернету, то испанский одеколон Acqua Lavanda Puig не теряет популярности уже 100 лет. До сих пор с успехом продается.

ИСПАНСКИЙ СЛЕД

Лично я убедился в правильности тенденции, когда побывал в испанском горном монастыре Монсеррат. Именно в период разрухи конца 1930-х годов местные монахи наладили производство и сбыт туалетной воды (которая, правда, была придумана еще три сотни лет назад, но мало кого в ту пору интересовала). И денег монахи заработали немало, и бренд утвердили, и туристов позже стали заманивать.

В монастырском магазине я купил четыре цилиндрических бутылочки объемом 100 мл с водой цветочно-травяных ароматов. У каждого вида парфюма был простенький, вручную раскрашенный в «свой» цвет круглый деревянный колпачок. Две бутылочки я оставил себе, а две после прилета в Москву подарил своему приятелю Александру, человеку «с претензиями» (касательно аксессуаров и предметов быта). Он возглавлял управление информации и пиар-службу в одном из федеральных министерств. На руке носил часы за несколько тысяч евро, в шкафу у него я видел 10 костюмов различных оттенков черного цвета. Мой подарок — бутылочки с неровно окрашенными колпачками и от руки написанной этикеткой — он принял почти равнодушно. Правда, улыбнулся из вежливости. Зато чуть позже периодически звонил мне и с восторгом рассказывал, какой фурор произвел на публике своим новым монастырским ароматом. «Бабы летят ко мне, как осы на арбуз!», — кричал он в трубку.

В конце концов, когда я убедился, что на меня «бабы, как осы на арбуз»

не летят, то стал с тихой завистью жалеть, что неправильно бутылочки распределил, выбирая подарок Сашке.

И все же напомним, что парфюмерный бизнес монастыря Монсеррат (если гиды не ввали) расцвел именно в годы гражданской войны и последующей частичной изоляции Испании. Испанские же монахи в 17-м веке стали первыми, кто изобрел душистую воду с помощью спиртовых растворов фруктовых и травяных масел. Затем рецепт попал в руки миланского купца Поля де Феминис, а от него — к его племяннику Иоганну Фарина. Именно Фарина торговал пряностями в немецком Кельне, поэтому и назвал ароматный раствор *Kölnisch Wasser* (Кельнская вода, или *eau de Cologne* по-французски). Случилось это в 1709 году. А через 150 лет в Кельне насчитывалось уже 63 парфюмерных магазина.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ДУХА

Если уж я окунулся в историю, то не могу не вспомнить поездку в Турцию. Нас, россиян, катер возил вдоль берега, сохранившего остатки древних жилищ. Турчанка-гид рассказывала о погибшей цивилизации, от которой остались только куски стен, да просматривающийся под водой, на небольшой глубине, пирс древнего порта.

— Это была развитая цивилизация, — говорила турчанка. — Женщины там даже пользовались духами... чесночными.

Неожиданный и сильный аргумент для иллюстрации развития народа — создание «своего аромата». Правда,

как могли пахнуть чесночные духи, можно только догадываться.

Что ж, у каждой цивилизации свои предпочтения. Вот у славян благоволения создавались благодаря использованию можжевельника, березовых веников в банях да хвойных веток. Ох, не зря Жириновский потребовал в туалетную воду имени себя обязательно включить кедровую ноту. Что-то русское национальное тут есть. Это вам не чесночный дух!

И еще о России и кризисных временах. Мало кто знает (большинство даже не догадываются), что ситуация у нас похожа на испанскую. В России, как это ни странно для некоторых скептиков (критикующих все отечественное), тоже «вдруг» наметился рост продаж «родных» марок. Особенно впечатляют не только креативные букеты, но и названия — ироничные, самобытные, литературно-фольклорные. Мне особенно нравятся имена женских духов — «Баба-Яга», «Василиса Прекрасная», «Жар-птица» и «Горящая изба». Приз авторам!

Ну а в мужской линейке потрясла серия «Vоропоі», посвященная (внимание!) великому русскому математику Георгию Воронову, автору какой-то невиданно-сложной диаграммы (ее рисунок присутствует на одной из бутылочек серии), известной всему научному миру планеты. Правда, совсем неизвестной нам, «рассейским» брюзгам да неучам. Лично я стыжусь своего невежества. Спасибо парфюмерам — просветили.

Кстати, впервые с подобным креативом в названиях я столкнулся в

Париже. В одном из магазинов недалеко от собора Нотр-Дам я купил своей матери (уже дважды бабушке) туалетную воду с названием «Babushka» (молодцы французы — носом учуяли нашего туриста). Моя мать была в восторге от подарка.

А теперь от эмоций — к цифрам и фактам из сферы отечественного парфюмерного бизнеса.

По признанию Кирилла Волкова (Центр развития перспективных технологий — ЦРПТ), многие импортеры приспособились под санкционную ситуацию и наладили поставки всего, что необходимо парфюмерному рынку России. Сейчас предложение на 30 процентов превышает спрос.

Мало того, гендиректор сети «Л'Этуаль» Татьяна Володина заявила, что производственные мощности ее компании в России позволяют сейчас производить 80 тысяч литров парфюмерии (отечественной!). И вообще, в данной сети продается 1 миллион ароматов. А спрос на российские марки «запахов» за весну и лето 2022 года (видимо, из-за спецоперации на Украине) вырос более чем на 60 процентов.

Но и это не все цифры и факты. В России вообще (по данным ЦРПТ) в первом полугодии, особенно за весну-лето, увеличились продажи парфюмерии на 75 процентов — почти до 40 миллионов единиц. При этом продажи духов отечественного производства выросли более чем вдвое, на 104 процента.

Вот так неожиданно проявляется патриотизм. Надо держать нос по ветру... родных ароматов. Знай наших! □

Геннадий Гусаченко

Черемуха душистая

Ранним утром, солнечным и свежим, капитан первого ранга в отставке Степанов, бывший командир подводного ракетноносца, худоватый старик в светло-сером костюме и в белой бейсболке, неторопливо шел по улице небольшого сибирского города. Он уехал из него шестьдесят лет назад, и теперь, по приезду, после столь долго отсутствия, безнадежно пытался отыскать в очертаниях новых микрорайонов знакомые с детства приметы. Безжалостное время! Не годы, а десятилетия до неузнаваемости изменили не только внешний вид города, но и самих его жителей. Напрасно Степанов присматривался к прохожим, надеясь разглядеть в них друзей юности, одноклассников. Повстречайся с ними лицом к лицу — пройдешь мимо, не признав! В памяти виделись они веселыми юношами и девушками, и никак не хотелось верить, что теперь это седые, угрюмые старики и старухи, из коих некоторых уже нет в живых, как Славки Тихонова, друга моряцкой молодости. Служили на подводной лодке в одном отсеке, и вот нет

больше на этом свете надежного боевого товарища. Они часто переписывались, каждый из них обещал приехать, встретиться, вспомнить друзей-подводников, но все откладывали на «потом»... Сын Тихонова по сотовому телефону сообщил печальную новость. Степанов быстро собрался, чтобы проводить сослуживца в «последнее плавание». Из-за неблагоприятных метеоусловий самолет вылетел на сутки позже, и на похороны Степанов опоздал. С болью в сердце он возложил цветы и венок к мраморному памятнику друга, ночь провел в номере гостиницы, где, пытаясь заглушить грусть и тоску, пил коньяк и много курил.

До вечернего вылета в обратный рейс он решил побродить по городу, в котором учился в школе, мечтал о море, о дальних плаваниях. Город, что и говорить, за долгие годы, прожитые Степановым вдали от малой родины, совершенно преобразился, стал намного красивее, оделся в зеленый наряд из высоких стройных елей, сосен и пихт. Откуда только взялись могучие деревья, вознесшие ввысь островерхие вершины? Раньше-то их здесь не было! Когда успели вырасти? И еще липы, лиственницы, березы, рябины, клены, тополя, яблони, множество всяких цветов на клумбах и газонах. Город-сад! Высотные здания жилых домов и супермаркетов. В парках и скверах увеселительные аттракционы. Просторные площади, чистый асфальт дорог, огражденных витиеватыми решетками, тротуары, выложенные керамической плиткой, обилие киосков и мелких магазинов, украшенных рекламными щитами с подсветкой, автомобили, парковки, светофоры — все впечатляло, но не радовало Степанова, испытывавшего ностальгию по старому городу. Ему хотелось увидеть хотя бы небольшую его часть, сохранившую следы той, прежней жизни. «Школа! Может, она еще цела?!» — неожиданно мелькнула мысль, и он, испытывая нетерпение скорее удостовериться в своем предположении, торопливо зашагал, поминутно останавливаясь и соображая, как пройти кратчайшим путем к кинотеатру «Космос», неподалеку от которого, он помнил, и находилась средняя школа № 5. Пройдя под аркой между высотками, Степанов неожиданно для себя увидел перед собой кинотеатр. Он узнал его по мозаичному панно на парадной стене, изображавшему ракету, летящую к звездам. Много цветных кусочков мозаики осыпалось, но в остальном все было как прежде: большая афиша, грубо намалеванная малярными красками, извещала о демонстрации американского фильма. Длинные бетонные ступени обветшалого крыльца. Сколько раз он поднимался по ним вместе с одноклассницей Таней Крыловой, входил с ней в эти самые стеклянные двери! Сбежав с уроков, он покупал билеты на задний ряд, где они целовались в темноте зрительного зала.

Степанов прошел через узкую улицу, превратившуюся в аллею из рябин, которых раньше здесь не было, и увидел двухэтажное здание, по-

казавшееся ему низким и обшарпанным, несмотря на пластиковые окна, вставленные вместо деревянных рам. Вот она, его родная школа! Стоит, никуда не делась. В пустом дворе не слышно ребячьих голосов. Подойдя в волнении ближе, он понял причину тишины: у входа по обе его стороны пестрели вывески с названиями различных «ООО» и прочих фирм.

— И здесь неумолимое время наложило свою печать, — в раздумье глухо проговорил старый моряк. Он прошелся по двору, заставленному автомобилями, по пустырю, заваленному стройматериалами, бывшему стадиону, где на уроках физкультуры играл в футбол с другими мальчишками, и с чувством глубокого разочарования отправился на автобусную остановку. На одном из такси машинально прочел надписи маршрутов: «Есенина, Дом культуры, проспект Горького, универмаг, Светлая». Степанова вдруг охватило трепетное волнение. «Ее дом на Светлой, — вспомнил он и решительно вскочил в отъезжавшую «Газель».

В памяти всплыли незабываемые в течение всей жизни воспоминания. Он и Таня на лугу, белоснежном от ромашек. Жаркие поцелуи, бесконечные признания в любви, его клятвенные обещания вернуться к ней после службы на флоте, ее заверения ждать его. Первая любовь! Чистая, светлая, пылкая, самая прекрасная! Не забыть тех томительных минут ожидания Тани у кинотеатра «Космос». Нет, никогда больше он не испытывал такого волнующего чувства, встречаясь позже с другими девушками. Всю жизнь он вспоминал ее в долгих плаваниях, во время семейных ссор. В личной жизни Степанов считал себя неудачником. Капризная, всегда чем-то недовольная жена была холодна, не скрывала неприязнь к нему, выражала сожаление, что вышла замуж за мужчину старше ее на десять лет. И невольно в столь тягостные дни и месяцы перед глазами возникал милый образ ласковой, доброй девушки, страстно обнимавшей его. Когда он служил, Таня писала трогательные письма, обильно политые горячими девичьими слезами. После увольнения со срочной службы он стал курсантом Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С.О. Макарова. Надежд на возвращение в родной город, на встречу с Таней стало меньше, и однажды он получил от нее коротенькое письмо. «Прости, любимый, я вышла замуж. Прощай!» Что-то оборвалось в груди, на душе стало пусто... Но время — лучший лекарь. С годами, в заботах об экипаже и корабле, о семье, о жене и сыне, в боевых тревогах и походах все реже думалось о Тане, о тех счастливых днях юности, проведенных в горячих объятиях...

И вот через столько лет все всколыхнулось в нем, заставило сильно биться сердце! Ему нестерпимо захотелось увидеть Таню, свою первую и

единственную любовь. Что с ней, как она, кто с ней? Неужели он сейчас увидит ее! Скорее! Что так долго едет маршрутка?!

На Светлой он вышел, испытывая прилив радости при виде потемневших от времени домов, обнесенных синими, красными, коричневыми заборами из металлопрофиля. Да, это была та самая улица, с трудом узнаваемая, по которой, утопая кирзовыми сапогами в грязи, он многократно ходил мимо окон дома номер 12 в надежде увидеть в них Таню. Сейчас дорога блестела асфальтом. Степанов чуть ли не бегом устремился по ней, отыскивая глазами заветный номер, а когда увидел табличку с цифрами, затоптался на месте в смятении: тот ли это дом?! Перед ним, загораживая фасад, в белой кипени пышных соцветий развесила ветви черемуха. Утренний воздух, напоенный душистым ароматом, пьянил, кружил голову. В густой листве старого дерева с толстым корявым стволом копошились пичуги. «Не было здесь этой черемухи... Это не ее дом», — в растерянности подумал Степанов. Полная седая женщина в шлепанцах на босу ногу, в домашнем желтом халате, в цветастом полушалке, брошенном на округлые плечи, качала под черемухой детскую коляску. «Спрошу у нее, кто живет в доме номер двенадцать», — подумал Степанов и сделал шаг в ее сторону, но проезжавшая иномарка преградила путь, за ней ехала другая. Пропуская машины, он остановился неподалеку. Не обращая внимания на старика, с изумлением взиравшего на дом, на черемуху, женщина, баюкая внука или внучку, тихо запела:

*Белая черемуха душистая
Щедро расцвела в моем краю,
Только не могу никак решиться я,
Не могу открыть любовь свою...*

Ее бархатный голос, такой памятный, не сравнимый ни с каким другим, не обманул его слух. «Неужели?! Не может быть! Эта дородная бабушка — Таня Крылова?! А черемуха душистая?! Да ведь это кустик, посаженный перед ее окнами за день до отъезда на флотскую службу! Так вымахал! Что делать? Подойти? Зачем? Клялся, обещал вернуться... Да где там? Служба, учеба, походы в дальние плаванья...»

Степанов чувствовал себя виноватым. Угрызения совести мучили его. «Что скажу? Почему не вернулся в ее горячие объятия, не давал о себе знать? всю жизнь молчал, и вот, нате вам, нарисовался. Не стоит беречь прошлое», — лихорадочно рассуждал ветеран-военмор, боязливо, будто крадучись, отходя от душистой черемухи, а когда стало не слышно пения, тяжело вздохнул, переводя дух, словно после бега, и быстро зашагал к остановке автобуса, скоро умчавшего его в аэропорт... □

Антон Шагин — актер из плеяды молодых звезд театрального и кино-небосклона. Окончив ПТУ и получив специальность слесаря, он приехал покорять столицу. И не зря. Теперь на его счету более пятидесяти ролей, при этом он не находится в одном амплуа, а пробует различные краски своей актерской палитры для создания персонажей. Среди знаменитых его ролей — Мэлс из «Стиляг», Рылеев из «Союза Спасения», Иван-дурак из «Конька-горбунка» и многие другие. Вдумчивый человек, интересный собеседник и талантливый артист является также замечательным поэтом. О своей семье и творчестве Шагин рассказал нашему журналу...

АНТОН ШАГИН

«Фильм
«Стиляги»
стал
для меня
ВИЗИТНОЙ
карточкой»

— Скажите, Антон, изучали ли вы свою родословную?

— Глубоко я не копал. Знаю, что прабабушка Зина, по материнской линии, говорила, что они переехали в Кривой Рог из Польши. Также по материнской линии дед — из Нижегородской губернии. Там он родился и жил. Там же и прадед с прабабушкой жили.

— Перед тем как поступить в школу-студию МХАТ, вы получили профессию слесаря-инструментальщика. Помогли ли увиденные «персонажи» вам в работе актера?

— Скорее да, чем нет. Там были очень своеобразные люди. Настоящие русские мужики! Слесари — это такой тип... Они больше челове-

ческого, что ли, мне дали, даже не наблюдения, а человеческие взаимоотношения, дали правильный вектор развития как личности. Не держать фиги в кармане, не предавать. То время я вспоминаю с любовью, потому что потом, когда я уже поступил в театральный, там все друг перед другом что-то изображали. А вот в среде слесарей никто ничего не изображал, все были конкретные, настоящие.

— Расскажите, пожалуйста, как вы пришли в легендарный МХАТ.

— Это был 2002-й год. О школе-студии я тогда, к своему сожалению и невежеству, вообще не знал. А узнал от абитуриентов, которые поступали в ГИТИС и Щуку. Они как-то во время экзаменов сказали: «А пойдем в школу-студию МХАТ, тут недалеко». Я говорю: «Ну, пойдем». И это была, конечно, любовь с первого взгляда. Я зашел в подъезд школы-студии, остановился у расписания, и у меня возникло ощущение, будто меня кто-то обнял на мгновение. Но тогда я не придал этому значения. Это уже потом, когда отмотал «пленку»... Сто пятьдесят человек, по-моему, у нас было на место. Я шел тур за туром, и, к своему удивлению, поступил. Это по-настоящему изменило мою жизнь...

— Что было самым трудным в учебе?

— Самое трудное — вообще начать. Страх присутствовал, неуверенность в себе тоже, разумеется. Говорю так потому, что начинаю всегда в первую очередь с себя, когда что-либо пытаюсь сделать. У меня нет претензий к этому миру, у меня есть претензии к себе. Как говорил Платонов: «Для вас человеком быть привычка, а для меня — это редкость и праздник!»

— Вехой в вашей театральной судьбе стал Ленком. Рас-

скажите пожалуйста, как готовились к роли Пер Гюнта.

— Это были абсолютно изматывающие репетиционные дни, потому что Марк Анатольевич давал задания и проверял, так сказать, «эмоциональные качели». Это было сложно, но безумно интересно, потому что для меня это было тем, к чему я еще не прикасался. Для меня это была бесконечно новая не исследованная и не изведенная земля. Это был потрясающий опыт. Я благодарен Марку Анатольевичу за все роли, что он мне «подарил». Я репетировал с ним четыре спектакля, и каждый раз это было невероятное творческое путешествие.

— Каким вам запомнился Марк Захаров? Он был строгим режиссером?

— Он был человеком невероятно высокого достоинства. И совершенно уникальным мастером. Со своей методикой, своим подходом. Мог рассказывать, условно говоря, даже про луну. И при этом никогда прямых задач не ставил, намекал как бы, что надо попробовать, в какую сторону прийти. И оставлял поле, благодаря которому ты сам уже приходил к персонажу. Он тебя только направлял. Мне очень его не хватает...

— Помимо актерской специальности вы еще пишете замечательные стихи. Откуда черпаете вдохновение, и что делать, если его нет?

— Если вдохновения нет, все равно надо садиться и работать. Кто-то из великих писателей сказал: «Чтобы что-то написать, надо писать». Я не жду никогда, когда оно придет, оно может и не прийти. Обычно у меня оно приходит в процессе. Всплывает в голове первая строфа или несколько каких-то строчек, тут же садишься работать, и как-то само собой оно постепенно складывается

ся. Иногда мучительно, иногда быстро, порой целыми днями мучаюсь. И пока оно не напишется, не сформулируется на бумаге, оно не дает покоя — невозможно ни есть, ни спать, ни дышать, даже ни жить....

А пишу я, очевидно, для того, чтобы не потеряться за лицедейством, за актерской профессией. Потому что актерство — это все-таки исполнительское искусство. Я чувствую, что во мне есть что-то еще: потребность писать, пытаться сформулировать то, что у тебя лежит на душе, на сердце.

— Ваши любимые писатели и поэты?

— Это Боратынский, Мандельштам, Цветаева. Из XX века — Леонид Аронзон, Леонид Губанов.

— Вы — обладатель многочисленных премий и наград, несмотря на молодой возраст. Какая премия стала одной из самых запоминающихся?

— К премиям я отношусь спокойно. Да, приятно, но ведь ты работаешь не ради премий и наград, грамот, дипломов, статуэток. Работаешь потому, что не можешь не работать. Хочешь докопаться до себя и что-то понять про себя и про другого человека. В первую очередь понять что-то про душу человека. А «самая-самая», наверное, первая запоминающаяся премия — «Золотой лист». Я только окончил институт, получил

премию за главную роль Мити в дипломном спектакле «С любимыми не расставайтесь» режиссера Виктора Рыжакова. Эту премию вручают среди выпускников всех театральных вузов. Она еще, помимо прочего, была в финансовом эквиваленте — давали 2 тысячи долларов. И я тогда впервые повез тетю с двоюродным братом на море.

— Есть ли у вас семейные традиции?

— Разумеется, есть. Мы всегда едим вместе. Даже если у меня съемки, гастролы или концерты какие-то, я стараюсь брать с собой семью, чтобы не расставаться, я тяжело переношу расставания. Мне сразу становится не по себе, начинаю хандрить, когда их нет рядом. На Новый год мы всегда собираемся с близкими родственниками и родными людьми. Мы вообще очень любим гостей, и они у нас бывают очень часто.

— Чем занимаются и увлекаются ваши дети?

— Полине, младшей дочери, сейчас 8 лет. Она занимается хип-хоп танцами и фортепиано. Очень подвижная девочка, развитая, ходит в различные кружки. И, уже можно сказать, что растет маленькая актриса. В ней есть какой-то огонь, но не знаю, не будем про это. А сын учится в 9-м классе. Слава богу, Матвей сейчас нас очень радует, особенно тем, что любит читать. Правда поначалу брыкался и сопротивлялся,

но постепенно увлекся и сейчас читает много. А еще Матвей занимается карате. Два года назад он занял первое место на всероссийских соревнованиях, у него есть пояс карате. В общем, он у нас спортсмен.

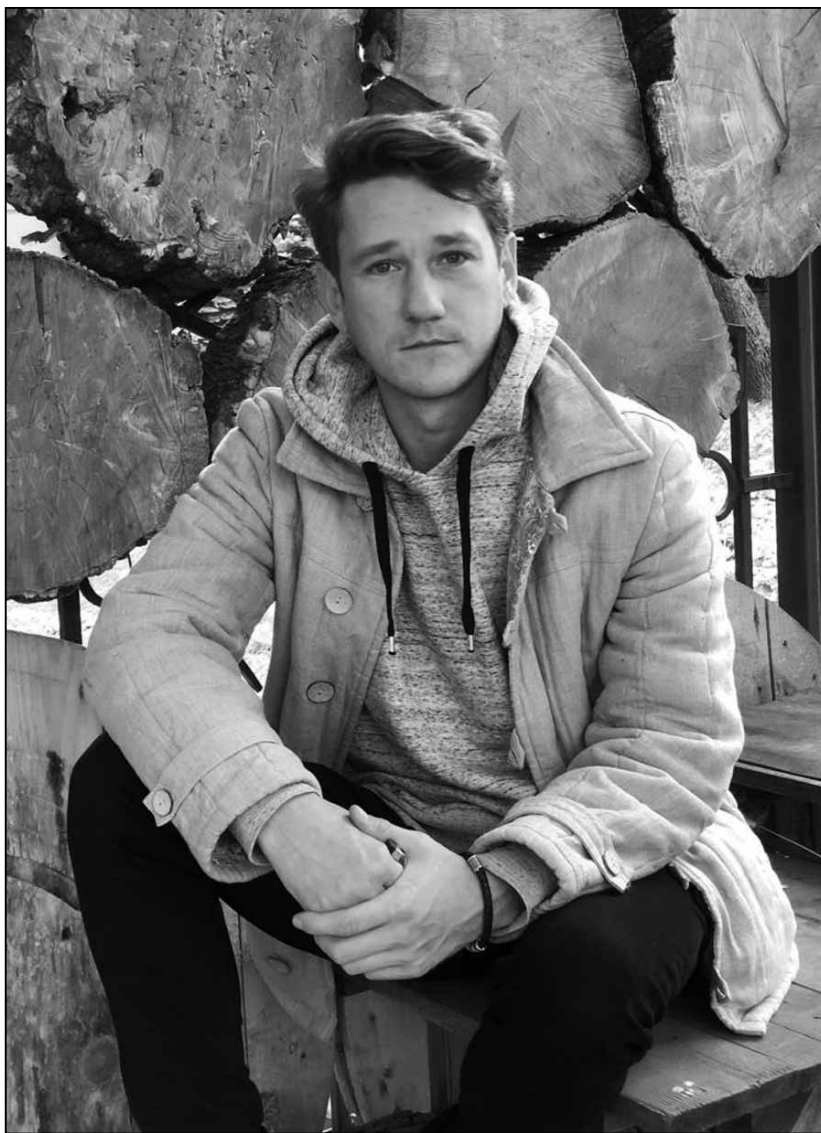
— Расскажите, пожалуйста, про то, как проходили съемки фильма «Союз спасения». Как шло «погружение» в такого исторического персонажа как Рылеев?

— «Союз спасения» — это была масштабнейшая картина. В фильм вошло примерно 2,5 часа. Игрового времени оставалось еще 2 часа, и Константин Эрнст решил заполнить их некоторыми сценами, не вошедшими в картину и сделать из этого 8-серийный фильм. Он будет называться «Время гнева». Мы уже провели дополнительные съемки. Фильм выйдет в Интернете и на Первом канале. Это было настоящее историческое по-

гружение. Рылеева я попытался для себя оправдать. Я не разделял его отношения к тому же Мазепе, к другим персонажам, но, прочитав его «Думы», был потрясен его любовью к отечеству, к России, искренней, чистой и настоящей любовью. И последнее письмо я читал, когда он уже просит смиренным сердцем жену никого не судить, что он готов принять это наказание... Это было невероятно интересно и познавательно.

— В какую бы эпоху вы переместились, если бы была такая техническая возможность?

— Мне комфортно в любой эпохе...

— Если говорить об эпохе СССР времен стиляг. Чем для вас стал одноименный фильм?

— Для меня этот фильм стал визитной карточкой, что ли. Когда мне говорят, что после этого фильма я проснулся знаменитым, я в шутку отвечаю, что и не засыпал. Стали узнавать, стали куда-то приглашать. Но после выхода фильма я три года нигде не снимался, отказывался от подобных однотипных ролей, не хотелось становиться заложником одной роли. Зато я репетировал в Ленкоме с Захаровым «Вишневый сад», а потом «Пер Гюнта». Поэтому мне было чем заняться. И об этом я несколько не жалею

— Как вы отдыхаете?

— Приезжаю на дачу с семьей. Костер разведем, приготовим что-нибудь интересное, вкусное. Посидим, пообщаемся, помолчим. Сходим в баню, сходим в лес, на озеро, обязательно побываем в церкви. Я считаю, что очень важно для человека посещать службы, литургии. Исповедоваться и причащаться. Это дает силы, укрепляет и в вере, и в жизни.

— Есть ли у вас любимая церковь?

— Мы очень любим Оптину пустынь. Ездим туда семьей раз в год, хотя хотелось бы чаще, но не всегда получается. Любим в Москве Елоховский монастырь, Сретенский и Покровский, где Матрона. Ну и, конечно, Сергиеву лавру. Это все такие

православные жемчужины, о которых можно говорить бесконечно.

— Как вы понимаете слова Станиславского, что нужно «любить искусство в себе, а не себя в искусстве»?

— Не становиться артистом вне площадки, вне театра. В общем, в жизни ничего не играть, не изображать, не «звездить». По-человечески относиться к людям, которые занимаются актерской профессией.

— В чем для вас заключается сложность работы с режиссером?

— Для меня важно, чтобы мы с режиссером были на одной волне, одной группы крови, что ли. Чтобы между нами была слышимость. Я за сотворчество, и не принимаю диктатуру, не могу только подчиняться. Я должен участвовать, предлагать. И если режиссер видит, что это идет на пользу материалу, что в контексте спектакля или фильма это дает только плюс, он, конечно, такие вещи принимает. Искра между нами должна высекается, чтобы получилось то, за что никому не было бы стыдно. Правда, иногда я спорю — в этом смысле я сложный артист...

— Ваше отношение к событиям, происходящим в мире...

— Я поддерживаю спецоперацию, поддерживаю президента, поддерживаю русских солдат. Я — за Россию, за страну и народ. Мы едины и непобедимы. □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

«ДОБРАЯ БАРЫНЯ» Маргарита Тучкова

Разлучила только смерть

16 августа 1992 года состоялось открытие Спасо-Бородинского женского монастыря. Новое поколение инокинь пришло в его священные стены, возрождая монастырскую жизнь. Вокруг монастыря, да и внутри стен бережно сохраняются военные укрепления и траншеи — монастырский ансамбль неразрывно связан с местом великого сражения и немислим вне его. Самой дорогой и священной достопримечательностью монастыря уже более ста пятидесяти лет является деревянный одноэтажный домик, называемый «сторожкой». Поставленный на пепелище одной войны, он был стерт с лица земли другой — Великой Отечественной, но потом вновь восстановлен. Это домик основательницы монастыря — Маргариты Михайловны Тучковой.

ПЕРВЫЙ НЕУДАЧНЫЙ БРАК

Маргарита Михайловна родилась 2 января 1781 года в семье подполковника Михаила Петровича Нарышкина и его супруги, урожденной княжны Варвары Алексеевны Волконской. О детстве Маргариты известно очень мало. Один из ее первых биографов Т. Толычева пишет: «Девочка обнаружила с

Маргарита Михайловна Тучкова

ранних лет природу страстную, нервную и восприимчивую. Ее манило все прекрасное, все блестящее, девочка любила музыку, часами проводила за чтением». У Маргариты Нарышкиной было трое братьев и четыре младшие сестры. Внешностью девушка обладала примечательной: стройная, белокурая, высокого роста. Варвара Алексеевна начала вывозить дочь в свет с шестнадца-

тилетнего возраста, и к ней сразу посватался некто Ласунский, «известный блестящей служебной карьерой и изяществом светских приемов». Его мать подружилась с семьей Нарышкиных, и брак состоялся. Как выяснилось впоследствии, Ласунский «был заклемен самыми позорными пороками». Он предложил молодой жене «не стесняться и выбрать предмет развлечения в кружке его приятелей».

Молодой Александр Алексеевич Тучков принадлежал к числу приятелей Ласунского, но кардинально отличался от него своим благородством и возвышенностью души. Друг детства С.Н. Глинка так писал о нем: «Со станом Аполлона Бельведерского соединял он душу ясную, возвышенную; сердце, дышащее тою чувствительностью, которая влечет и зовет к себе душу; ум, обогащенный всеми плодами европейского просвещения. Уста его цепенели, когда доводилось делать выговор, но громко и отважно отражал он несправедливые притязательства».

Тем временем Варвара Алексеевна прознала про неудачный брак своей до-

чери и потребовала развода. Дурная слава о Ласунском уже шагала семимильными шагами, и Маргарита получила разрешение вернуться к родителям под именем девицы Нарышкиной. Александр Тучков давно был влюблен в нее, да и Маргарита была к нему равнодушна. Теперь, когда она стала свободной, Александр решил посвататься к ней. Увы, он получил отказ вследствие недавнего развода и опасений Варвары Алексеевны за судьбу дочери. Этот отказ потряс влюбленных. Маргарита проводила целые дни в слезах, а Тучков отправился путешествовать и усиленно занимался науками.

СТРАШНЫЙ СОН

Через четыре года Тучков снова посватался и на этот раз получил согласие. Ей было 25 лет, ему 29, и они были счастливы. Маргарита «гордилась красотой мужа... его храбростью, рыцарской его доблестью». Не желая разлучаться с мужем, она, переодевшись денщиком, сопровождала его в военных походах. После Фридландского сражения в 1807 году Александр Алексеевич

писал брату Николаю: «Невзирая на ядра, картечи и пули, я совершенно здоров... Счастье вывело меня (невредимым) из боя. Я отступил после всех». Почему счастье? Да потому, что рядом с ним была его обожаемая Маргарита.

Потом был Шведский поход, во время которого она сама обходила села и раздавала нуждавшимся хлеб, ухаживала за ра-

Александр Алексеевич Тучков

ненными и первая выбегала встречать возвращавшихся воинов.

В 1811 году, когда Тучкову шел 33-й год, он неожиданно подал императору Александру I прошение об отставке. На самом деле он хотел поселиться в своем имении в Тульской губернии и полностью посвятить себя жене, которая постоянно изводила себя волнениями за него, а после рождения сына

уже не могла следовать за ним. Но император отклонил просьбу генерал-майора Тучкова, и в 1812 году он командовал 1-й бригадой в 3-й пехотной дивизии Коновницына.

В том году Наполеон вторгся в пределы России. Тучков в это время находился в Минской губернии. Margarita Mikhailovna собиралась проводить его на фронт. По дороге к Смоленску они остановились в маленькой деревне, где ночью ей приснился вещий и страшный сон. Ей приснилась рамка с начертанными

кровью словами: «Ton sort se décider à Borodino» («Твоя судьба решится в Бородино»). Margarita Mikhailovna разбудила мужа, крича, что его убьют в Бородине. Тучков, как мог, успокаивал ее, но на следующую ночь сон повторился: на этот раз ей приснилось, что в ее комнату пришли родители (отец нес на руках ее маленького сына Колю), брат Константин и священник, чтобы сказать о смерти мужа. Margarita Mikhailovna потребовала, чтобы ей принесли карту, и стала искать место с приснившимся названием, но не нашла. «Если Бородино действительно существует, — заметил Александр Алексеевич, — то, судя по звучному его имени, оно находится, вероятно, в Италии. Вряд ли военные действия будут туда перенесены: ты можешь успокоиться».

После отъезда мужа Margarita Mikhailovna поселилась в уездном городе Кинешма. 1 сентября, в день своих именин, она находилась в комнате. Зашли члены семьи, священник. Коля был на руках деда. Margarita Mikhailovna воскликнула: «Убит!» — и упала без чувств.

Она еще несколько лет не могла видеть брата — ей делалось дурно. «Было дано сражение под Бородином, — сказал Константин, адъютант Барклая де Толли.

Генерал Коновницын, приходившийся ей родственником, прислал ей схему сражения, отметив своей рукой флешу и батарею, на которой был убит ее муж, и даже просил ее

оставить поиски. Но Маргарита Михайловна, словно потеряв рассудок, искала мужа и еще целый год верила, что он жив.

Земля, на которой сражался Александр Тучков, принадлежала трем помещикам. Она решила ее выкупить, чтобы построить здесь храм, но помещики отдали землю бесплат-

заболел сын Коля, который учился в Пажеском корпусе. Собравшийся консилиум врачей не нашел его состояние опасным, один из докторов даже ручался своей собственной головой за его выздоровление. А следующей ночью сын умер на ее руках. Сохранилось письмо очевидца, датированное 8 октября 1826 года:

*Домик-сторожка
игуменьи Марии
в Спасо-Бородинском
монастыре*

но. На постройку храма император Александр I выделил десять тысяч рублей. Но этого оказалось очень мало, и ей пришлось продать свои бриллианты.

А в 1818 году архиепископ московский Августин выдал грамоту на построение храма. В 1820 году Спасо-Бородинский храм был освящен в честь иконы Нерукотворного Спаса, врученной Маргарите Михайловне некогда мужем.

В народе говорят, что беда не ходит одна. Через девять лет тяжело

«...умирает гнилою горячкой единственный сын Тучковой, мальчик прекрасный 15 лет, которого она обожала. У нее самой начинается белая горячка: она бегает в рубашке по всему дому, кричит, требует помощи. Бедная, несчастная мать...» Она даже подумывала о самоубийстве. Но родные всеми силами поддерживали ее в трудную минуту. Сына она похоронила в той маленькой церкви, которая была поставлена в память о муже, и поселилась неподалеку. «Нечто особенное, роко-

вое, — говорила она, — влекло меня к Бородину, и место это было мне указано, когда еще никто не слышал, что есть урочище бородинское». А когда один из ее современников спросил, как она вынесла весь этот ужас, Маргарита Михайловна ответила: «Я никогда не думала о том, что здесь со мной будет, а только о том, что уже было. Бывшее здесь слишком со мной сроднилось. Сперва я очень занята была постройкой церкви, для себя же поставила малый домик в виде сторожки, куда приезжала только на время, чтобы наблюдать за работами. Со мной жила одна добрая старушка, которая хотя и была чужда нам по вере и племени, однако посвятила себя совершенно нашему семейству». Ночами вдова и гувернантка ее покойного сына мадам Бувье видели светящиеся огоньки волчьих глаз, прислуги почти не было, и Маргарита Михайловна удивлялась, что их никто не ограбил.

Первоначально у нее не было замысла построить монастырь. Она приютила старика Горленко, а в дальнейшем собиралась открыть богадельню для инвалидов — ветеранов Отечественной войны 1812 года. Помимо мадам Бувье у Тучковой была горничная из Дерпта. Будучи лютеранкой, она вскоре крестилась в православие и постриглась под именем Девора.

Каждый день к сторожке приходили нищие, и Маргарита Михайловна никому не отказывала в помощи. Молва о «доброй барыне» распространилась по округе очень быстро. Однажды Тучкова встретила телегу с больной женщиной. Крестьянин, который ее вез, рассказал, что ее избивает муж-пьяница, что у нее маленькие дочки, совсем глупые, и она приказала привести женщину с детьми к ней. Так было положено начало бородинской общины. К 1833 году общинников насчи-

*Спасо-Бородинский
монастырь*

тывалось уже сорок человек. Работа кипела вовсю. Были построены ограда, дом, колодец. Для организации хора был выписан музыкант. Вскоре Маргарита Михайловна обратилась к императору Николаю I с просьбой утвердить ее общину. Крестьянам своего тульского имения она дала права вольных хлебопашцев, с тем, чтобы они платили по две тысячи ассигнациями в год. Кроме того, продала половину ярославского имения и полученные средства вместе с пенсией мужа вложила в общину. И хотя все равно жили бедно, но Тучкова была бодря: «Господь не оставит, да и нам ли жаловаться? Трапеза не затейлива, а зато каков хор!»

Через три года Маргариту Михайловну Тучкову постригли в монахини под именем Меланья. Обряд проходил в Троице-Сергиевой лавре. Митрополит Филарет дал ей на счастье свою рясу и келейную камилавку.

А в начале 1838 года община получила статус монастыря. Спустя два года Маргариту Михайловну постригли в сан игуменьи и в чин диаконисы с именем Мария. Сестры относились к ней как к матери. Когда она сломала руку по дороге в Москву, все рыдали и порывались ехать к ней. Сестры любили собираться вместе в келье настоятельницы, где вязали, шили, читали, причем послушницы, самые юные из сестер, садились на ковре у ног матушки.

Ее смерть 29 апреля 1852 года стала невосполнимой утратой для монастыря. Отпевание заканчивали без хора, так как монахини не могли петь по причине слез... □

Йог в юбке

История Индры Деви невероятна и поражает с первой до последней страницы. Прожившая почти 103 года, она стала первым йогом в женском облике. Причем не только в Индии, но и на планете. А разработанная ею уникальная система питания не только чрезвычайно популярна до сих пор, но с каждым годом обретает все больше сторонников и последователей.

ДЕВОЧКА НЕ ТАК, КАК ВСЕ

Кстати, Индра Деви вполне была нашей современницей, покинув сей бренный мир всего два десятка лет назад, и потому в анналах истории сохранились не только многочисленные фотографии, но и видеоматериалы, запечатлевшие для потомков голос, мимику и образ этой необыкновенной женщины с удивительно добрым взглядом и лучистыми глазами. Вот только... даже при самом первом, поверхностном взгляде на Индру Деви сразу видно, что она никакая не индианка, а представительница европеоидной расы. А если

быть еще более точным — Индра была... русской!

Она родилась на окраине Российской империи, на исходе позапрошлого столетия. В 1899 году, в сказочно красивой и мистически-загадочной Риге. Появившуюся на свет в середине мая девочку, когда, казалось, от весеннего тепла расцвела, раскрылась и распустилась в своих лучших образах, чувствах и проявлениях не только сама природа, но и люди, назвали Евгенией. Ее отцом был Василий Петерсон, солидный и деловитый директор банка. Впрочем, он был отнюдь не холодным, бездушным и расчетливым дельцом, а весьма

тонкой и романтической натурой. И супругу себе выбрал соответствующую, разделявшую его духовные и душевные запросы: мать будущей первой женщины-йога была Александра Лабунская, весьма известная и популярная в свое время актриса Русского драматического театра в Риге. И хотя Александра Лабунская постоянно срывала на своих выступлениях многочисленные овации восторженных зрителей, но по происхождению являлась дворянкой, а с такими аристократическими корнями, согласно устоявшимся представлениям той эпохи, выступать на сцене приличной и замужней даме совсем не пристало. Однако на пороге уже стоял XX век, родители Евгении были весьма прогрессивных взглядов и подобные светские условности заботили их весьма мало.

Частым гостем в семье Петерсон был поэт, певец и конференсье Александр Вертинский. Чуть забегаю вперед, отметим, что этот блистательный шансонье, невероятно точно отразивший дух и нерв эпохи декаданса (ибо пропустил, прочувствовал его через себя, свою суть и нутро), в роковом 1917-м году посвятил Евгении Петерсон стихотворение «Девочка с капризами», которое переложил на музыку, сделав песней. В нем, этом образе-воспоминании, насквозь сотканном из нитей-ощущений, нитей-грез о безвозвратно ушедшем прекрасном прошлом, есть одна примечательная строчка, являющаяся ключом к пониманию судьбы той, которая со вре-

менем станет известна всему миру под именем Индра Деви: «Девочка не как-нибудь, а не так, как все».

Однако счастливую и безмятежную мирную жизнь прервала стремительно ворвавшаяся в судьбы людей Первая мировая война. Вскоре Рига стала прифронтовым городом, и родители Жени приняли решение перебраться, от греха подальше, в другое место. Выбор пал на блистательный и величественный Санкт-Петербург. В роковом для страны 1917-м, Евгения Петерсон, превратившаяся к тому времени из милой девочки в обаятельную барышню, окончила петербургскую гимназию. Она мечтала стать актрисой, пойти по стопам матери, и для продолжения образования поступила в театральную студию в Москве. И хотя ее родные были настроены против такого решения — девушка твердо стояла на своем, даром, что ли, сам мэтр Вертинский назвал ее в свое время «девочкой с капризами».

Но тут и в ее, казалось бы, удачно складывающейся жизни и судьбе все круто изменилось. Не приняв начавшегося революционного хаоса, Евгения Петерсон вместе с матерью спешно выехали из центральной России обратно на малую родину, в Латвию. Впрочем, там они тоже долго не задержались — перебрались сначала в Польшу, а затем, в начале 1920-х, осели в Германии, где милостивая девушка наконец-то воплотила в жизнь свою мечту, пойдя по стопам своей знаменитой матери и тоже став актрисой. Жизнь

на чужбине, в эмиграции, медленно, но верно налаживалась — по крайней мере, матери и дочери тогда так казалось. Сильно омрачала ситуацию лишь разлука с главой семейства — Василий Петерсон, служивший на момент октябрьского переворота в российской армии, пропал без вести в горниле братоубийственной гражданской войны. Поначалу еще надеялись и верили, думали, что вернется, но, увы, он так и не вернулся...

С НОГ НА ГОЛОВУ

В Старом Свете Эжени Петерсон (именно под таким вариантом своего имени она стала известна европейской публике) блистала в труппе русского театра «Синяя птица», срывая, как когда-то ее мать, многочисленные овации восторженной публики. В 1926-м году, будучи на гастролях в Эстонии и гуляя по узким улочкам Таллина, Эжени случайно забрела в небольшую книжную лавочку под названием «Теософическая литература». Там она увидела объявление, что совсем скоро состоится очередное заседание теософского общества. На сей раз в Нидерландах, а среди почетных гостей и ораторов будет сам Джидду Кришнамурти — известный индийский философ и духовный практик.

Та встреча в Голландии стала для молодой актрисы судьбоносной и перевернула ее сознание. Пение популярного индийского гуру в поместье одного из последователей

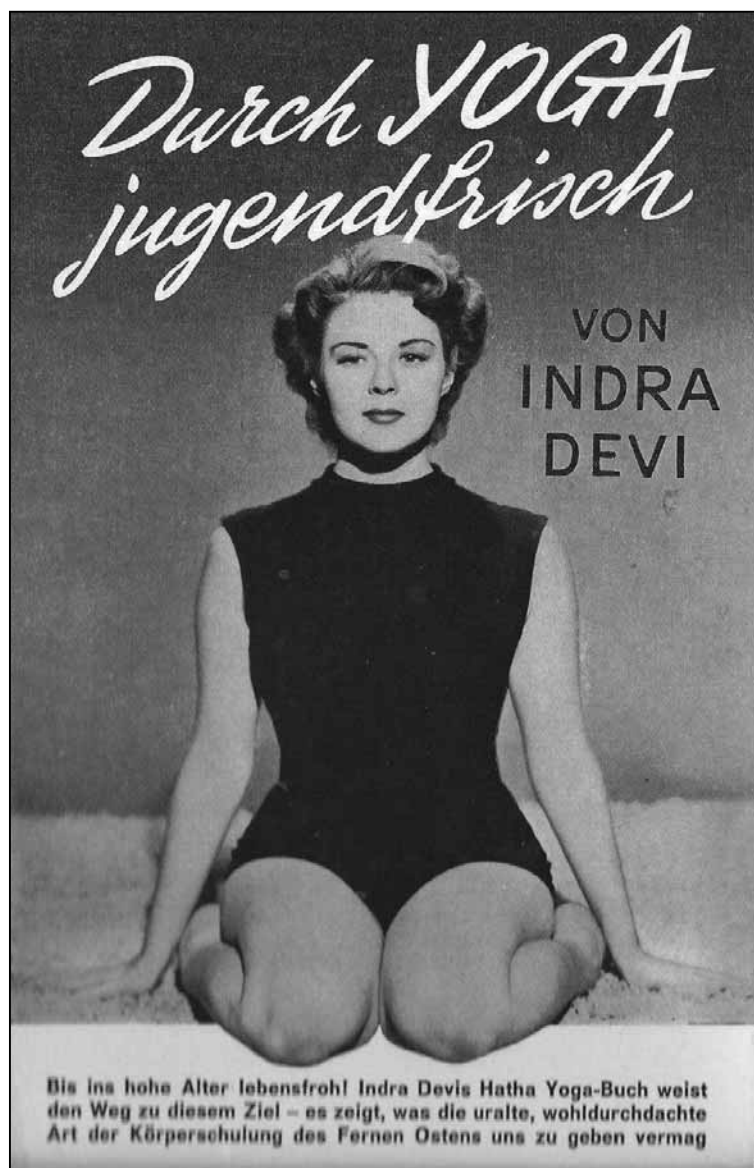
у костра санскритских мантр произвело на нее столь сильное впечатление, что, как позже признавалась сама Индра Деви: «Мне показалось, что я слышу забытый зов, знакомый, но далекий. С того дня все во мне перевернулось с ног на голову».

Конечно, ни в коей мере нельзя сказать, что Эжени Петерсон появилась на собрании Теософского общества (отпраздновавшего накануне полувековой юбилей своей деятельности и имевшего отделения во многих странах мира) совсем уж случайно, просто так, из любопытства. В межвоенный период теософские идеи и взгляды в Европе были, что называется, на слуху, таким модным философско-религиозным поветрием для разочаровавшихся в традиционных ценностях и взглядах на жизнь и мир буржуа.

Но только не для молодой и красивой актрисы Петерсон с русскими корнями. Ее интерес к Индии, ее истории и культуре был к тому времени уже вполне осознанным и осмысленным. И начался еще в России. В возрасте 15 лет, будучи совсем юной девушкой, она на одном дыхании прочитала книгу Йоги Рамачараки «Четырнадцать уроков по философии йоги и научному оккультизму». Решение, которое родилось тогда в голове восторженной девушки, было молниеносным — она должна обязательно поехать в Индию. Однако война, революция и эмиграция, казалось, навсегда задринули в небытие эти ее несбыточные мечты.

Жизнь между тем шла своим чередом: уже в следующем, 1927 году, популярная в Европе актриса Эжени Петерсон приняла предложение руки и сердца от Германа Больма, влиятельного банкира. Деньги к деньгам — ведь ее отец когда-то тоже был директором банка. Отныне, в знак помолвки, на изящной, очаровательной ручке ослепительной светской красотищи сверкало изысканное колечко. Казалось бы, вот оно, долгожданное счастье: Эжени Петерсон вытянула у фортуны счастливый билетик. Ну, или, по крайней мере, гарантию прекрасной партии — жизнь у нее теперь уж точно удалась.

Однако, к немалому удивлению финансового воротилы, звезда театральных подмостков поставила своему жениху условие: перед свадьбой она совершит путешествие по Индии, о котором мечтала долгие годы. Но только... в гордом одиночестве. Влюбленный банкир согласился с необычным требованием предмета своего обожания, сочтя его, видимо, забавным чудачеством, тем более что актрисы бывают порою столь капризными и непредсказуемыми, и ши-

роким жестом оплатил весьма недешевую поездку своей невесты в Индию.

Спустя три месяца Эжени Петерсон возвратилась из путешествия по Индии и...вернула роскошное кольцо Герману Больму. Перед ним стояла уже совсем другая женщина, лишь внешне очень похожая на ту, которую он так опрометчиво отпустил путешествовать по загадочному Востоку.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

За три месяца своих индийских странствий Евгения пересекла всю страну с юга на се-

вер, впервые надела сари, научилась есть пальцами одной руки и непринужденно сидеть на полу, подобно местному населению. Но главное — она вернулась в Старый Свет уже совсем другой, полностью духовно преображенной. После расставания с возлюбленным успешная европейская актриса и танцовщица спешно распродала все свою коллекцию мехов, драгоценностей и прочих атрибутов роскоши, и отбыла обратно в Индию, где она чувствовала себя, словно на родине.

Эжени стала исполнять индийские храмовые танцы, а также посещать лекции и собрания теософского общества в Адьере. Там на одной из встреч она познакомилась с председателем Индийского национального конгресса, будущим основателем индийской государственности Джавахарларом Неру, с которым впоследствии ее связывали долгие годы искренней дружбы.

А вскоре судьба свела ее с Бхагвати Мишрой, индийским кинорежиссером, который дал ей роль в фильме «Шер-и-Араб» («Арабский рыцарь»). Фильм 1930 года триумфально выстрелил в прокате и в одночасье сделал Эжени Петерсон кинозвездой индийского экрана под новым сценическим псевдонимом Индра Деви, что значит «небесная богиня». Как вспоминала позднее звезда Болливуда, такое имя она выбрала совершенно случайно — Мишра дал ей список со звучными псевдонимами, и она наугад ткнула пальцем в один из них. Именно под та-

ким именем она и станет известна всему миру.

И в том же 1930-м году, на волне своего успеха, очаровательная и популярная актриса индийского кино вышла замуж за Яна Стракати, коммерческого атташе чехословацкого консульства в Бомбее, где в течение нескольких лет наслаждалась жизнью хозяйки положения, вещей и дел. Ну и заодно — аристократического светского салона.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Однако полная удовольствий, роскошная и блистательная светская жизнь успешной и талантливой актрисы, жены влиятельного дипломата, о которой мечтали и грезили миллионы, была явно не для нее. Индра Деви все глубже погружалась и проникалась культурой и историей Индии, ее религией и философией. Вскоре она не на шутку увлеклась йогой, практически полностью неизвестной тогда европейцам. Сам принц Непала начал заниматься с ней в этом направлении, а вскоре она стала ученицей у знаменитого гуру Кришнамачарьи, основателя аштанга-йоги, одного из самых популярных направлений йоги в наши дни. Причем Индра стала первой ученицей-иностранкой, и, чтобы ее приняли к нежаловавшему чужаков и женщин гуру, словечко за актрису замолвил сам махараджа Майсура.

Условия обучения, надо сказать, были весьма жесткие — никакой скидки на известность и влиятель-

ность ученицы в высшем свете британской колониальной администрации в Индии гуру не сделали. Индра Деви была обязана соблюдать жесткую вегетарианскую диету, вести строгую аскезу и жить по монашескому времени, с его ранним подъемом и отходом ко сну. Она с честью выдержала все эти, как и многие другие, весьма нелегкие испытания.

С началом Второй мировой войны ее мужа перевели на дипломатическую работу в Китай, и Индра последовала за ним. Она подружилась с Сунь Мэй-лин, которая приходилась свояченицей лидеру Гоминьдана Сунь Ятсену и одновременно являлась женою Чан Кайши, многие годы стоявшего у руля Китайской республики, а после прихода в 1949 году к власти коммунистов в материковом Китае, основавшим независимый от них Тайвань. Индра буквально заразила своим увлечением Сунь Мэй-лин, открыв школу йоги в Шанхае. Доподлинно неизвестно, сыграло ли это какую-либо роль, однако супруга китайского лидера прожила 105 лет, значительно дольше всех своих сестер, братьев и именитого мужа, тоже достигнувших весьма почтенного возраста.

Во время китайского периода своей жизни Индра Деви все больше и больше пропагандировала до толе практически никому не известную йогу, причем не только в аристократических кругах высшего света. Кстати, среди ее учеников и учениц было много выходцев из России, осевших после революции и бег-

ства от большевиков в соседнем Китае. А саму бывшую актрису стали почтительно именовать Матаджи, что на хинди означает «уважаемая мать». Именно такой путь служения людям завещал ей ее духовный учитель Кришнамачарья.

Однако вскоре после окончания Второй мировой войны супруг Индры неожиданно умер, и Матаджи решила вернуться обратно в Индию. Она хотела остаться в Кашмире, чтобы преподавать йогу, но тут в Китае началась революция, переросшая затем в кровопролитную гражданскую войну, и ей пришлось вернуться в бывшую Поднебесную, чтобы спешно распродать свое имущество, прежде чем ее особняк будет захвачен и реквизирован сторонниками революции.

В Индии, тоже уже ставшей к тому времени независимой, к власти пришли силы, у которых были свои, особые счеты с представителями высшего европейского света и бывшей колониальной администрации. И хотя со многими индийскими политками ее связывала личная дружба, Индра Деви в условиях царившего в период революции и национального освобождения от европейского владычества хаоса и неразберихи, сочла за лучшее не рисковать понапрасну и выехала в конце 1947 года на военном корабле в Сан-Франциско.

ЙОГА ШАГАЕТ ПО МИРУ

Благодаря своим связям, известности и влиянию Индра Деви открыла

собственную школу йоги в Голливуде. Бывшая актриса быстро и непринужденно сумела войти в высший круг американского общества и найти общий язык с коллегами по цеху. Среди ее учеников и учениц было немало мировых знаменитостей «золотой эпохи Голливуда»: Грета Гарбо, Юл Бриннер, Глория Свенсон, Мэрилин Монро и многие другие звезды. Особую поддержку Индре оказывала Элизабет Арден, глава косметологической империи.

Индра Деви преподавала собственную форму хатха-йоги с асанами (позами) и пранаямой (контролем дыхания), избегая при этом напрямую духовного наставничества. Она постоянно носила сари — для американцев такой стиль одежды европейской женщины, пусть и прожившей долгое время на Востоке, был экзотичным и лишь придавал популярность Индре и ее занятиям йогой. А для нее это было само собою разумеющимся и естественным.

Индра пропагандировала мягкий, расслабляющий вариант йоги, позиционируя ее как комплекс упражнений для снятия стресса, а также поддержания в тонусе тела и духа. Причем заниматься такой формой йоги могли не только сливки высшего общества, но и обычные, простые люди — дома, после работы или в выходной день, на лужайке в парке. Такая философия была весьма созвучна умонастроению в американском обществе времен Эйзенхауэра, и ее книги «Вечно молодая, вечно здоровая» 1953 года и «Йога для

американцев» 1959 года издавались в то время большими тиражами. Увлечение йогой, между тем, и в Новом, и в Старом Свете ширилось, и уже по всей планете расходились книги, кассеты и записи с лекциями Индры Деви и ее комплексами упражнений по йоге. Во многом именно благодаря ей доселе малоизвестная как среди европейцев, так и американцев йога стала невероятно популярна во всем мире. А Индру Деви стали называть не иначе как «первая леди йоги».

В 1985 году она переехала в Аргентину, где и провела последние годы своей жизни. Хотя термин «провела» по отношению к ней не совсем точен — всю свою жизнь Индра Деви занимала более чем активную жизненную позицию. Через пару лет после переезда в Латинскую Америку ее избрали почетным президентом Международной федерации йоги и Латиноамериканского союза йоги. А еще через год она создала Фонд Индры Деви, который с момента основания и по сей день организует встречи инструкторов йоги и активно способствует распространению учения по всему миру.

В 1999 году Индра Деви с размахом отпраздновала свой вековой юбилей — на торжественном банкете в ее честь присутствовало свыше 3000 гостей. В значительности степени именно эта необыкновенная женщина совершила, казалось бы, невозможное: вернула дотолем практически полностью и всеми забытую йогу людям буквально из небытия.

В РОССИЮ — С ЛЮБОВЬЮ

В 1960 году, после перерыва более чем в сорок лет, Индра Деви вновь посетила Россию. Официально она прилетела по приглашению посла Индии в СССР, а неофициально встречалась с ведущими советскими лидерами эпохи оттепели — Косыгиным, Громыко, Микояном. Западная пресса называла ее «женщиной, которая познакомила с йогой Кремль». И хотя на светском приеме Индра долго и подробно объясняла советским лидерам суть йоги, в народ это тайное и загадочное тогда для многих учение не пошло — занятия йогой в СССР не приветствовались. И до бешеной популярности, которую завоевала йога в России на исходе XX столетия, было еще далеко.

Индра Деви приезжала в Россию еще трижды. В 1990 году, в разгар

перестройки, она побывала в целом ряде советских городов, включая родную для нее Ригу. Мегапопулярный в те годы ведущий телепередачи «До и после полуночи» Владимир Молчанов взял у этой удивительной женщины интервью. А затем она еще пару раз была уже в новой, независимой России: в 1992 году — по приглашению Олимпийского комитета, и спустя два года — по личному приглашению посла Аргентины.

В 1992 году, когда уже в новой России йога вышла из подполья, в Москве была издана книга «Йога для вас» — сразу же ставшая бестселлером. И мало кто знал, что ее настоящим автором была Индра Деви (это было переиздание ее книги «Йога для американцев» 1959 года).

В ней есть такие слова: «Многие продолжают думать, что йога — это

религия. Другие считают, что это своего рода магия. У некоторых йога ассоциируется с веревочными трюками, с заклинанием змей, поглощением огня, сидением на гвоздях, лежанием на битом стекле, хождением по острым мечам и так далее. Иногда ее связывают с предсказанием судьбы, гипнозом, спиритизмом и прочими «измами». В действительности же йога — это метод, это система физического, умственного и духовного развития». Эти мудрые фразы Матаджи не потеряли своей актуальности и по сей день.

Дарить тепло и любовь — вот основные постулаты долголетия от Индры Деви. Она не только так считала, она им следовала. Всегда и везде.

ПРАВИЛА ПИТАНИЯ ОТ ИНДРЫ ДЕВИ

Долгожительница всегда считала и не раз говорила, что у человека должно быть разумное питание, иначе он сам будет разрушать свое здоровье.

Ею были выработаны особые правила, ставшие главенствующими в ее рационе. «Будете следовать им, проживете долгую жизнь, без болезней», — не раз говорила она. Вот лишь некоторые из них.

1. Никогда не пейте воду со льдом, особенно во время еды — это мешает естественному и правильному пищеварению

2. Всегда выпивайте стакан чистой свежей воды утром натощак — и вечером перед сном. В жаркий

день надо пить горячую воду или травяной настой — это освежает и дает ощущение прохлады.

3. Нельзя пить воду во время еды, только за полчаса до еды, иначе станет нарушаться процесс пищеварения.

4. Воду нужно пить маленькими глотками, никогда не пейте залпом.

5. Ешьте фрукты — они полезнее фруктовых соков.

6. Не употребляйте кофе, чай, какао, алкоголь — это плохие стимуляторы для организма.

7. Молоко надо пить медленно, глоточками. Это пища, а не жидкость.

8. Пищу надо тщательно пережевывать, чтобы она достаточно смачивалась слюной, особенно если эта пища богата крахмалом. Иначе пища не обратится под воздействием слюны в глюкозу, и крахмал осядет в желудке и будет там разлагаться несколько часов.

9. Не ешьте больше одной порции крахмала за один раз. То есть, если вы съели порцию риса, откажитесь от хлеба, картофеля, макарон или пудинга.

10. Избегайте безжизненных продуктов: консервов, белой муки, шлифованного риса, рафинированного сахара. Отдайте предпочтение коричневому сахару или меду, муке из цельного зерна. Не увлекайтесь конфетами, выпечкой а также уксусом.

11. Черствый хлеб или поджаренный в тостере полезнее свежего, но хлеб нельзя есть, запивая

жидкостью. Зубы должны трудиться. Сначала жидкость, потом хлеб.

12. Жареная жирная пища усваивается еще медленнее, чем просто жир. Жир покидает желудок последним, углеводы — первыми, за ними — протеины.

13. Меньше разогревайте пищу — каждый раз она теряет свои полезные свойства при разогреве.

14. Ешьте неторопливо, с удовольствием, в приятной обстановке. Пища, поглощаемая в состоянии стресса и раздражения, вызывает в организме токсические изменения.

15. Садясь за стол, благословите свою пищу, пусть она принесет радость, тогда даже маленький кусочек хлеба за приятной беседой принесет больше пользы, чем каша, съеденная в плохом настроении.

И главное, помните: наше тело питает не та пища, которую мы едим, а та, которую оно может усвоить.

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ

Девочка с капризами

*Мы читаем Шницлера. Бредим мы
маркизами.*

*Осень мы проводим с мамой
в Туапсе.*

*Девочка с привычками, девочка
с капризами,*

*Девочка не «как-нибудь»,
а не так, как все.*

*Мы никем не поняты
и разочарованы.*

*Нас считают маленькой и теснят
во всем.*

*И хотя мы мамою не очень
избалованы,
Все же мы умеем поставить
на своем.*

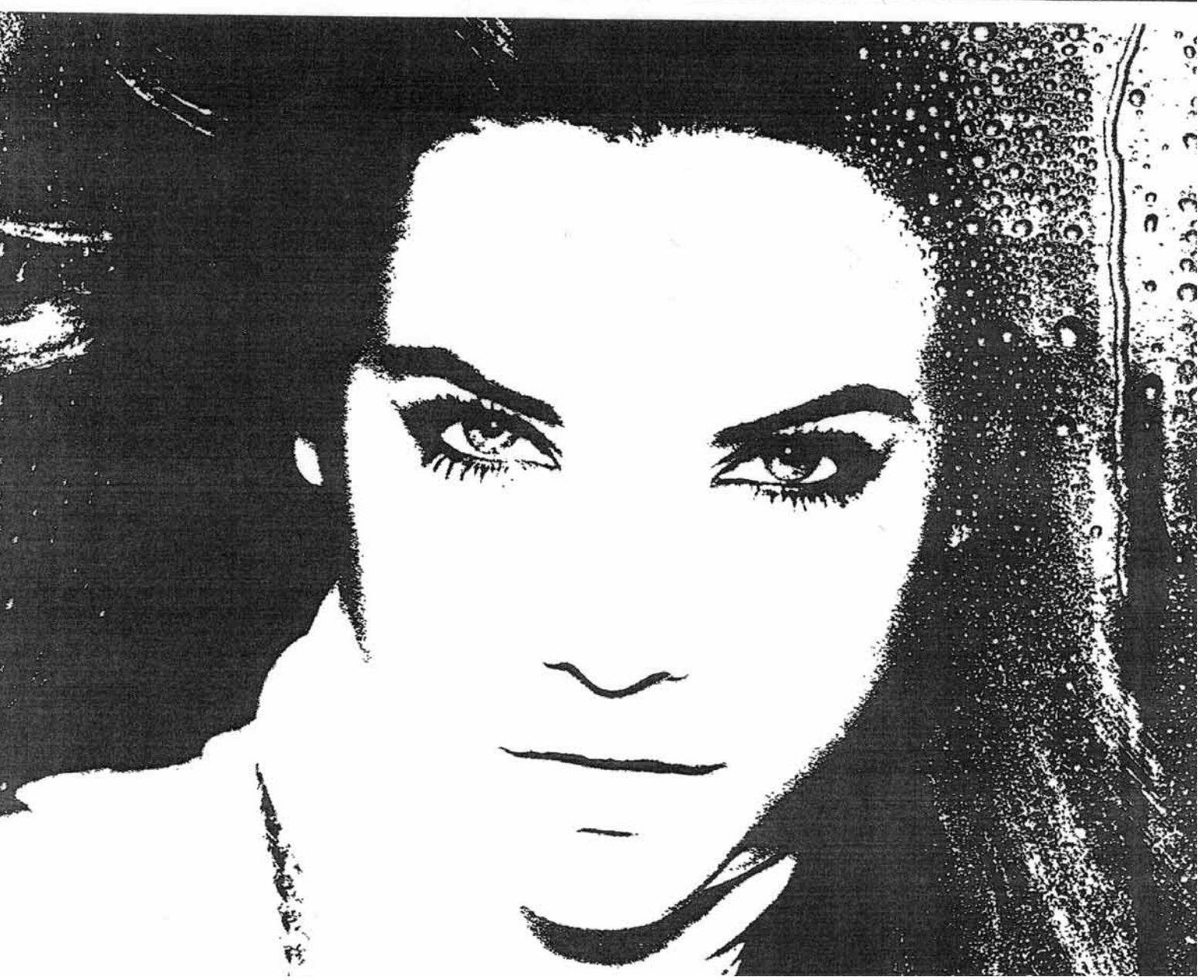
*Из-за нас страдают здесь
очень-очень многие.
Летом в Евпатории был такой
момент,
Что Володя Кустиков принял
грамм цикория.
Правда, он в гимназии, но почти
студент.*

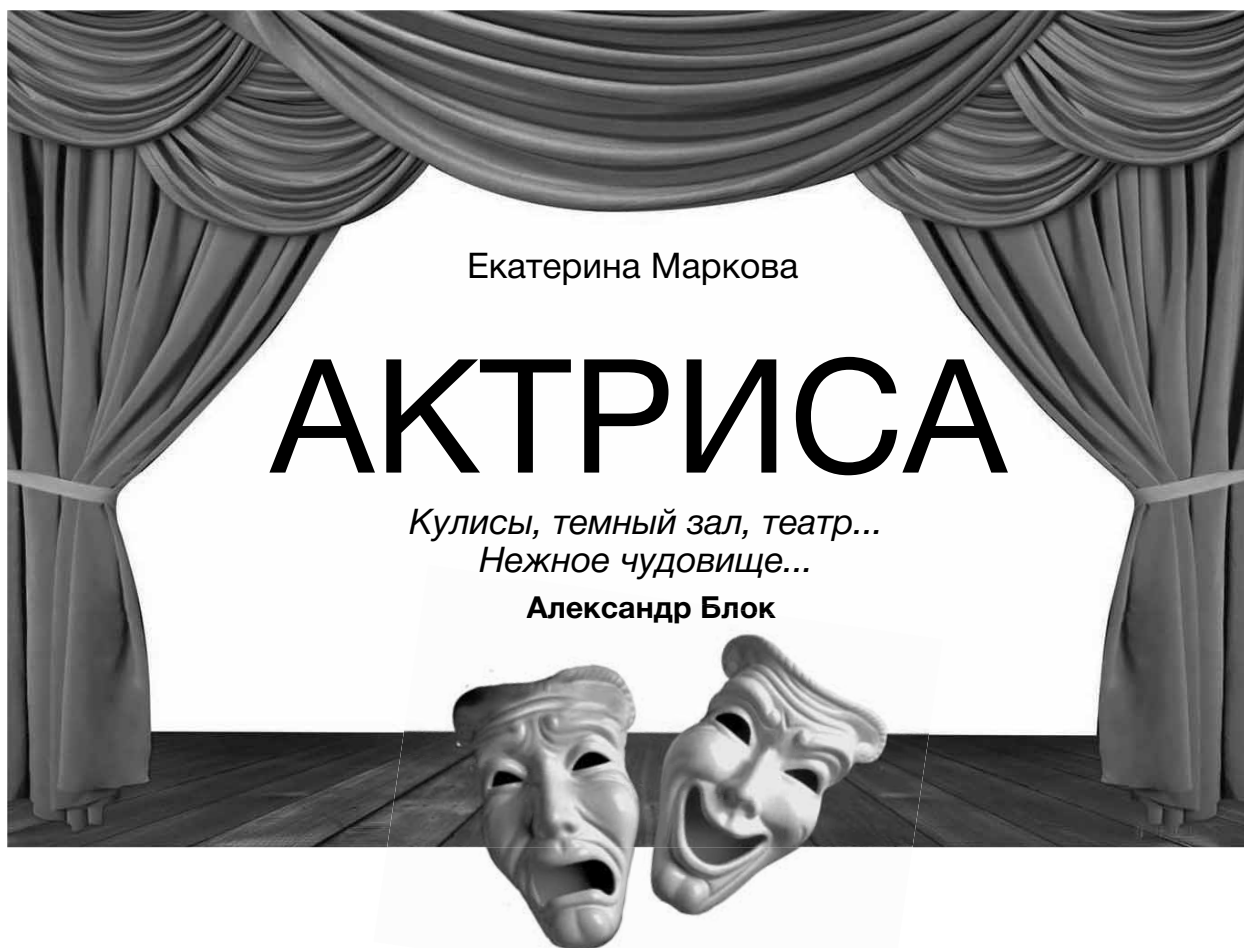
*Платица короткие вызывают
страстные
Споры до истерики с бонной
и мамá.
Эти бонны кроткие — сволочи
ужасные.
Нет от них спасения.
Хуже, чем чума!*

*Вечно неприятности. Не дают
возможности,
Заставляют волосы распускать,
как хвост.*

*Что это, от глупости иль от
осторожности?
А кузен Сереженька все острит,
прохвост!*

*Он и бонна рыжая целый день
сопутствуют.
Ходишь, как по ниточке, — воробей
в плену!..
Девочка с капризами, я Вам так
сочувствую.
Вашу жизнь тяжелую я один
пойму! □*

Мадам Оболенская, похоже, опаздывала на службу.

Служила она вахтером в театре и, к несчастью, сменяла по дежурству злобную, ворчливую мегеру, которую иначе как Сколопендра за глаза никто и не величал.

Впрочем, у всякого в театре имелось прозвище: у кого-то беззлобно-ироническое, у кого-то насмешливое, у кого-то добродушное. Мадам Оболенской она тоже стала с легкой руки молодых актеров, которым импонировал ее знатный древний род. Они никогда не задавали ей бестактных вопросов типа, как дошла она до жизни такой, и никогда не обсуждали ее неискоренимой привычки постоянно носить тканые ажурные перчатки и шляпку с легкой газовой вуалью, уложенной по узким полям.

То, что Елена Николаевна бедствовала, догадывались немногие, хотя в последнее время это все труднее удавалось скрывать. Еще не хватало, чтобы сердобольные актеры начали подкармливать ее, как подкармливали приبلудных собак и кошек, вечно спящих по двору театра...

Она судорожно сглотнула застрявший в горле ком обиды и горечи. Ну, это уж положим! Достоинства ей не занимать. Если всегда отмалчива-

ется на злостные нападки Сколопендры и мягкие нарекания администратора Вдовина, то это лишь потому, что жизнь приучила ее молчать...

Золотой кленовый лист в багровых причудливых разводах осени мягко спланировал на грудь мадам Оболенской. Она задумчиво разгладила его и огляделась вокруг.

Бульвар неистовствовал лихорадочной агонией осени. Елена Николаевна вздрогнула и остановилась, прижимая кленовый листок заштопанными кружевными перчатками к груди, как любовное послание.

Она всегда так больно чувствовала это безумствующее умирание осени. А теперь, если бы не этот невзначай брошенный ей на грудь лист, и не увидела бы, как божественно и причудливо разодет бульвар.

Дрожащими пальцами она вытянула из пачки сигарету и, жадно затянувшись, с бесшабашным аристократизмом пренебрегая очередным выговором на службе, присела на край скамейки. Усмехнулась, вспомнив, как ее соседка по коммуналке, краснолицая Татьяна — продавщица из овощного магазина, всегда всплескивает руками и замечает ехидно: «Опять ты, Николаевна, как птичка на жердочке, пристроилась. Зад-то пропихни глубже, сидеть, так сидеть, чтоб со всем удобством». Елена Николаевна молчит в ответ, а в памяти возникает глуховатый голос ее педагога по мастерству актера — знаменитой актрисы Александринки: «Сидеть, Леночка, надо всегда так, чтобы было немного неудобно — на самом краешке. В таком положении — как бы продолжение движения, готовность в любую секунду без усилий встать, легко и непринужденно, а не выкарабкиваться всем телом...»

Конечно, в ее возрасте следовать привычкам молодости все труднее, но именно они, эти привычки и навыки той далекой жизни, спасают ее от беспросветного отчаянья одиночества. Они словно перекидывают невидимый мостик к тем людям, которые нежно оберегали ее хрупкую юную жизнь, дарили ей чудо любви и пристрастности... Не уберегли. Жизнь расправилась с Леночкой Оболенской со всей мерой жестокости, впрочем, совсем не удивительной для той безумной эпохи, когда все трещало по швам... Мадам Оболенская не любила вспоминать, не любила сожалеть. Она верила в вечную жизнь и в то, что ее земные страдания искупают грехи людей, их тяжкую вину перед Спасителем. Не далее как вчера Елена Николаевна перечитывала свой любимый роман «Доктор Живаго», зачитанный почти наизусть, и в очередной раз, задумавшись о пастернаковских строчках, рыдающих над тремя днями от смерти до воскресения Христа, записала в своем дневнике кое-какие собственные мысли. Вернее, не в дневнике — на обрывке бумаги, так как тетрадка была уже исписана, а купить новую еще не довелось.

Елена Николаевна затушила окурок, достала из сумочки сложенный листок бумаги.

«Три дня... в сравнении с веками — и века окажутся мгновением, взмахом ресниц мироздания перед величием скорби тех трех дней. Длинной истории всего человечества отныне будут эти три дня. От распятия до Воскресения...»

Далекий наш предок Адам... виновник изначальный этих скорбных трех дней...

Что он, собственно, мог, этот первенец, несмышлениш, эдакий блин комом, положивший начало вселенской неразберихе?!

Быть первым вне опыта — это так ответственно. Но много ли в этом вины, когда еще ничего не познал, ничего не изведал, когда чувственный опыт ошибок и достижений, поражений и побед умозрительен, и лишь она... сотворенная из его плоти, так дорога и так безоговорочно непорочна в его глазах.

Он, Адам, — замысел, но не ошибка. Господь не совершает ошибок. Бог есть творец, и процесс Его творчества непостижим для слабого человеческого разума, поэтому Он дал шанс человеку разуть свои шаги верой. И, сотворив первенца, ошибочно принявшего Родительскую любовь за вседозволенность, Сам вместе с ним пустился в долгий путь искупления, то прижимая к сердцу, то с болью отрывая от груди, отпуская грешить и каяться свое драгоценное создание.

Человеческая кровь на опыте оказалась жидкой для высокого предназначения...

И Христос пришел и отдал для таинства причащения свою плоть и кровь, чтобы ее частички вернули людской крови ту вязкость, которая взбудоражит и укрепит слабые силы для рывка в бессмертие...»

Сильный порыв ветра вырвал из пальцев Елены Николаевны листок бумаги, разворошил сметенную в охапку сухую листву и беспардонно швырнул ей в лицо. Она охнула и беспомощным движением попыталась поймать листок, но тут же отказалась от этой мысли и, легко поднявшись со скамьи, направилась к троллейбусной остановке.

Записи мадам Оболенской поднял и спрятал в карман молодой человек с копной длинных густых волос, в очках, сильно увеличивающих бледно-голубые, точно выцветшие на солнце или выплаканные долгими ночами глаза в пушистых ресницах.

Елене Николаевне было невдомек, что эти глаза неотступно следили за ней из-за толстого ствола дуба наискосок от скамейки, где она сидела...

Главным режиссером молодежного театра Алена Позднякова стала неожиданно и для себя, и для всей труппы. Два года назад ее дипломный

режиссерский спектакль стал событием. Студенты, выпускники актерского факультета, играли чуть ли не телефонную книгу — так незамысловата была пьеса. Но неожиданно острые режиссерские ходы, властная, почти мужская воля, объединяющая необычную сценографию, пластику каждой роли и, наконец, незабываемой яркости актерские работы, заставили многих усомниться, а так ли уж банальна и проста фабула, если на ней столь мощно заблистал талант режиссера. Пьеса оказалась при тщательном изучении весьма средней. Выбор ее — странен. Но налицо результат — на театре появилось уникальное режиссерское дарование.

Внешне Алена являла собой полную противоположность такой профессиональной мужской манере. Маленькая, складненькая блондинка с пухлым детским ртом, в круглых очечках и с тихим, низким голосом, она сама, казалось, постоянно удивлялась той внутренней силе, которая, как бы помимо нее, закабаляла и завораживала всех, кому привелось с ней работать.

Тогда же, два года назад, после ее дипломного успеха, главный режиссер молодежного театра Виталий Семенович Перегудов пригласил ее на юбилейную постановку Островского. Злые языки пророчили в кулуарах провал. После заурядной «телефонной книги» поставить «Бесприданницу» — это уж явно продемонстрировать всему свету, что проехать в «сверходаренные» можно было только на слабой драматургии, в которой нет своей энергетики и с трактовкой которой можно не считаться. А здесь Александр Николаевич сам жестко манипулирует героями и поставить себя с ног на голову вряд ли позволит. Но Малышка Алена, любовно, прозванная так актерами, умудрилась, вопреки прогнозам, поставить-таки великого драматурга если не на макушку, то уж на уши — точно. И что самое удивительное, придраться было не к чему: ее собственная трактовка никак не исказила замысел автора. Это был тот самый умный, глубокий, ироничный Островский — только непривычно увиденный, по-своему пересказанный языком режиссуры и сценографии.

Удивительна была все знающая наперед, рвущаяся доказать всем трагизм и обреченность земной любви, пусть на своей судьбе, бесприданница Лариса. Ее играла Катя Воробьева, которая до прихода Алены пять лет бегала в массовках, и единственной большой ролью была Баба-Яга в «Двух кленах».

Как уж рассмотрела в ней Алена страстную, умную Ларису — уму непостижимо. Долговязая, плоская Катя Воробьева словно прикосновением волшебной палочки превратилась в длинноногую «супермодель» и сразу после премьеры «Бесприданницы» была приглашена на главную роль в многосерийный телевизионный фильм.

Воробьеву в театре не любили и отчаянно ей завидовали — даже тогда, когда играла только массовки. Ее родители жили в Америке, имели дом

в Испании и квартиру в Лондоне. Катька одевалась в самых шикарных «бутиках», стриглась в дорогом американском салоне и загорала летом на пляжах фешенебельных курортов. А теперь, после того как Малышка убедительно доказала всему театральному московскому миру, какая Воробьева первоклассная героиня и актриса божьим даром, пришлось взгляд пересмотреть. Звезде и пристало загорать не где попало, и стричься не там, где подешевле.

Одним словом, в театре по немому сговору прекратили дружить против Катьки, тем более что Виталий Семенович Перегудов распределил ее на роль Катарини в «Укрощении строптивой», начал репетировать, но спектакль выпустить не успел — скоропостижно умер от сердечного приступа прямо в своем кабинете. Спектакль выпустила Алена, продемонстрировав при этом поразительное чувство такта к чужому режиссерскому видению и сохранив все, что было заложено или только на начальной стадии разработано.

Воробьева опять блистала... На худсовете, утверждавшем кандидатуру Малышки на должность главного режиссера, задали вопрос, как удалось ей разглядеть в Екатерине Воробьевой ее необычайность. Наверное, монолог Бабы-Яги дал почувствовать и этот нерв актрисы, и глубину трагической природы? Малышка ответила отрицательно, потом помолчала и добавила, по-детски потирая подушечками пальцев глаза за стеклами очков:

— Я случайно увидела на улице, как Катя рыдала над сбитой самосвалом дворнягой, как тащила на себе окровавленную собаку в машину, чтобы срочно отвезти в ветеринарную клинику.

— И все? — дружно удивились члены худсовета.

— И все, — серьезно подтвердила Алена.

На минуту в кабинете воцарилось молчание, которое нарушил раздумчивый голос одной из пожилых актрис:

— Так сказать, человеческий фактор...

— Возможно, — пожалала плечами Малышка. Распространяться об изнанке своего творческого процесса она явно не собиралась.

Казалось, несмотря на свою трагестюшную внешность, Алена соответствовала всем параметрам, чтобы считаться «железной леди». Но... и у нее имелись свои слабости. Основной слабостью был Петр Сиволапов, двухметровый детина родом из Красноярского края. Его фамилия настолько дополняла мощную фактуру сибирского медвежатника, что возникало ощущение розыгрыша, когда он протягивал широкою, как лопата, ладонь для пожатия и представлялся: «Сиволапов». У Петра были задумчивые глаза яркосинего цвета, крепкие, красивые зубы, точеный прямой нос с легкой горбинкой и чувственные, изящного рисунка губы. Он сразу производил очень

сильное впечатление, этот Сиволапов. И ничего не было удивительного в том, что Алена, влюбившись по уши в статного сибиряка, окончившего в то время высшие сценарные курсы, выбрала для диплома его пьесу, к сожалению, сильно проигрывающую в своем «совершенстве» синеглазому автору. Но любовь зла... И она мощным режиссерским даром вытолкнула имя молодого драматурга к жизни в кино и театре.

Теперь, закончив «Укрощение строптивой», уже будучи главным режиссером театра, Алена выпускала очередную пьесу Сиволапова, где Кате Воробьевой была дана возможность предстать в новом качестве — отрицательного персонажа.

Театр бурлил обычными повседневными заботами, и очередное опоздание мадам Оболенской на службу взвинтило лишь изнывающую от отсутствия событий в собственной личной жизни Сколопендру. Улучив момент, когда Алена, откинувшись за режиссерским столиком на спинку стула, попросила костюмеров принести из пошивочного костюм Воробьевой, помочь актрисе одеться и сделать другую прическу, Сколопендра подседа сбоку и зашипела в ухо Малышке:

— Вот вы, Алена Владимировна, руководитель театра... должны знать... Вдовин прикрывает безобразия Оболенской.

— Да бросьте, Зинаида Ивановна. Старая женщина, из прекрасного дворянского рода, с не сложившейся, безумно трудной судьбой... Какие безобразия? О чем вы? — перелистывая исчерченный вариант пьесы, рассеянно отозвалась Алена.

— Вот, вот. Из прекрасного дворянского рода. Это-то всех и вводит в заблуждение. Она же алкоголичка, Алена Владимировна. Позволяет себе опаздывать на дежурство аж на час, а как дыхнет — так сразу понятно: точно пила, потому и опухшая вся, потому и опаздывает... вы же сами-то не видите, вся в творчестве.

— А я и не должна видеть, Зинаида Ивановна, — прогудел с угрожающей высоковольтной мощью голос Малышки. — Вдовин прекрасно сам справится с этой проблемой. Извините, у меня репетиция, мне бы не хотелось отвлекаться...

— Отвлекаться, видите ли, не хотелось бы, — пробурчала разъяренная Сколопендра, демонстративно покинув зал. — А вопрос кадров — важнейший, уж руководителю-то понятно должно быть.

Натолкнувшись на вылетевшую в коридор Катю Воробьеву в полном, можно сказать, неглиже, она недовольно пробормотала: «Вот бордель-то!» — и понесла свое грузное тело к кабинету зам. директора.

А Малышка вдруг ощутила почти болезненную жалость к Оболенской. Ей была очень симпатична эта худенькая, большеглазая женщина, кроткая, с встревоженным выражением лица и манерами великосветской дамы. Зинаида не первый раз нападает на нее, и Алена однажды застала омерзительную сцену: Сколопендра оскорбляла Оболенскую, а та молча слушала, как провинившаяся школьница, с вежливой виноватой улыбкой, и только пальцы, вечно задрапированные старенькими ажурными перчатками, мелко дрожали...

Говорили, что Оболенская родилась в эмиграции, в Париже, получила прекрасное образование в Сорбонне. А потом вышла замуж за какого-то актера из Питера, уехала с ним туда, училась на актерском факультете, но актерская судьба не сложилась, так же, впрочем, как и личная жизнь. Ее муж, видимо, оказался тот еще прощелыга. Рассчитывал на богатых родственников жены, но у них началась какая-то денежная неразбериха, и никакого наследства не было получено. Оболенская вернулась в Париж ухаживать за умирающей матерью. Потеряв всех близких, осела в России — теперь уже почему-то в Москве... В общем, толком о ней Алена ничего не знала. И, может, права Сколопендра: надо бы знать.

От мыслей об Оболенской Малышку отвлекла появившаяся на сцене Воробьева. Алена вскочила со стула и поднялась к авансцене.

— Катюша, мне не нравится. Понимаешь, если она — шлюха, и пробы ставить негде, значит, мы должны все же поискать местечко в ее душе, где пробы отсутствуют. И в одежде, и в прическе это поискать... Иначе все однозначно. Ну-ка повернись!

Катя крутнулась вокруг себя, распахнулись разрезы короткой яркой юбки, открывая длинные ноги в чулках с резинками и блестящие малиновые трусики-бикини. Она дотронулась до сильно загримированного лица, припудренного блестками, и спросила:

— Грим тоже ярковат?

— Да. Будем пробовать от обратного. Давай так. Лицо без косметики. Знаю, знаю, сейчас начнутся слезы по поводу того, что ты без макияжа — моль. Но мне сейчас и нужна моль. Итак, образ моли. Строгий английский костюм, юбка чуть выше колен, гладко зачесанная голова, пучок сзади, пусть слегка старомодный, — тем неожиданней будет ее поведение. Туфли... Так! Никаких каблучков, что-то типа «балеток», чтобы походка была мягкая, вкрадчивая. И давай попробуем очки. Такая идеальная студентка-отличница. Зануда, одним словом. Благопристойная зануда. Ну что мордочку-то скукожила? Не нравится? Это же проба!

— Алена Владимировна, но ведь она же убийца!

— Правильно. А что, у убийц на лбу написано: «Господа, я — убийца»? Вот здорово было бы! Чем дольше зритель не сможет согласиться с тем, что в этой благовоспитанной отличнице прописался сам дьявол, тем будет интересней. Согласна?

— Так хотелось бы сыграть что-нибудь острое, характерное, как бы... крайность человеческой природы, — уныло взглянула на режиссера Катя.

— Здрасьте, приехали! Катерина! Это — второй курс! Работа на образ. Не характерных ролей вообще не существует! Если хочешь знать, твои Лариса и Катарина героини только потому, что вокруг них сюжет крутится, и они — носители идеи драматурга. Ты сегодня как с луны свалилась! Опять магнитная буря? О твоей метеочувствительности уши слышать уже отказываются.

— Да ей просто здешний климат не в кайф, — раздался из темноты зала веселый голос Сиволапова. — В Штатах у родителей голова небось не болит.

Алена вздрогнула, и на бледных щеках вспыхнул яркий румянец. Она сразу похорошела, голос стал влажным и глубоким:

— Нечего актрису отвлекать воспоминаниями о приятном. Ей сейчас трудно — и прекрасно! Не сбивай с толку, Петр! Иди, Катюша, поищи все, о чем говорили. Перерыв — пятнадцать минут. Свет в зал не надо!

Малышка вприпрыжку ринулась к режиссерскому столику, где Сиволапов пристроился у настольной лампы и любовно перелистывал испещренный режиссерскими ремарками вариант своего детища.

— Люблю тебя, — шепнул он, не отрывая глаз от пьесы.

— Меня или свое произведение? — так же шепотом отозвалась Алена.

— Ты развращена до безобразия своей профессией — везде мерещатся парадоксальные трактовки и мизансцены. Автор в темноте зрительного зала объясняется в любви своей пьесе! Иди ко мне, зайка, я соскучился.

Алена, повертев головой по сторонам, шагнула в объятия Сиволапова и словно сразу утонула в нем. Но уже через секунду высвободилась из рук Петра, протерла очки кончиком шейного платка и голосом, утратившим привлекательность, распорядилась:

— Так, мой дорогой, подумай-ка над этим диалогом. Что-то здесь не точно.

Две головы склонились над исписанной стопкой листов. А с последнего ряда бельэтажа со вздохом поднялась Инга Ковалева, молодая актриса, второй сезон работающая в театре. В ее жгуче-черных, чуть растянутых к вискам глазах застыли злые слезы. Красивое тонкое лицо было обезображено страдальческой гримасой. Казалось, еще чуть-чуть — и она забьется в страшной истерике, взорвав тишину полутемного зала дикими, отча-

янными криками, взбаламутив видимость порядка и отлаженности в непростом механизме жизни, именуемом «театр»...

Тем временем в кабинете заместителя директора Нины Евгеньевны Ковалевой отводила душу переполненная негодованием Сколопендра.

— Видите ли, княжеский титул делает ей исключение...

— Да причем здесь это? — поморщилась Нина Евгеньевна. — Просто Перегудову до всего было дело, все успевал... царствие ему небесное. А у этой... одни пристрастия, и представления обо всем весьма сомнительные. Я часто, Зинуля, вспоминаю, как мы здесь начинали. Все молодые, все равны... справедливость какая-то существовала. А теперь... борьба за выживание.

— Да уж, это точно! — с воодушевлением подхватила Сколопендра. — Ингушу жалко... — И, осторожным взглядом проверив в глазах старинной приятельницы, а теперь, волею судеб, начальницы, дозволение на продолжение больной темы, продолжила, подыскивая нужные слова: — На глазах ведь выросла. А как в дипломном спектакле играла! Помню, Перегудов обещал ей со временем интересные роли. А сейчас... похоже, девочке ничего и не светит...

Нина Евгеньевна нервным щелчком выбила из пачки сигарету, глубоко затаилась.

Весь театр знал, как до умопомрачения обожает она свою единственную дочь, как гордится ею и как способна перегрызть глотку всякому, кто ее обидит.

— Сама-то не пробовала говорить с Аленой?

— Боюсь Инге еще хуже сделать. — Нина Евгеньевна проверила лежащую на рычаге трубку и доверительно склонилась к уху Зинаиды Ивановны: — Инга сама с ней несколько раз говорила — просила ввести ее на роли Воробьевой. Но пока ей только разрешено присутствовать на репетициях новой пьесы на предмет второго состава. Здесь другое... Сиволапов ведет себя по отношению к Инге весьма недвусмысленно. Звонит... Приглашал поужинать вместе...

— Ходила? — Сколопендра задыхалась от переполнявших ее чувств.

— Ходила... Вернулась под утро... В общем, ситуация — хуже не придумаешь.

Нина Евгеньевна поискала глазами пепельницу и, не найдя, в сердцах затушила окурок в горшке с протестующим против подобного обращения всеми своими колючками огромным плоским кактусом.

— А сама она... Ингуша... она-то как к нему?

— По-моему, влюблена до полусмерти, — прерывисто вздохнула Нина Евгеньевна.

Сколупендра тоже вздохнула, и обе погрузились в тягостное раздумье.

Зам. директора Ковалева была человеком театральным в самом высоком смысле этого слова. Глубоко понимая природу театра, она никогда не допускала других приоритетов, кроме творческих, никогда организационная и производственная деятельность не была в ущерб режиссеру, актерам, цехам, осуществлявшим работу над спектаклями.

Она одной из первых сумела рассмотреть в Алене Поздняковой огромное режиссерское дарование, прожужжала все уши бывшему главному режиссеру, что нельзя упустить эту очкастую малышку. И при этом умудрилась никак не задеть профессиональное самолюбие Перегудова — наоборот, убедила, что, несмотря на талант, Позднякова — начинающая, а он — мэтр, и это прибавит ему чести — вырастить яркого ученика. Сработало. Боявшийся оказаться в ситуации «побежденного учителя», Перегудов пришел к выводу, что он уже ох как не молод, а Алена несколько лет будет развиваться творчески под его отеческой опекой, а там и, даст Бог, будет, кому театр передать.

Дочь Ковалевой и Алена в один год перешагнули порог театра. Имея навык все просчитывать намного вперед, Нина Евгеньевна позвала Алёну на дипломный спектакль, в котором Инга играла главную роль.

— Ей нужно серьезно заняться голосом, — вместо ожидаемых дифирамбов сообщила Малышка после спектакля взволнованной матери. — Внешние данные хорошие, а голос... Тусклый, невыразительный. Чуть пытаются повисить его — пищит, а писклявый высокий голос на сцене — что ножом по тарелке. Низы у нее совсем отсутствуют.— Алена недоуменно пожала плечами и добавила: — Почему в училище так мало уделяли этому внимание — непонятно. Она же не в немом кино будет работать.

Сердце Нины Евгеньевны от обиды и досады рвалось на части. Она так и видела свою ненаглядную девочку в ролях, которые играет Воробьева. Против самой Катерины Ковалева, впрочем, ничего не имела. Нормальная, симпатичная девочка. И родители — милые люди. Несколько лет назад Нина Евгеньевна гостила у них в Калифорнии. Таких людей можно только уважать. Отец — один из первых предпринимателей горбачевского периода. Был директором банка, потом кожей почувствовал какую-то опасность для крупного бизнеса и переехал с семьей в Штаты. Младший сын учится в Оксфорде. По Кате до недавнего времени у родителей болело сердце — хорош у нее был репертуар: Баба-Яга и шесть массовок. Но теперь... Катини родители шлют приглашения Малышке провести отпуск в любой точке земного шара. А та без своего Сиволапова — ни шагу.

Какая-то дикая карусель вертелась в голове у Нины Евгеньевны. Ее Инга, ее ненаглядная, любимая девочка страдает, а она, мать, ничем не может ей помочь. И все так уродливо переплелось. Вчера вечером Петр позвонил ей в одиннадцать, а в час ночи Инга положила трубку. Проговорить два часа по телефону! И где в это время была Алена? А если она догадается, или кто-нибудь скажет, то Инге придется уходить из театра. Из театра, который для нее с детства был родным домом. Инге было пять лет, когда она впервые вышла на сцену в розовском «Дне свадьбы», потом Перегудов еще несколько раз поручал ей детские незначительные роли. И кто бы мог подумать, что судьба так зарулит... так все перебалаламутит...

Мощный толчок в дверь кабинета заставил вздрогнуть обеих женщин.

— В чем дело? — успела вскрикнуть Нина Евгеньевна, и в этот же момент с огромной коробкой в руках ввалился реквизитор Сева Киреев по прозвищу «Домовой».

— Ура! Нина Евгеньевна! Справедливость восторжествовала! Мы теперь такое устроим! Чертям в аду тошно станет от нашей пальбы! Виват! Победа!

— Успокойся, Сева! — Всегда сдержанная с подчиненными, Ковалева волевым усилием задавила в себе личные переживания и из страдающей матери превратилась в умного, спокойного руководителя: — Что ты приволол? Что это за махина?

— В этой махине... — от волнения Севка даже задохнулся, — то, о чем вы так сокрушались... сокрушались, что отсутствие э — то — го не сможет украсить юбилей нашего театра, потому что дорого, и нам не потянуть!

— Ну? — в недоумении пожала плечами Нина Евгеньевна.

— Ага, сдаетесь! Не можете угадать?! Считаю до трех, не угадаете — унесу в реквизиторский.

— Киреев, прекрати балаган! Вечно, как тайфун! — поморщилась Сколопендра.

— Правда, Севка, кончай свои выкрутасы, — засмеялась Нина Евгеньевна. — Что в коробке?

Киреев гордо подбоченился и произнес торжественным голосом:

— Тысяча петард и фейерверков!

— Откуда?! — хором охнули Ковалева и Сколопендра.

— Оттеда, вестимо! Из Америки! В подарок театру от бизнесмена Воробьева. Вот так! Побегу разбираться. Можно, да? Там еще три коробищи!

Веснушчатое детское лицо Севки сияло таким невероятным счастьем, что даже Сколопендра не удержалась от улыбки.

Домовой крутанулся на одной ноге, подпрыгнул, коснувшись рукой подвесок на люстре, и с радостным воплем под звон хрусталя выволол коробку.

— Вот дите! — не то одобрительно, не то осуждающе прошипела вслед Сколопендра.

— Ну, хорошо! Пойду, посмотрю на все эти дары! — Ковалева приподнялась с кресла, но потом вдруг села и, взволнованно глядя на дверь, за которой скрылся Сева, произнесла: — Дите-то дите, но на этом мальчишке без преувеличения весь театр держится. Уникальный парень! Ведь и прибился к театру случайно. Помню, я его на работу брала — после девятого класса пришел наниматься рабочим сцены... Через месяц знал наизусть все спектакли. Еще через месяц актеры перестали опаздывать на выход — он бегал по гримерным, предупреждая каждого. Перестановки в затемнении на сцене стали происходить так бесшумно и отлажено, что все только диву давались. Реквизит весь был обновлен и подавался с такой четкостью, что актеры ходили ко мне толпами и спрашивали, что это за чудо-домовой появился в театре. Я его в реквизиторский цех тогда перевела. Хотя место его работы ничего не значит. Следит абсолютно за всеми цехами. Даже переодевания актеров за кулисами умудряется осуществлять. И все уверяют, что когда переодевает Севка — получается намного быстрее. А старики вообще без него как без рук. Каждого после спектакля домой доставит без промедления. Актер вышел — такси уже ждет. Так же с театральными машинами. Раньше за пожилыми артистами съездить, привезти к спектаклю с трудом удавалось — театральные производственные нужды заполняли весь день. Теперь под Севкиным давлением оба наших водителя так свой график ухитряются подтасовать, что непременно стариков доставят в театр. Удивительный тип, этот Севка! Недавно на переодевании Воробьевой вообще анекдотический случай произошел. У нее за кулисами полное переодевание, и костюмер Вера ждет ее с платьем, перчатками, туфлями и прочим. Севка с реквизитом мимо пронесся, глянул в ее сторону и прошептал: «Верунь, колготки перепутала — Катерине на этот выход зеленые нужны, а ты какие приготовила!» — и сам бегом в костюмерную... Да-а, такое впечатление, что это не человек, а какое-то порождение театра. Хвалишь его — сердится... Ладно, Зинаида, пойду я... Дел невпроворот.

Сколопендра молча кивнула, в задумчивости вышла в коридор, сожалея о том, что не успела присоединить к монологу Ковалевой свои собственные симпатии Севке. Прошлой зимой к ней в больницу, если кто и ездил из театра, то только Севка. Фрукты привозил, всякий раз допытывался, не скрывает ли она каких-нибудь своих нужд. Вот только нежной дружбы с Оболенской она ему никак простить не может...

Холодный осенний вечер запеленал засыпающий город плотным влажным туманом. К ночи ветер не утихомирился, но словно подустал неистово рвать из рук прохожих пакеты и свертки, выворачивать раскрытые зонты, срывать головные уборы и игрушки катить колесом по мостовой шляпы, потешаясь над нелепыми пируэтами людей, пытающихся догнать их.

Около погрузившегося в темноту театра натужно поскрипывал раскачивающийся фонарь, стилизованный неизвестно под какую никому не интересную эпоху — самодурство главного художника, ухнувшего на изготовление этого чудовища уйму денег, — и похохатывала дребезжащими переборами кровля нависающего над входом козырька. Непривычно пустынный, словно сразу осунувшийся от тоски по дневной суете, с крыльями прилегающих флигелей театр выглядел гигантской летучей мышью. Казалось, вот дождетса полуночи, напряжннтся и, взлетев, вцепнтса мертвой хваткой в намеченную невинную жертву...

В одном из флигелей располагался служебный вход, и сквозь окно рядом с крыльцом слабо пробивался свет настольной лампы.

Елена Николаевна Оболенская раскладывала пасьянс под широким пластиковым абажуром лампы. Ночное дежурство сравнительно недавно стало входить в обязанности вахтера. Раньше в ночную смену заступал охранник, но потом театр разорился на централизованную систему, всюду была подведена сигнализация — необходимость в живой охране отпала, а вахтерам предложили за дополнительную оплату ночевать в театре — на всякий непредвиденный случай. Они и в самом деле возникали, разные случаи, только непредвиденными их вряд ли можно было назвать: то позвонит за полночь Катя Воробьева — машину, мол, бросила у театра, просьба проверить, горит ли лампочка сигнализации; то кто-нибудь в попытках забыл что-то в гримерной, а вдруг не в гримерной, а еще где-то, срочные междугородные звонки от актеров, снимающихся в других городах и не успевающих к утренней репетиции.

Час был поздний, и Елена Николаевна уже застелила узкий диванчик стареньким пледом, чтобы, проворочавшись в тяжелых раздумьях, провалиться к рассвету в глубокий, как обморок, сон.

Резкая телефонная трель оторвала ее от удачно сложившегося пасьянса. Недоумевая над выходявшим трижды бубновым королем, Елена Николаевна машинально ответила:

— Театр! Слушаю вас.

Прерывистое, взволнованное дыхание в трубке мгновенно отозвалось непонятной тревогой.

— Я слушаю! Алло! — повторила мадам Оболенская.

— Простите... Мне нужна Елена Николаевна Оболенская. — Мальчишеский голос с сильным иностранным акцентом вибрировал и срывался — казалось, молодой человек пробежал длинную дистанцию, так шумно он дышал.

— Слушаю вас. Я — Елена Николаевна Оболенская.

Трубка, стиснутая ее побелевшими пальцами, молчала. Елена Николаевна облизала мгновенно пересохшие губы и почти шепотом попросила:

— Пожалуйста, говорите. Кто вы?

И услышала в ответ такой же взволнованный шепот:

— Я — Адам.

— Кто?!

— Адам Оболенский. Внук вашей старшей сестры Нины.

По коридорам спящего театра еще добрые полчаса разносился гулким эхом срывающийся на хриплый полусшепот голос старой одинокой женщины, в чудный миг провидения вдруг обретшей смысл своего шаткого, больного существования.

А еще через какое-то время, когда стрелки часов давно перевалили за полночь, взорвав пронзительным звонком в дверь ночную тишину, явилась Екатерина Воробьева. Глаза ее, уже очищенные от макияжа, словно два кофейных зернышка прятались в бесцветных густых ресничках. Лицо слегка поблескивало от наложенного слоя крема. Наспех застегнутая не на те пуговицы теплая клетчатая кофта давала понять, как она торопилась.

— Катюша?! — удивилась Елена Николаевна. — Что случилось, дорогая?

Катя покрутила в руках ключи от машины, машинально бросила на вахтерский столик и, вздрогнув от их звона, заговорила, как всегда, эмоциональной скороговоркой:

— Елена Николаевна, простите за мое дикое вторжение. Но мне вдруг пришло в голову, как я должна играть финальную сцену в «Столичной штучке». Меня, Елена Николаевна, словно озарило: знаете, будто током шибануло. И все, что я придумала, решается только в пластике, только в мизансценах... Без единого слова! Я должна немедленно это проверить в декорациях. Завтра прогон в десять, Алене будет не до того. Да и мне хотелось бы одной, без посторонних глаз электриков, реквизиторов, радиотов, которые ни свет ни заря начнут сновать по сцене. Я не разбудила вас, Елена Николаевна? Ох, как я вас перебаламутила — вы бледная, как стенка. Простите, ради бога! Я ненадолго. Можно, включу на сцене дежурный свет? К счастью, весь реквизит остался в декорациях — мне это тоже понадобится. Можно, Елена Николаевна?

Мадам Оболенская проводила Катю на темную сцену. С помощью фонарика они отыскивали рубильник дежурного света, и Катя, точно загипнотизированная озарением своего творческого порыва, не дожидаясь ухода Оболенской, начала проверять финальную сцену.

Елена Николаевна вернулась на вахту, дрожащими пальцами вытянула из пачки сигарету, закурила, собрала в колоду раскиданные по столу карты, отложив в сторону постоянно сигналившего ей в пасьянсах бубнового короля, так чудесно воплотившегося в Ниночкиного внука. Улыбнулась, взяв в руки брошенную связку Катиных ключей. Вместо брелка на колечке раскачивался смешной плюшевый слоненок с трогательным розовым хоботом, ушами-бабочками и длинным мягким хвостом.

Эта девочка всегда проявляла к ней ласковое внимание и участие. Стараясь не обидеть, привозила из всех поездок скромные, но всегда нужные подарки. К началу сезона, вернувшись от родителей, она подарила Оболенской две пары ажурных черных перчаток. Растроганная до слез, Елена Николаевна спрятала их до так называемых «худших времен», которые неизбежно привнесет грядущая старость. Хотя теперь ее жизнь, возможно, станет совсем иной...

Катя отсутствовала долго и появилась так тихо, что заставила Елену Николаевну вздрогнуть.

— Простите, я снова вас испугала. Алена требует, чтобы я двигалась бесшумно, как бы стелилась... А все, что репетируешь, сразу влезает в привычку. Можно, я пять минут посижу?

— Конечно, садись, Катюша. И сразу убери ключи — забудешь, как уже не раз случалось. Хочешь чаю?

Катя плюхнулась на стул, вытянув длинные ноги в мягких кроссовках, и, потянувшись, сладко зевнула:

— Спасибо, я уж помчусь домой. А как вы себя чувствуете, Елена Николаевна? Что-то вы мне сегодня не нравитесь — бледненькая, и руки вот дрожат. Может, какое-нибудь лекарство надо? Я — мигом, здесь за углом дежурная аптека.

От теплых Катиных слов внутреннее напряжение неожиданно прорвалось неудержимым потоком слез. Они текли и текли, несмотря на мужественные усилия Елены Николаевны взять себя в руки. Встревоженная Катя извлекла из кармана упаковку бумажных платочков и протянула Оболенской. Потом встала и, обняв ее подрагивающие худые плечи, стала гладить по голове, приговаривая шепотом:

— Ну-ну, не надо, не надо плакать. Успокойтесь, моя дорогая. Давайте вытрем слезы... вот так. Ну-ну, успокойтесь. И расскажите, что случилось. Сразу легче станет. А я — никому ничего. Меня подруги даже называют

«братской могилой». Вы — замкнутая, все в себе держите. А иногда надо расслабиться и с кем-то поделиться. Освободиться. Что-нибудь стряслось серьезное?

Елена Николаевна всхлипнула и отрицательно мотнула головой:

— Стряслось... замечательное, Катюша. Впрочем, это долгая история, а уже поздно...

— Я никуда не спешу. — Катя села на стул и, подперев руками голову, приготовилась слушать. — Мне, Елена Николаевна, теперь все равно не заснуть. Чем бока мять, кувыркаясь без сна в кровати, посижу лучше с вами.

Оболенская благодарно улыбнулась, и глаза ее мгновенно опрокинулись в далекое прошлое...

— У меня была сестра, Катюша. Старшая. Ниночка. Перед самой войной она вышла замуж за итальянца, и они уехали из Парижа. Последние вести от нее мы с мамой получили к концу войны — они с мужем участвовали в итальянском Сопротивлении. Потом наступило полное молчание. И уже после войны пришло письмо от родственников ее мужа, которые сообщали, что Ниночка с мужем попали в плен и, видимо, погибли или были угнаны в Германию... Короче, больше известий никаких не поступало. Мы ждали, а потом перестали надеяться. Тем более что обстоятельства швыряли нас с мамой из одного города в другой. Последние годы мама жила в Марселе, где и умерла... Царствие ей небесное.

Катя глубоко вздохнула и перекрестилась. Оболенская промокнула влажные глаза и продолжила:

— И вот сегодня, Катюша, как раз перед твоим приходом, мне позвонил внук Нины...

— Да что вы! — Катя резко вскочила со стула, ее глаза загорелись, щеки вспыхнули ярким румянцем. — Вот здорово! И он здесь? В Москве? А как же он отыскал вас?

— Все это очень загадочно и непостижимо, хотя я уже давно взяла в привычку ничему не удивляться... Ну, разве не поразительно то, что в моих пасьянсах последние две недели неизменно появляется бубновый король, как будто в мою жизнь врывается какой-то молодой человек. Чудеса, да и только!

Елена Николаевна в задумчивости повертела лежащей отдельно от колоды картой.

— Можно? — Катя осторожно потянула из рук Оболенской карту и жадно впиалась в нее любопытным взглядом.

— Какая ты смешная, Катюша, — тихо рассмеялась Оболенская. — Это же не фотография, а просто картинка, причем дурного вкуса... Одним словом, он приехал учиться в Московский международный университет

для иностранных студентов. Оказывается (мы об этом ничего и не знали!), у Ниночки еще во время войны родился сын, которого она доверила на время какой-то многодетной итальянской подруге. А дальше вся эта дикая карусель: Соппротивление, плен, убийство при попытке к бегству... Ниночкин ребенок вырос в итальянской семье... Его приемные родители пытались отыскать нас с мамой, но...

Сам Адам... Моего внука зовут Адамом, и это еще одно интересное совпадение... Видишь ли, Катюша, я недавно много дней провела, размышляя о праотце нашем Адаме, даже записи кое-какие сделала... Так вот, Адам — он представился Оболенским, но носит другую фамилию — год назад потерял родителей. Они погибли в авиационной катастрофе. Боже, бедный мальчик! Адам всегда стремился в Россию, она манила его. Это так понятно. Кровь несет в себе мощнейшую информацию. Родители, видимо, были совсем небогаты, но как-то удалось получить гранд на обучение в России. Он приехал, и кто-то в университете надумил его связаться с Дворянским собранием. Я никогда ни с кем там не общалась... но мир тесен, и, к изумлению своему, узнаешь, что все обо всем знают. Ему сказали, что якобы какая то Оболенская работает в театре. И вот... — Елена Николаевна закрыла лицо руками и опять разрыдалась.

Катя сидела напротив, тихо глотая слезы, и теперь уже не пыталась успокоить Оболенскую. Она понимала, что эти рыдания — спасение от стресса, сердечного приступа, любой другой опасной для жизни реакции. Ее кофейные глаза сейчас еще больше напоминали маслянистые зернышки — так влажно блестели они сквозь слегка прикрытые пшеничные реснички.

— Спасибо тебе, милая, — проговорила наконец Елена Николаевна.— Завтра я увижусь с Адамом и непременно расскажу ему о тебе. У меня так стиснуло сердце, когда он позвонил, что, если бы не ты, неизвестно, как бы я дожила до утра.

— Елена Николаевна, дайте слово познакомить меня с Адамом. Я его по театрам повою. Кстати, сколько ему лет?

— Девятнадцать.

— Отлично! Найдем общий язык. Я вас так поздравляю, так поздравляю... Это по справедливости судьба устроила. Теперь вы не одна, и он не один. Класс!

Возбужденная Катя расцеловала Оболенскую, вихрем скрылась за дверью, но через минуту вернулась с виноватой улыбкой:

— Ключи забыла... — и, схватив плюшевого слоненка, вприпрыжку побежала к машине.

Мадам Оболенская, конечно же, не сомкнула глаз... А в девять утра позвонили из больницы, и сочувственный голос сообщил, что актриса Во-

робьева не придет на репетицию: она попала в аварию, но, к счастью, «отделалась» сотрясением мозга и переломом ноги.

Трясущимися руками Елена Николаевна собрала со стола карты, с глубоким вздохом положила сверху колоды ту самую картинку, которую несколько часов назад вертела в руках Катя, и вздрогнула. Ей показалось, что тонкие губы бубнового короля расползлись в ироничной усмешке, и он плутовато подмигнул ей одним глазом...

Театр бурлил и ходил ходуном. Актриса, на которой держится репертуар, выбыла из строя минимум на месяц. Перелом ноги в двух местах и сотрясение мозга — дело нешуточное, тут таблеткой аспирина или дежурством «неотложки» на спектакле не отделаешься. Кстати, тем и другим не отличающаяся богатырским здоровьем Катя Воробьева вынуждена была изредка пользоваться.

«Неотложку», правда, по своей инициативе вызывал влюбленный в нее по уши Севка. Все знали, что у Кати больное сердце, но она обычно скрывала недомогания, и лишь Домовой своим пристрастным обожающим взглядом умел сквозь слой грима увидеть синеватую бледность, проступающую на лице девушки. Во время ее спектаклей, как только выдавалась свободная минутка, Севка вставал в кулисе, и тогда никто не дергал его, не донимал вопросами и просьбами — таким благоговейным и отстраненным становилось его лицо. Он умудрялся непременно выкроить время, чтобы довести до блеска ее роскошную изумрудно-перламутровую «тойоту», припаркованную во дворе театра, привозил домой продукты, встречал и провожал, если Катя отправлялась на съемки в другие города, таскал ее вещи при отъездах на гастроли. Одним словом, служил ей самоабвенно и безоговорочно, но делал это с таким чувством внутреннего достоинства, что ни у кого в театре не поворачивался язык обсуждать его поступки. Впрочем, однажды Катина подруга, хорошенькая инженеру Женя Трембич, взвилась до небес, когда Севка принес Кате в примерку туфли из мастерской.

— Ох, Катерина, наглая же ты баба,— заклокотал праведным гневом Женин осевший голос. — Совсем парня поработила! Он тебе скоро попу подтирать будет.

— Ну и что? — хладнокровно отозвалась Катя, разглядывая починенные туфли.— Если надо будет, то и подотрет. Знаешь, Женька, чем возмущаться, задумайся вот о чем. Нас с детства без устали учат любить. Но никогда никто мне лично — не знаю, как тебе, — не сказал о том, как надо принимать любовь. Чтобы не обидеть, не оскорбить, чтобы человек, отдавая, знал, что все это принимается с благодарностью. Нет, ну как принимать

подарки на день рождения нам, конечно, говорили: книксен, ножкой шаркнуть, высветить благодарную улыбку и так далее. А как принимать дар души? Не упакованный в нарядную бумажку сувенирчик, а то, чему нет цены?! Севка хотел бы положить к моим ногам весь мир, я это знаю... и сходит с ума от того, что на свою символическую зарплату не может купить мне букет роз. Поэтому на то, что в его возможностях, на все его бесконечные, пусть незначительные, но необходимые для него проявления внимания и заботы я с восторгом отзываюсь согласием. Я его обожаю до полусмерти... он это понимает. Понимает и то, что это обожание совсем не такое, которого бы он хотел. Но он мне как-то сказал: «Какой дурак выдумал, что любовь без взаимности — трагедия? Я люблю тебя, и счастлив!» Он — особенный, отдельный... А вы все хотите подогнать его под собственные стереотипы. Короче, отстань и больше на эту тему не возникай!

Теперь, когда взволнованная Алена попросила всех пройти в зал и обсудить ситуацию, на Севку было жалко смотреть. Ему не сиделось, и он, перебравшись на сцену, сновал от портала к portalу, создавая видимость тщательной проверки реквизита. Как единственно движущийся объект, он приковывал к себе десятки глаз, машинально фиксирующих любое его движение... Если бы знали все эти люди, что совсем скоро будут напряженно воспроизводить в памяти каждый шаг мечущегося по сцене Севки, чтобы вспомнить одно, самое главное: как он нагнулся, пристально вглядываясь в коврик, лежавший у дивана, поднял что-то, прищурившись, рассмотрел на свету включенной настольной лампы, пожал недоуменно плечами и, налив в стакан воды из графина, заготовленного для прогона, бросил туда это «что-то», сразу забыв о своей находке и продолжая выполнять десятки других никому не нужных дел.

— Что говорить, ситуация, конечно, непростая, — начала Алена, взяв себя в руки. — Премьера назначена, отменить ее невозможно. У нас — восемь дней. Это очень мало, чтобы равноценно заменить Катю... но, как говорится, надежда умирает последней. Премьерных спектаклей в этом месяце четыре, но помимо них — три «Бесприданницы» и три «Укрощения строптивой». Это сурово. Но безвыходных ситуаций не существует — значит, выход найдется.

— На два из этих шести спектаклей прилетает продюсер из Японии, — напомнила Нина Евгеньевна.

— Так что же, теперь получается, что судьба наших гастролей в Японию будет зависеть от сломанной ноги Воробьевой?

Реплика принадлежала партнеру Кати. Паратов в «Бесприданнице» и Петруччо в «Укрощении строптивой» — смуглый красавец и признанный кино и театром секс-символ Валерий Гладышев вальяжно раскидал свои

длинные руки и ноги в последнем ряду партера. Капризный рот растянулся в ироничной ухмылке в ответ на быстрый неодобрительный взгляд Малышки.

— Между прочим, — возразила Алена, — во всем цивилизованном мире при переговорах о гастролях просто высылаются кассета с записанным спектаклем. Наивно полагать, что только ради этого продюсер примчится в Москву. У него тут есть другие дела, которые совпадают с нашим репертуаром, и это прекрасно. Кто спорит, что смотреть спектакль «живьем» намного выгодней. Поэтому приглашения на спектакль пока не отменяем.

Но Гладышева неожиданно поддержал директор театра — Валентин Глебович Пожарский, за глаза просто Глебыч или «Шкафендра» — огромных размеров и необъятной толщины человек, с вводящей в заблуждение добродушной улыбкой и располагающими манерами барина и сибарита. Перекатывая в пухлых пальцах нераспечатанную сигару, он ласково улыбнулся Алене и заговорил неторопливым задушевым тенорком:

— Я многократно предупреждал о необходимости двух составов на все центральные роли, особенно в тех спектаклях, которые идут как премьерные и пользуются таким успехом, как «Бесприданница» и «Укрощение». Алена, дорогая, вы уже морщите лобик, и я предвижу все ваши возражения. Но бывают ситуации в любом производстве (а театр — специфическое, особенное, но тоже производство, и никуда от этого не денешься), когда нежелательное становится насущным. Дай бог скорейшего выздоровления Катюше — обещаю, что театр немедленно подключит лучших врачей, если возникнет необходимость, — но ввод на ее роли в теперешней ситуации просто необходим. Таких коммерчески выгодных гастролей, как в Японию, нам давно никто не предлагал. Да и потом... Алена Владимировна, в театре без работы много талантливых молодых актрис... На днях уже вывесили распределение «Двенадцатой ночи» Шекспира. Воробьева опять в одном составе, да еще и на две главные роли. Я убежден, что вы придумали чрезвычайно интересное, дерзкое, как всегда, режиссерское решение. Виолу и Себастьяна только средствами кинематографа могла играть одна актриса, и я заранее трепещу перед появлением чего-то грандиозно неожиданного и яркого. Но ... опять тысяча «но»...

— Знаете, Валентин Глебович, — взорвалась вдруг завлит Галя Бурьянова, — ей-богу, странно слушать ваши рассуждения. Вы всю жизнь в театре и вдруг отказываетесь понимать, что такая актриса, как Воробьева, — товар штучный, извините за грубое сравнение. Одна ее пластика... эти ее неправдоподобно длинные руки и ноги, которыми она от природы владеет не так, как все... Да что я про пластику! Ее актерская природа предполагает драматизм такой глубины и непредсказуемости, что даже

у матерых театроведов дух захватывает. Она на сцене существует таким образом, что вспоминаешь невольно слова Достоевского о том, что слишком широк человек, хотелось бы сузить. Он имел в виду человека в жизни, а Екатерина умудряется со сцены транслировать на каком-то подсознательном уровне такую бездонность и непознаваемость души... И ведь такая в ней, смотришь, вроде бы порочность сидит, а то вдруг озаряется светом... до святости...

— Ну, пошла-поехала... — добродушно рассмеялся Пожарский. — Уж эти мне теоретики! Я, Галчонок, против таланта Воробьевой ничего не имею, более того, самый большой ее поклонник. Еще покойному Перегудову всегда советовал обратить на нее внимание — уж больно хороша она была в «Двух кленах», не Баба-Яга, а объединение какое-то... Теперь к насущным делам и поконкретней. Инга Ковалева назначена вторым составом в «Столичной штучке». С этим, думаю, вопрос решен? Что скажете, Алена Владимировна?

Алена задумчиво протерла шейным платочком стекла очков и прогудела низким голосом:

— Будем пробовать. Пока что о полноценной замене речь идти не может.

Головы всех присутствующих, как по команде, выполнили равнение налево, где сидела Инга. Актриса залилась ярким румянцем и, закусив до боли нижнюю губу, низко опустила голову.

— Валентин Глебович, машина свободна? — сменила тему Малышка — Я хочу навестить Катю. Она наотрез отказалась оставаться в больнице, ее под расписку отпустили домой. Световую репетицию пройдете без меня. Через полчаса художница принесет эскизы костюмов для «Двенадцатой ночи» — пусть подождет. Проводите ее в мой кабинет...

Во дворе театра Алену догнал взволнованный Сева.

— Ты хочешь поехать со мной? Без тебя на световой репетиции не обойтись, — предупредила она.

Сева отрицательно мотнул головой. В его всегда блестящих глазах появилось какое-то тоскливое выражение. Он выглядел несчастной собакой, потерявшей своего хозяина.

— Алена Владимировна, сейчас все говорили о том, как заменить Катю в спектаклях, но никому не пришло в голову, что здесь что-то не так...

Алена остановилась, внимательно посмотрела в Севкино потерянное лицо.

— Что ты имеешь в виду, Сева? Что не так?

— Я говорил с ней по телефону. Она сказала, что на выезде из тоннеля к бордюру ее прижал какой-то джип. Катя — замечательный водитель.

Прошла отличную водительскую школу в Штатах, а там движение покруче нашего. Она всегда за рулем предельно сконцентрирована и ездит по правилам.

— Ты считаешь, что кто-то покушался на Катину жизнь? — озадаченно покачала головой Алена.

Севка побледнел еще больше, и ей на миг показалось, что сейчас он лишится чувств. Она обняла его за плечи и слегка встряхнула:

— Во-первых, успокойся. Она — в порядке. Жива и практически здорова.

— Этот джип все время ехал за ней, — стоял на своем Севка. — Возможно, пока это было просто какое-то предупреждение... Но ведь и оно могло стоить ей жизни.

Его волнение внезапно передалось Алене. Она зябко повела плечами, но тут же взяла себя в руки и произнесла:

— Я думаю, все намного проще. Ну, ехал за ней какой-нибудь полуночный болван, к тому же не совсем трезвый. Увидел роскошную блондинку за рулем и решил «подклеиться».

— Елена Николаевна сказала, что Катя была уже без косметики. А без нее она совсем не роскошная, — уныло возразил Севка.

Алена засмеялась, потрепала парня по взлохмаченной голове.

— В темноте этого не видно, только длинные белые волосы. Скорее всего, Катя устала, эмоционально перенапряглась. О чем, кстати, свидетельствует ее ночной приезд в театр. Тем более живет она сейчас в детективном материале: убийства, покушения, подозрения, поиски преступника. Вот по ночам и не спится. Все, дорогой, я понеслась. Купить от тебя Кате цветы? — спросила она и лукаво подмигнула Севке.

— Какая вы все-таки замечательная, Алена Владимировна... — проникновенно начал Севка, но Алена махнула рукой и села в машину. Оглянувшись, увидела одинокую долговязую фигуру посреди двора и снова поежилась. Интуиция любящего сердца чего-то да значит...

Дверь в квартиру Кати Воробьевой открыл рослый, красивый мужчина с серебристой проседью в отливающих синевой черных вьющихся волосах. На вид Алена дала ему лет сорок, но тут же, окинув наметанным взглядом его холеные руки, безупречно облегающий атлетическую фигуру дорогой фирменный костюм и учуяв запах роскошного мужского парфюма, подумала, что, возможно, он старше, но следит за собой безупречно.

Мужчина склонил голову и посторонился, пропуская ее внутрь.

— Здравствуйте. Я догадалась, вы — Стивен, — войдя в переднюю, протянула руку мужчине Алена.

— Здравствуйте. А вы — Алена Владимировна. Наслышан от Кати и по несколько раз видел ваши спектакли. Можете считать меня вашим искренним поклонником.

— Тогда можно просто Алена, — засмеялась Малышка. — Тем более я знаю, как иностранцам даются наши труднопроизносимые отчества. Хотя вы иностранец весьма сомнительный — даже с моим абсолютным слухом не улавливаю ни малейшего акцента.

— Вот именно... сомнительный. Я воспитывался в русскоязычной семье, а из России, можно сказать, не вылезаю. То, что я по паспорту американец, ровным счетом ничего не значит. Выдает только имя, но мои коллеги в клинике называют меня Степа. Стивен, как они определили, по-русски Степан. Проходите, Алена. Катя очень ждала вас, но ей ввели много обезболивающих лекарств, и сейчас она заснула. Будить ее я бы не хотел — ей нужен отдых. Кофе, чай?

— Кофе, и, если можно, покрепче.

Стивен провел Алену в просторную гостиную, со вкусом обставленную старинной мебелью из карельской березы. Пока он возился на кухне, она, с удовольствием погрузившись в мягкое ампирное кресло, внимательно оглядела комнату. Мебель, обтянутая полосатым атласом, была отреставрирована первоклассным краснодеревщиком и выглядела совсем новой. Лучам мягкого осеннего солнца словно доставляло удовольствие выгодно подсвечивать полированную поверхность старинного дерева, шустрými зайчиками прыгать по стеклянным створкам буфета, вызванивая на хрустальных фужерах и рюмках свои беззвучные солнечные мелодии.

Алена погрузилась в странное блаженное оцепенение. Где-то там, за пределами этой огромной светлой квартиры, бушевали страсти, люди ссорились и выясняли отношения, обижались и негодовали, искали выход и впадали в отчаянье, а здесь был тихий, светлый покой. Наверное, она тоже очень устала. Устала от всего. Взяв однажды себе за правило слова Бетховена: «Ради своего искусства жертвуй, жертвуй всегда пустяками житейскими», Алена мужественно преодолевала уйму бытовых трудностей. Пять лет прожив в институтской общаге, она овладела мудростью коммуникативных навыков и научилась говорить жесткое «нет» любым посягательствам на свое время и психологическое пространство. Теперь она перебралась в маленькую двухкомнатную квартиру неподалеку от театра, но хроническая нехватка времени не давала возможности благоустроить новое жилье. Прихожая была забита коробками с книгами, в комнатах уже разобранные книги лежали на полу аккуратными стопками, но никак не получалось купить полки. Петр, поначалу с воодушевлением взявшийся приводить квартиру в порядок, повесил люстры, смонтировал кухонную

стенку... и, пожалуй, все... У него тоже ни на что не хватало времени. Впрочем, Алена не выносила иллюзий и чувствовала, что их отношения стали не такими, как прежде. Она терялась в догадках и не задавала никаких вопросов, до ужаса боясь услышать правду или — еще хуже — спрятанную за словами ложь. По взаимной договоренности они жили порознь — Петр снимал квартиру в арбатских переулках, но ночевать у нее оставался все реже и реже. Вчера позвонил поздно и сказал, что через полчаса приедет, но в его взвинченном тоне Алене почудилась не обычная радость предвкушения встречи, а что-то тягостно-насильственное, точно он делал это только для нее, обреченно шел на поводу у сложившегося стереотипа отношений. Ночью он был, как всегда, безупречно нежен, и Алена должна была бы, обессиленная и счастливая, провалиться в глубокий сон, но ее абсолютный слух вычленил из всей их страстной любовной симфонии несколько фальшивых звуков, услышанных, видимо, и им самим и потому в попытках исправленных. Исправленному верить... Но только не в любви, где любая поправка саднит, как плохо залеченная рана. Заснула она лишь под утро, поэтому, прикидываясь спящей, слышала, как Петр ворочался, ходил курить на кухню — одним словом, что-то его терзало...

Появившийся с подносом Стивен вернул Алену к насущным проблемам.

— Катя позвонила вам из больницы? — спросила она, помогая расстелить белоснежную кружевную салфетку.

— Да. И в пять утра я забрал ее. — Стивен подвинул Алене вазочку с печеньем и налил кофе из изящного белого кофейника.

— Как здесь все у Катюши красиво, — заметила Алена.

— Красиво. Она очень любит свой дом. Это уже много. А когда имеешь хороший вкус и материальные возможности, тогда и получается богато, уютно и комфортно. Простите, я, как всегда, забыл сахар и не спросил, нужны ли сливки.

— Сливки не надо, а сахар — с удовольствием. Я жуткая сладкоежка, — улыбнулась Алена.

— Миниатюрные хорошенькие женщины обычно любят сладкое, — отозвался из кухни Стивен. И, показавшись в дверях гостиной, пояснил: — Это не комплимент, а констатация факта, хотя вы располагаете к тому, чтобы говорить комплименты. Пока Катя спит, я могу заливаться соловьем, а в ее присутствии — замолкаю. Она крайне строго следит за моим нравственным обликом, потому что очень дружна с моей женой.

— Как удачно сложилось, что вы оказались в Москве. И раз вы забрали ее из больницы, значит, ей действительно можно лечиться в домашних условиях. Это так?

— Не совсем. Под постоянным присмотром врачей было бы, безусловно, разумней. Но... она наотрез отказалась. Дома ей спокойно, а сотрясение мозга лечится абсолютным покоем. Лежать, лежать и лежать. К ней каждый день будет приходить медсестра — я договорился в своей клинике. И подруга пока поживет. А главное, Катюша не хочет волновать родителей, поэтому, как обычно, продолжит разговаривать с ними по телефону. Это каждодневный ритуал. От родителей решено происшествие скрыть. Я давно дружу с этой семьей и знаю, что начнется в их доме, если они узнают, что Катя попала в аварию. Они не поверят ни одному слову и сразу примчатся, чтобы увидеть все своими глазами. А путь не близкий, и здоровье у обоих оставляет желать лучшего.

— Как вы считаете, это надолго? — с глубоким вздохом спросила Алена. — У нас без нее в театре все летит кувырком.

— Надолго ли? — Стивен задумался. — Я хоть и не невропатолог, а хирург, к тому же совсем в другой области, но, тем не менее, могу сказать определенно, что сотрясение средней тяжести лечится три недели абсолютным покоем. Что касается ноги... там двойной перелом лодыжки и голени. Это месяц. Но опять же это прогнозы на среднестатистического больного. У творческих индивидуальностей все по-своему и непредсказуемо. Контрольный рентген назначен через неделю.

— Понятно, — протяжно прогудела Малышка. — Ах, как все это некстати.

— Болезнь и травмы никогда не бывают кстати, — усмехнулся Стивен. — Еще, слава богу, легко отделалась.

— Это да! — Перед мысленным взором Алены всплыли тоскливые глаза Севки, и она осторожно спросила: — Скажите, Стивен, Катя никогда не говорила вам о том, что...ну... не делилась ли она с вами своими страхами... возможно, ей казалось, что за ней кто-то следит, преследует...

— Относительно преследований знаю точно, что оно регулярно осуществляется молодым человеком по имени Сева, — рассмеялся Стивен. — Удивительно обаятельный парень! Но на меня смотрит зверем — я его боюсь. Он собой пытается вытеснить все и всех, кто вокруг Кати.

— Кстати, именно он и насторожился в первую очередь, — отхлебнув горячий душистый кофе, заметила Алена.

С лица Стивена мгновенно исчезла ослепительная улыбка, он сразу стал старше, и она буквально кожей почувствовала мощную внутреннюю силу, которой обладал этот человек.

— Простите, а в какой области вы работаете? — поинтересовалась Малышка.

— В той, что вам долго еще не понадобится. Я — пластический хирург. Помогаю людям стать красивее и моложе. Хотя сам, как ни парадоксально,

считаю, что в любом человеке и любом возрасте есть та гармония и красота, которую нельзя корректировать, тем более грубым хирургическим вмешательством. Возможно, я пришел к этому выводу не сразу. С опытом.

— То есть вам пациент до операции нравится больше, чем после нее, так, что ли?

— Ну, если в общих чертах, то так. А если развивать эту тему, то всплывет целая философия. К примеру, возраст женщины всегда выдают глаза — их выражение, вобравшее опыт целой жизни, нельзя поменять хирургическим методом. И слава богу. То, что дано свыше, имеет смысл принимать как дар, а не бежать от себя, как черт от ладана... К примеру, моя жена старше меня на пятнадцать лет. Старшему сыну — двадцать пять. Их всегда принимают за любовную пару. Ее глаза, глаза Джой, вводят в заблуждение: все морщинки на месте (никогда не было речи о том, что она воспользуется услугами моей клиники), а весь ее необыкновенный внутренний мир — в ярких, лучистых, радостных глазах. Напрашивается вывод: позитивный стереотип мышления способен изнутри производить омолаживающий эффект.

— Она тоже хирург, ваша жена?

— Нет, Джой — психолог. Она много работала с Катей. Катюша всегда остро переживала свою актерскую не востребованность, и Джой сумела убедить ее в том, что мысли всегда формируют ситуацию и меняют качество жизни, что в возможностях человека влиять на свое будущее... — Стивен оборвал себя, прислушался: — По-моему, Катя... Простите, я сейчас.

Алена тоже прислушалась, но в квартире по-прежнему царила полная тишина. Внезапно она ощутила досаду, вспомнив о круглосуточном шуме Садового кольца в своей неустроенной квартирке, и подумала, что так будет всегда — стеклопакеты для нее слишком дорогое удовольствие.

Стивен появился так тихо, что она вздрогнула, а потом спросила:

— Ну что? Как Катя?

— Во сне, наверное, вскрикнула. Налить вам еще кофе?

— Спасибо, мне нужно вернуться в театр. — Алена тяжело вздохнула и решительно поднялась. — Хоть и не удалось повидать Катю, зато теперь я спокойна, что она находится в надежных руках и сроки ее выздоровления в общих чертах ясны. Передайте Катюше самый нежный привет, скажите, что уже готов макет и эскизы костюмов для «Двенадцатой ночи». Ее ждет интересная и трудная работа.

Стивен понимающе кивнул:

— Она говорила, что вы придумали такое решение, когда Виолу и Себастьяна играет одна актриса, то есть Катя. Насколько я помню пьесу, они

там встречаются... Это должно быть необычно и неожиданно. Мечтаю оказаться на премьере.

— Это будет нескоро. А вот на юбилей театра непременно пришлю официальное приглашение.

— И когда?

— Через две недели, — ответила Алена и внезапно поморщилась.— Ох, только что было собрание в театре, и у всех вылетело из головы, что помимо спектаклей Катя занята в юбилейном капустнике, и там ее заметить будет совсем непросто...

И вновь крепкое бережное рукопожатие Стивена.

— Знаете, я отдохнула с вами, — невольно вырвалось у Алены.

— Всегда к вашим услугам, — с мягкой улыбкой ответил он.

Уже выходя из подъезда, Алена вспомнила, что забыла в машине розы, купленные для Кати.

— Не мог букет поднять, — недовольно пробурчала она водителю, сладко дремавшему на переднем сиденье.

— Так я ж не был уверен, кому эти цветы, — виновато отозвался толстый, флегматичный Миша. — Может, еще куда поедем.

Алена схватила букет и быстро забежала в подъезд.

На ее звонок дверь долго не открывали. Наконец послышались шаги, и перед ней вновь предстал Стивен. Видно, ее возвращения не ждали. Сейчас перед Аленой стоял совсем другой человек. Злое, капризное выражение изменило до неузнаваемости его лицо. Она вздрогнула и инстинктивно сделала шаг назад.

Свою оплошность американец исправил мгновенно. Добродушная ослепительная улыбка далась ему одним движением мускулов.

— Цветы мне? — неуклюже пошутил он с галантным полупоклоном.

— Цветы... Цветы передайте Кате от того самого Севки, которого вы боитесь.

В замешательстве Алена повернулась к стоящему на этаже лифту и вдруг услышала приглушенные рыдания, доносившиеся из открытой двери.

— Катя?! — в два прыжка она очутилась у порога квартиры.

Стивен перекрывал дверной проем своим большим сильным телом и чуть насмешливо смотрел сверху вниз на напрягившуюся Алену.

— Конечно же, не Катя. Она спит. В квартире наверху вчера были похороны. Вдова, совсем еще молодая женщина, безутешна. Я с утра уже оказывал ей помощь. Это же современный дом — слышимость или, как говорят в театре, акустика превосходит все ожидания. — Стивен осуждающе покачал головой и прибавил: — Жду обещанного приглашения на юбилей.

— Нервы, нервы, нервы... — бормотала себе под нос Алена, спускаясь в лифте. — Немедленно брать себя в руки! Только что объясняла Севке, что, когда работаешь в детективном материале, вечно что-нибудь подозрительное мерещится...

В театре Алену поджидал очередной сюрприз. Около служебного входа стояла «неотложка», и рядом на скамейке устроили перекур монтировщики во главе с заведующим постановочной частью Золотухиным. Увидев Алену, они вскочили на ноги и, переглядываясь, с трудом сдерживали смех. У Алены сразу отлегло от сердца, и она быстро спросила, обращаясь к Золотухину:

— Николай Петрович, к кому «неотложка»?

Коренастый неторопливый дядя Коля поправил заложенную за ухо сигарету и хмыкнул:

— Секс-символ Гладышев в глаз заработал!

— Севка? — моментально среагировала Алена.

Монтировщики дружно заржали. Дядя Коля усмехнулся и, с нежностью глядя на Малышку, успокоил:

— Да не волнуйся ты так, Алена Владимировна. Никакой не Севка. Женя Трембич так ему врезала, что сейчас у него вместо глаза какой-то экзотический плод.

— И все же раз понадобилась «неотложка», значит, там что-то серьезное?

— Ну да, как же, — иронично протянул один из монтировщиков Митя Травкин. — Ему ведь главное вокруг своей персоны скандал организовать. Странно, что он еще фотографа не вызвал, чтобы тиснуть на обложку журнала свою израненную физиономию. С очередной легендой, как актер, отказавшись от дублера, получил увечье в сложном каскадерском трюке... А от врачей ему нужно медицинское заключение. Во-первых, вид теперь не «товарный», а у него съемки, а во-вторых, грозитя Женьку под суд отдать.

Алена не спешила входить в театр. Она испытывала огромную симпатию к бригаде рабочих сцены. Все пятеро были молодые ребята, интеллигентные, тонкие, умные. Трое из них заочно учились на постановочном факультете, а ее любимец, белобрысый Митя Травкин поступил в этом году во ВГИК на режиссерский. Когда от усталости и напряжения на репетициях у Алены заходил «ум за разум», она советовалась с Митей, и вдвоем они всегда отвоевывали у своей сложной профессии шаг вперед. — Так из-за чего весь сыр-бор разгорелся?

Самый младший из монтировщиков, Федор Бритиков, потрясая поднятой рукой, попросил:

— Я расскажу, ладно? — И, получив согласие окружающих, придвинулся поближе к Алене. — Вы когда уехали, Алена Владимировна, Гладышев совсем распоясался — стал нести всякую ахинею про Воробьеву, якобы она купила свою незаменимость, что на самом деле она как партнер на сцене оставляет желать лучшего, а как женщина вообще не может волновать, никакой, мол, сексуальности. Тут вскочила Женя Трембич и закричала, что, естественно, его она волновать не может, потому что он совсем другой сексуальной ориентации, и чтобы он вообще немедленно заткнулся и отправлялся к своей «подруге» Васе, который уже изнывает от безделья на служебном входе. Тут Гладышев схватил Женьку за волосы и стал орать, чтобы она сейчас же извинилась, и что она сама в окружении Воробьевой потому, что та ее «гуляет» по заграницам и покупает ей шмотки в дорогих магазинах. Тут Трембич выскользнула из рук Гладышева, причем оставив добрую половину своего роскошного хвоста в его руках, и дала ему кулаком в глаз. Он взревел как бешеный, но тут уж мы кинулись его держать, иначе Женьке была бы хана... Глаз его сразу залился кровью и начал распухать. Гладышев визжал как резаный и требовал вызвать полицию и «неотложку». Ковалева тотчас побежала звонить. Не знаю, сообщила ли она в полицию, но врачи его сейчас осматривают.

— Ясненько... Свет, конечно, не успели проверить?

— Обижаете, Алена Владимировна, — откликнулся дядя Коля. — Хотя, если бы не Севка, то вряд ли успели бы... Он на нервной почве так активизировался, что электрики только стонали. Все прошли, кроме финала. Но вы сами говорили, что там свет будет другой.

— Молодцы! Спасибо. А где сейчас Женя?

— Рыдает у себя в гримерной. А Гладышев с врачом — в кабинете Ковалевой, — с готовностью доложил Федор. — И еще вас ждет художница по костюмам.

Алена перевела дух и с непоколебимым выражением лица решительной походкой вошла в здание театра.

Уже в коридоре ее окружили взволнованные сотрудники, заговорили вразнобой, но она коротко ответила всем сразу:

— Я в курсе. Всем цехам приготовиться к монтировочной репетиции. Актеров пока не отпускать. Ингу Ковалеву, пожалуйста, попросите пройти на сцену.

Затем поискала взглядом в группе людей Севу и кивком головы попросила его подойти.

— Я сейчас не хочу отвлекаться на посторонние разговоры, Сева, — тихо заговорила Алена, вместе с ним следуя в зрительный зал, — но, так как памяти ни на что не хватает, чтобы не забыть, прошу тебя сделать

одно дело. Ты должен узнать кое-что... Были ли вчера в квартире, которая прямо над Катей, похороны.

Домовой в недоумении уставился на Алену, не задавая никаких вопросов, но при этом ничего не понимая. Потом согласно затряс головой и шепотом произнес:

— Сегодня же спрошу у Кати.

— Ты плохо слушаешь! — недовольно сдвинула брови Алена. — Кате ничего говорить не надо. — И прибавила тихо: — Ради ее же безопасности... Все, Сева, развивать эту тему некогда.

Несколькими часами позже в театре появился Петр Сиволапов и, стараясь оставаться незамеченным, уселся в последнем ряду погруженного в полумрак зала. На сцене находились две актрисы: Инга Ковалева и Женя Трембич. Лица обеих девушек показались Петру заплаканными. Он удивился этому обстоятельству, припоминая, где по ходу пьесы существует повод для слез. О том, что стряслось с Воробьевой, ему поведала встреченная по пути в театр мадам Оболенская. Она брела по бульвару, вцепившись в высокого молодого человека так, точно боялась, что он испарится, словно мираж. Столкнувшись с Петром, Елена Николаевна воскликнула:

— Боже праведный, Петр Алексеевич, а я вас сразу и не узнала! — Ее голос был влажным от счастья, а глаза сияли, как два пылающих факела. — Разрешите представить вам моего внука Адама.

От пристального взгляда Сиволапова не ускользнуло легкое замешательство, промелькнувшее в глазах молодого человека. Петр сразу мысленно передел его в костюм прошлого века — таким старомодным изяществом веяло от облика юноши. Он был высок и строен, во всем угадывалась какая-то нервная подвижность — в быстром испытующем взгляде бледно-голубых глаз, сильно увеличенных толстыми стеклами очков, в судорожных движениях нежной гибкой шеи, когда он привычно отбрасывал назад длинные, пшеничного цвета волосы, в ломаных импульсивных метаниях затянутых в лайковые перчатки пальцев.

— Рад познакомиться, — с заметным акцентом произнес молодой человек, и Петр отметил чарующее обаяние его голоса, живущего по своим собственным законам музыкальности.

Мадам Оболенская, точно вынырнувшая из нирваны, взволнованно сообщила все события прошедшей ночи, и Сиволапов заторопился в театр. Откланялся и сказал вспыхнувшей от его слов Елене Николаевне:

— Очень славный мальчик, ваш внук.

Следуя по привычному маршруту в театр, он с удивлением обнаружил, что досадует на себя за то, что недостаточно пообщался с молодым чело-

веком, по непонятной причине так мощно завладевшим его мыслями. Было такое впечатление, что он чего-то недоглядел в этом юноше, чего-то недопрочувствовал... Впрочем, это естественно при таком стремительном знакомстве. А так как природе Петра было чуждо долго истязать себя непонятными ощущениями, то он пришел к выводу, что внук Оболенской — персонаж, и это обстоятельство сильно давит на воображение драматурга...

Микрофон на режиссерском столике Алены разразился гневной тирадой в адрес пошивочного цеха.

— Откуда берутся соображения, что, если пьеса не костюмная, если в ней живут современные люди, можно до самой премьеры перебиваться личным гардеробчиком, ну, на худой конец, позаимствовать необходимые детали из подбора? Я уже неоднократно говорила, что для данного спектакля форма — на первом месте. На первом месте для цехов! Остальное — мое дело. Короче, о безобразной работе пошивочного цеха придется говорить отдельно. И, честно говоря, я уже в отчаянии от перспективы работы над «Двенадцатой ночью». Там костюмы невероятной сложности...

По взвинченности Алениной речи Петр вычислил, что дело, конечно, не в пошивочном цехе. Раздражитель в другом... И он уже догадывался, в чем именно. Дождавшись перерыва, Сиволапов подсел к Алене.

— Все знаешь?— коротко спросила она.

Петр кивнул.

Они помолчали, потом Алена заговорила шепотом:

— Понимаешь, Инга не может это играть... Не говоря уже про другие воробьевские роли...

— Почему?

— Потому что она не актриса, Петр! Актриса — самая загадочная профессия на свете. Ну почему красивая, обаятельная, даже обольстительная в жизни Инга Ковалева, стоит ей оказаться по ту сторону рамп, теряет и обаяние, и прельстительность, и привлекательность? У нее даже отрицательного обаяния нет... с которым можно было бы еще что-то пробовать в твоей пьесе... И почему некрасивая, долговязая, неуклюжая Катя Воробьева, преодолевая этот загадочный, мистический, я бы сказала, порог рамп, становится божественно привлекательной и сексуальной? Из бесцветной «моли», как она сама себя называет, превращается в яркую женщину-вамп. Что это? Не знаю. Никто не знает... То, что от Бога, — не поддается раскодированию.

— погоди, Алена, дай собраться с мыслями, — проговорил ошарашенный Сиволапов.— Я что-то не совсем врубаюсь. Если у Инги нет положительного обаяния, то почему же и отрицательного нет? А какое есть?

— Господи, Петька, ты как с луны свалился! Никакого нет! В ее природе нет предпосылок для того, чтобы быть актрисой. Я прекрасно к ней отношусь, и мне жаль, что ей с детства задурили голову, внушая, будто ее ждет необыкновенная актерская судьба. Ни у кого, и в первую очередь у мамы, не нашлось мужества сказать девочке... что не надо ей заниматься этим неблагодарным делом. Хорош довод: она с пеленок на сцене этого театра! Да все дети очаровательны, каждый по-своему! Теперь что касается отрицательного обаяния. В мире есть сотни, тысячи великих актеров с отрицательным обаянием. Отрицательное обаяние — такой же допуск в профессию...

— Ну, хорошо, — вдруг грубо оборвал ее Петр. — И что ты собираешься делать?

Алена какое-то время удивленно изучала лицо Сиволапова, точно увидела его впервые, потом прогудела низко и жестко, как пчела, решившая ужалить:

— Я нашла выход, и, если даже тебе это придется не по вкусу, применишь как состоявшийся факт. Два часа назад я позвонила в таллинский театр и связалась с Энекен Прайс. Как тебе известно, у них премьера твоей пьесы состоится через месяц, но Энекен уже три месяца в материале, они давно перешли из репетиционного зала на сцену, а какая она актриса, не мне тебе рассказывать! Томас, главный режиссер, отнесся к нашей проблеме с большим пониманием и отпускает Энку на неделю. Тебе от нее пламенный привет, говорит, что наш дипломный спектакль ей до сих пор снится...

— В кошмарах, — мрачно закончил фразу Сиволапов.

На сцене появился Севка и, с разбегу спрыгнув в зал, через секунду оказался перед режиссерским столиком.

— Катастрофа, Алена Владимировна! Маша не выключила трансляцию, и все, что вы сейчас говорили, было слышно в гримерках. У Инги началась истерика, и она как полоумная вылетела из театра.

— Ну и что? — хладнокровно отозвалась Малышка. — Ничего нового для себя она не услышала. Я беседовала с ней сегодня.

— Ты соображаешь, что говоришь! Теперь это стало достоянием всего театра! — Смуглое лицо Сиволапова исказилось такой ненавистью, гневом и болью, и все эти эмоции, которыми он не умел сейчас управлять, так однозначно свидетельствовали о том, какие чувства он испытывал к Инге, что бедный Севка готов был провалиться сквозь землю. Однако непредсказуемая Алена расценила это по-своему:

— Отлично! Вот в таком состоянии праведного гнева ты крайне убедителен. Найди Ингу и помоги ей прийти в себя.

Сиволапов рванул из зала на предельной скорости, а Алена, откинувшись на спинку стула, протерла очки и устало спросила Севку:

— Трансляцию отключил? — Получив положительный ответ, она шепотом поинтересовалась: — Ну как? Узнал?

Севка не успел открыть рта, как в зал влетела заведующая труппой, бывшая актриса театра Лидия Михайловна Синельникова. Всегда сильно накрашенная, с длинными яркими ногтями и волосами цвета синьки, за что и сподобилась прозвища «Мальвина», она отличалась не только высочайшим профессионализмом в своей сложной, нервной, требующей особого дипломатического дара должности, но также была большой искусницей в плетении изощреннейшего рисунка кружев интриг и сплетен. В ней непостижимым образом сочеталось искреннее желание служить интересам театра и с непреодолимой потребностью умело сталкивать актерские амбиции, ловко подставляя под удар невинного и всегда выходя сухой из воды. Если Перегудов терпел и прощал своей старой сотруднице ее так называемые слабости, то Алене эти игры были отвратительны.

— Вы отвлекаете творческих людей от их прямых обязанностей: играть, репетировать, улучшать качество своей жизни в театре, — жестко сказала ей как-то Алена, когда одна из актрис пожаловалась, что ей чуть ли не устроили бойкот из-за того, что она взяла бюллетень, и вместо нее на детских утренниках выкручивались другие, тогда как ее якобы видели в роли Снегурочки на детских елках в каком-то дворце культуры. Актриса на самом деле была больна, ни в каких елках не участвовала и остро переживала происходящее. Алена, к всеобщему изумлению, собственноручно докопалась до того, откуда ветер дует, и устроила Мальвине выволочку, да еще при свидетелях. Синельникова возненавидела ее, но, понимая, что перед ней мощный противник, на время затаилась, одновременно оттачивая и шлифуя свое мастерство в другом столичном театре, только что рожденном, куда ее пригласили поработать по совместительству и передать начинающей зав. труппой свой могучий опыт. Сегодня, после того как встал вопрос о замене Воробьевой, а весь театр собственными ушами убедился, что Ингу Ковалеву совсем сбрасывают со счетов, Мальвина ощутила сильное возбуждение и знакомое покалывание в области солнечного сплетения... А когда после перевязки и обследования к ней заявился Гладышев с сообщением, что помимо травмы глаза у него лопнула барабанная перепонка, и он не слышит одним ухом, тут возбуждение Лидии Михайловны перешло вообще в экстатическое состояние.

— Алена Владимировна, кем будем заменять Гладышева в «Сирано»? — обратилась она к Алене.

— Почему заменять? — удивилась та. — Есть полноценный второй состав. Они с Савченко играют Кристиана в прямую очередь.

— Вы же отпустили Савченко на съемки в Сочи!

Севка в ужасе схватился за голову и уставился на главного режиссера, чтобы немедленно куда-то бежать, что-то делать, — одним словом, рыть землю, только чтобы спектакль этот состоялся.

Но Алена рассудила иначе. Искося бросив мимолетный взгляд на Синельникову, она уловила злорадное торжество, поселившееся затаенно в толстых морщинах вдоль плотно сжатого рта Мальвины, и, прерывисто вздохнув, мысленно пробежала список возможных кандидатур на эту должность — нельзя допускать, чтобы над хрупкими, ранимыми актерскими душами витало это темное существо, полное недоброжелательства и злобы. Так подумала Алена, а вслух спокойно сказала:

— Лидия Михайловна, пожалуйста, объявите замену «Сирано» на «Двое на качелях». Владислав и Маша в театре, я еще никого не отпускала. Они, кстати, только вчера жаловались, что спектакль редко идет, а пьеса на двоих требует более частой проверки на зрителе.

В глазах Синельниковой на мгновение вспыхнули и тут же погасли волевым усилием потушенные искры бесовской неукротимой ярости. И это не укрылось от Алены.

«Прямо, как у Панночки из "Майской ночи" — прикидывается благопристойной тихоней, а из глаз молнии вселенского зла рассыпают свои колючие брызги...»

— Побежал готовить реквизит! — вернул главного режиссера к реальности радостный вопль Домового.

— Лидия Михайловна, позовите ко мне Гладышева, — попросила Алена.

— Здесь я, — отозвался из зала недовольный голос раненого секс-символа.

Она оглянулась, увидела в полумраке зала обмотанную бинтами голову актера и, подойдя, присела к полулежащему в кресле Гладышеву:

— Это что, обязательно надо было так тебя перебинтовывать?

— Обязательно — не обязательно, а мне завтра сниматься... Пусть уж видят, что я совсем вышел из игры, — чуть слышно пробурчал Валерий.

— Надеюсь, все быстро заживет. — Алена сочувственно положила руку на плечо Гладышева.

— Ну, конечно... Если в глазу не начнется отслоение сетчатки. — Сам Гладышев понятия не имел, что это такое, он лишь повторял сейчас то, что, нагнетая в нем панику, вложила ему в сознание Синельникова. — Вот потеряю зрение, тогда уж Трембич точно всю жизнь будет на мое здоровье работать! Паскуда! Жаль, что полиция так и не приехала, я бы эту дрянь точно сдал!

— Ладно, Валера, с Трембич я разберусь, — миролюбиво пообещала Малышка.

— Не думаю.

— Что ты не думаешь?

— Что разборка будет суровой. Она же закадычная подружка вашей обожаемой Воробьевой! Вы, Алена Владимировна, отнюдь не дипломат. К некоторым откровенно пристрастны, а кое-кому от вас никакого житья... Извините, возможно, я излишне резок, но если бы вы не распустили таких, как Трембич, может быть, сегодня и спектакль отменять не пришлось бы. Я забыл вам сказать, что от удара этой идиотки у меня лопнула барабанная перепонка, и теперь, помимо того, что я ничего не слышу этим ухом, в голове постоянно шум водопада. Это не способствует хорошему настроению. — Гладышев вскочил на ноги и истерично заорал: — Гнида поганая! Лучше не показывайся на глаза! Допрыгаешься — пришьют в темном переулке, и не пикнешь!

Слова эти относились к Жене, которая появилась на неосвещенной авансцене.

— Так... — Алена резко поднялась, пытаясь удержать разъяренного Гладышева. — Эту сцену вы сегодня, по-моему, уже сыграли. Хотите на «бис»? Аплодисментов не будет! Валерка, выбирай слова! Ты же мужчина!

— Кто мужчина? — не задержалось за Трембич. — Ой, не смешите, Алена Владимировна!

— И ты помолчи! Замолчали оба!

Низкий голос Алены пророкотал предвестьем страшной грозы, и оба затихли, подчинившись не человеку, желающему ликвидировать конфликт, а их признанному творческому лидеру.

— Передай Лидии Михайловне, что я просила дать машину и отвезти тебя домой. Отдохни, полежи... подумай. Вечером я позвоню. Договорились?

Гладышев молча кивнул и, покидая зал, продемонстрировал Трембич из-за спины огромный, плотно сжатый кулак.

— Иди сюда, Женя, — вздохнула Алена, возвращаясь за режиссерский столик.

Трембич опасливо покосилась на микрофон и, округлив и без того огромные глаза, прошептала:

— Они специально микрофон не выключили. Я видела, как около пульта Мальвина крутила задницей. Маша уходила кофе пить, когда вы с Петром Алексеевичем разговаривали... Я думала, говорить вам или не надо... Вам и так трудно...

— Будем считать, что ничего нового ты мне не сказала, — бодрым голосом ответила Алена. — ... И я тебе не скажу ничего нового, если устрою выволочку за оскорбления, нанесенные Гладышеву. И все же... Выбор сексуального партнера — это неотъемлемое его право, тыкать в нос тем

обстоятельством, что у него не так, как у всех, — недостойно и унижительно, в первую очередь, для тебя. И вот за это было бы нелишним попросить у Валерки прощения.

Трембич наморщила хорошенький носик, осторожно коснулась роскошных пушистых волос:

— Вообще-то, он тоже мог бы извиниться... До головы больно дотронуться. Я что, свои волосы холю и лелею для того, чтобы какая-то скотина своей граблей выдрала с корнем половину?! И потом, что он нес про Катю...

— «Холю и лелею»... Надо же откуда-то слова такие вытащить, — улынулась Алена. И тут же стала серьезной.— Я позвала тебя, чтобы спросить вот о чем... Катя никогда не говорила тебе, что она кого-то или чего-то боится? Не казалось ли ей в последнее время, что за ней кто-то следит, может быть, преследует?

Женя какое-то время ошарашено смотрела на Алену своими громадными серыми глазами, потом шепотом выдохнула:

— Ну да, да, конечно же, говорила. Только... я совсем не придавала этому значения...

— Ну? — нетерпеливо и тоже полушепотом спросила Алена.

— Ее замучили какие-то непонятные телефонные звонки. Катька вообще спит не очень-то, а тут только заснет, как вдруг среди ночи звонок. Она всегда пугается: вдруг что-то с родителями. Хватает трубку, а там кто-то дышит и молчит. В последнее время Катька стала отключать телефон на ночь. Вроде бы теперь все нормально. А несколько дней назад ей на капот машины положили мертвого окровавленного голубя, и одно крыло было зажато дворником, чтобы он не свалился. Катька таких вещей боится панически, я сама этого голубя выкидывала. А потом несколько раз — и около театра, и возле подъезда дома — ей под дворник подсовывали голубиные перья. И всегда со следами крови.

— Ужас какой! И подлость! — Алена зябко повела плечами и, взглянув на часы, спросила: — Еще что-нибудь Катя рассказывала?

— Да вроде бы все... Хотя... У нее в квартире убирается тетя Люба — она всю жизнь у них убирается, еще когда родители здесь жили, к ним ходила. У нее свои ключи от квартиры, чтобы от Кати не зависеть... Мы были на даче, и она сообщила Катьке по телефону, что принесли какую-то бандероль. Катька про нее сразу же забыла, а когда мы вернулись, перепуганная тетя Люба позвонила мне, сказала, что ей показалось странным, что бандероль принесли домой — обычно за ними на почту надо идти по извещению. И тип, который передавал, тоже не понравился. И она еще до нашего возвращения с дачи эту бандероль вскрыла. А там — свежесвыструганный маленький гробик, а на крышке приделана розочка с голубиным пером...

— Бред какой-то! — нервно засмеялась Алена. — Абсолютный бред! Насмотрелись, идиоты, бездарных триллеров и давят девчонке на воображение всей этой беспардонной безвкусицей.

— Так если бы со вкусом, было бы еще страшней, Алена Владимировна, — возразила Женя.

— Катя эту бандероль видела?

— Нет. Тетя Люба сказала ей, что произошла ошибка, бандероль якобы пришла соседям, и просто перепутали дверь.

— Кстати, насчет соседей. Ты не знаешь, кто живет над Катей?

— Не знаю. А... почему вы об этом спрашиваете?

— Пока сама не знаю, почему, — тихо ответила Алена. — Еще один вопрос, Женя, и пойдём заниматься делами. Ты хорошо знакома со Стивеном?

Лицо Жени вспыхнуло и залилось ярким румянцем. Она низко опустила голову, чтобы скрыть свою реакцию. Алена тут же пришла девушке на помощь: рассыпала по столу испещренные страницы текста пьесы, а несколько листков даже «спилотировали» на пол.

— Ну вот, по народным театральным приметам, теперь еще посидеть придется на этом творении, — гудела Малышка, сползая вниз и усаживаясь на раскиданные страницы пьесы. — Не то, как говорят мудрые аборигены, успеха спектаклю не видать.

Пока она манипулировала с текстом пьесы, Женя вполне справилась с волнением и, как ни в чем не бывало, ответила, чуть улыбаясь:

— Он в общем-то знакомый Катиных родителей... Здесь, в Москве, консультирует в Центре пластической хирургии. Ну, конечно, не только консультирует — иногда сам делает наиболее сложные операции. Меня все время уговаривает сделать операцию, как он выражается, «ушки прилепить к макушке». Он, конечно, шутит...но какова наблюдательность! У меня всегда волосы закрывают уши и даже щеки, так он умудрился рассмотреть, что я слегка лопухая. Впрочем, я не совсем отвечаю на ваш вопрос. Стивена я иногда встречаю у Кати. Вот и все.

«Ну да, вот и все, — думала Алена, делая вид, что занята своими бумагами. — Он в ее глазах безупречный мужчина, эдакий супермен. А что? Не далее как несколько часов назад сама плавилась под его волнующим взглядом».

Она коротко вздохнула и предложила:

— Пойдем ко мне в кабинет — посмотришь эскизы костюмов к «Двенадцатой ночи». Для твоей Оливии художница такого напридумывала! И, между прочим, с Гладышевым поскорее восстанавливай отношения. Работать в конфликте очень трудно. А он, как ты знаешь, Орсино.

Пока восхищенная Женя Трембич ахала над эскизами, в кабинет Алены просочился Сева и полным таинственности голосом сообщил:

— Вчера в той квартире были похороны...

... — Наш род очень древний, солнышко мое. Много было воистину святых людей...мучеников. — Елена Николаевна, подперев рукой щеку, с обожанием смотрела на Адама, который, прихлебывая свежесваренный чай, внимательно слушал то, что рассказывала его двоюродная бабушка. — Князя Оболенские происходят от потомка князя Рюрика — великого князя Черниговского Михаила Всеволодовича. Он принял мученическую смерть в Орде, в ставке хана Батыя в 1246 году за отказ выполнить языческие обряды монголов. Позже князь был причтен Русской православной церковью к лику святых. От его младшего сына Юрия, князя Тарусского и Оболенского, появился на свет князь Константин Юрьевич, унаследовавший после отца город Оболенск. Сам он уже при жизни именовался князем Оболенским и передал это прозвание в виде фамилии своим потомкам.

Адам с аппетитом откусил пирожное и спросил:

— Нам сейчас по истории России про декабристов читают. Наши предки тоже были среди декабристов?

Елена Николаевна вытянула из стопки лежащих перед ней книг одну, полистала и протянула Адаму:

— Эта книжка издана в Париже, еще до войны. Жаль, что ты не читаешь по-французски. Вот видишь фотографию этого человека? Князь Евгений Петрович Оболенский, поручик лейб-гвардии Финляндского полка. Он был деятельным членом «Союза благоденствия» и Северного общества, принимал активное участие в восстании декабристов, за что был лишен всех прав состояния, провел долгие годы на каторге, затем на поселении и смог вернуться из ссылки лишь после амнистии 1856 года. Так что ты вполне можешь завтра рассказать студентам и вашему историку о своем предке.

— Они не поверят.— Голос Адама прозвучал так подавленно, что Елена Николаевна с тревогой взглянула на внука:

— А ... какие, собственно, у них основания тебе не верить?

— Я — бедный. А у нас, как назло, собрались в группе ребята из очень богатых семей. Для них фамилия русского дворянина — пустой звук... Важно состояние родителей.

— Какие глупости! — сердито воскликнула мадам Оболенская.— И, пожалуйста, даже не расстраивайся по этому поводу. Я должна тебе сказать, что среди князей Оболенских и членов их семей было немало лиц, занимавших достаточно скромное место в обществе... Между прочим, именно поэтому было решено создать «Семейный союз рода князей Обо-

ленских». Вот, кстати, из этой же книжки, послушай. Союз этот учреждался «с целью объединения всех членов сего рода, для поддержания в них сознания семейной связи и истекающих из этого сознания обязанностей, для оказания нравственной опоры и денежного вспомоществования членам рода, оказавшимся в трудном материальном положении... а также для охраны чести и достоинства рода».

— А теперь он существует, этот союз?

— Ох, солнышко, это было очень давно. В 1913 году. Но не прошло и года, как нормальная деятельность этой организации была нарушена. Разразилась Первая мировая война, многие князья Оболенские встали в ряды действующей армии и погибли, выполняя свой долг перед Родиной. Не остались в стороне и княжны Оболенские: Дарья Леонидовна и Зоя Алексеевна были сестрами милосердия. Княжну Зою Алексеевну за исключительное мужество наградили Георгиевской медалью и Георгиевским крестом 4-й степени.

После поражения белого движения князей Оболенских судьба раскидала по всему свету... Но Господь милостив! Он соединил нас, и разве это не чудо?! Мы всегда должны помнить о своих корнях, мой дорогой. Это придает силы. Знаешь, в эмиграции очень многие из нашего знаменитого рода оказались без средств к существованию, приходилось браться за любую работу, чтобы прокормить себя и свои семьи. Оставшиеся же в России до дна испили чашу страданий. С такой громкой фамилией трудно было укрыться и уцелеть. Многие Оболенские кончили свою жизнь в тюрьмах и концлагерях... Поэтому, что бы там ни говорили твои друзья по университету, чем бы материальным ни пыталась жизнь подменить истинное достоинство, никогда не поддавайся на это, солнышко. Знаешь, мне, старой чудачке, так хочется уберечь тебя от ошибок, которые неминуемо совершает каждый, так хочется вдохнуть в тебя свой горький опыт, чтобы многое уже как бы осталось для тебя позади. Но так не бывает. Ты уже немало пережил... Я страстно буду молить Господа, чтобы эта чаша была тобой уже испита до дна. Прости, дорогой, мою высокопарность. Постоянное одиночество разучило меня легко и просто разговаривать...

— А почему вы никогда не пытались связаться с Дворянским собранием? Для вас, возможно, открылась бы новая возможность встречаться, вспоминать...

— Упаси господь! — поморщилась Елена Николаевна. — Мои воспоминания — как самый изощренный кошмар... Они не становятся с годами легче... наверное, так уж я устроена. И потом... я трудно схожусь с людьми. А вот для тебя, милый, было бы совсем неплохо познакомиться с этим кругом людей. — Она с улыбкой провела рукой по пушистым волосам Ада-

ма. — Ты безумно напоминаешь мне Ниночку. Так жаль, что я стала плохо видеть, все через какую-то дымку. У нас в роду со зрением у всех были проблемы. Ты тоже носишь сильные очки. Это ведь не близорукость?

Адам взял руку Оболенской, прижался к ней губами и ответил дрожащим голосом:

— Нет, бабушка. Это врожденная дальновзоркость. Я всю жизнь, с самого детства ношу очки.

— Как ты хорошо сказал: «бабушка»... Спасибо, солнышко. Я знаю, тебе это непросто далось — исполнить мою просьбу. Лиха беда начало. — Елена Николаевна с беспокойством окинула лицо Адама: — Ты такой бледный, худенький... и такой нервный. Я тебе куплю витамины, сейчас рекламируют какие-то необыкновенные витамины специально для укрепления нервной системы.

— Нормальный я. Не надо меня лечить, — засмеялся Адам. — Это я за вами должен ухаживать. Это я вам куплю витамины и вообще все, что нужно... — Он внимательно осмотрел убогую, похожую скорее на келью комнату княгини Оболенской. — Я только с точки зрения моих сокурсников бедный. Мне платят стипендию, и это вполне приличная сумма, чтобы покупать своей бабушке витамины, лекарства, продукты и даже одежду. Что вы меня так пристально изучаете? — смутился юноша.

— Петр Алексеевич Сиволапов все тебя вспоминает... Помнишь, мы его встретили на бульваре? Запал, говорит, мне ваш внук в душу. Такая внешность должна быть у какого-нибудь лорда, не менее. И еще сказал, что ты очень похож на меня. А я удивилась тогда и возразила, что ты — вылитая моя старшая сестра, а уж мы с ней всегда были словно от разных родителей. — Елена Николаевна усмехнулась и добавила: — Всякий видит по своему. Я положу тебе еще пирожное, Адам? Боже, что с тобой, мальчик?

В бледно-голубых, неестественно огромных из-за сильных стекол глазах застыли слезы, и Адам, стесняясь их, неловко промокал уголки подушечками пальцев.

— Почему так трудно жить?! — горестно прошептал он, от волнения произнося слова с еще более сильным акцентом. — Мне иногда кажется, что человек изначально существует во враждебной ему среде обитания, и, каков бы он ни был, плох ли, хорош ли, в результате жизнь убивает его, как хищная, против человека настроенная субстанция. Ее нельзя обхитрить, нельзя задобрить, нельзя купить, потому что она выше всяких намерений и волевых действий человека. Она беспощадно и неумолимо делает свое дело, перемалывает с одинаковой бесстрастностью и святого, и подонка. Мои родители были верующие люди, они водили меня в храм, я много слышал с детства о христианской любви и всепрощении, но у меня всегда было

чувство, что речь идет о какой-то другой жизни, невидимой, и все это не имеет никакого отношения к тому, в чем мы варимся каждый день, каждую секунду, лихорадочно пытаюсь выжить... Она так многолика, жизнь, у нее тысячи уровней, и ко всякому она имеет свой особый, изощренный подход, а на самом деле — особую приманку, чтобы, клюнув, прельстившись, человек оказался в западне, и за ним захлопнулась наконец-то дверь в этот мир... Вы можете подумать, что мне страшно. Но это не так. Мне противно... Противно жить. Меня от этой жизни тошнит, от ее сладкого, удушливого зловония... — Взглянув на потерянное, побледневшее лицо Оболенской, Адам переплел тонкие нервные пальцы так, что они хрустнули в суставах, и произнес высоким отчаянным голосом: — Простите, что огорчаю вас. Я не имею права. Вы так радовались мне...

— Что ты, что ты, Адам, родной мой! Это ты меня должен простить... Какие-то альбомы, фотографии, никому не нужные нравоучения... Я...я просто растерялась... Я совсем разучилась нормально, по-человечески общаться. Это одиночество, оно задавило меня...

Мадам Оболенская неуклюже кружила по комнате, то и дело налетая своим сухоньким телом на немногочисленную мебель. Она сейчас напоминала вспорхнувшую перепуганную птицу, пытающуюся взлететь и не могущую поднять обессилевших крыльев.

Тут в дверном проеме бесшумно возникло румяное лицо соседки Татьяны:

— К телефону тебя, Николавна! Из театра... — Она с откровенным любопытством оглядела по-праздничному сервированный стол и совсем беспардонно уставилась на Адама: — Ну как? Привыкаешь помаленьку к бабке? — И, пользуясь отсутствием Елены Николаевны, свистящим шепотом торопливо заговорила: — Ты, милоч, ей хоть телефонный аппарат купи. Все бегают в коридор, а у нас тут каждое словечко слышно. Я-то ладно, мы с Николавной друзья, а вот Шишкиным, третьим нашим соседям, так и не терпится ее комнату заполучить. Поэтому они задались целью компромат собрать против нее. Он сам-то, старик Шишкин, старый кагэбист, и жена его еще в аппарате Берии работала... Вот и живут старыми представлениями, думают, кому-то сейчас их доносы понадобятся... Они от безделья маются, травят старуху, а Николавне-то каково? Одним словом, милоч, ты ей теперь заступник.

Вошедшая в комнату Оболенская прервала проникновенный монолог Татьяны.

— Ну, совсем без памяти! И куда же меня угораздило их засунуть? — пробормотала она.

— Что стряслось-то, Николавна? Лицо такое, точно пожар где!

— Действительно горит, без шуток! А я, как на грех, ключи от боковых ворот к складу декораций куда-то задевала. Пожарной машине к порталу, где горят декорации, легче подъехать, а так через весь театр тянуть шланги. Я же хорошо помню, как вешала ключ на щит, — говорила, словно сама себе, Оболенская. — Вчера, как раз в мое дежурство, привезли из мастерских задник для спектакля, я открыла им, они выгрузили... Ах, ты, боже мой, могла ведь в карман сунуть!

Елена Николаевна ринулась к вешалке, обшарила свой старенький плащ и со сконфуженной улыбкой опустила на стул, держа в руке ключ.

— Не приведи господь, так и весь театр выгорит! — ужаснулась Татьяна. — А что? Вон универмаг напротив нашего овощного, как есть, целиком выгорел!

— Пожалуйста, не надо нагнетать обстановку! — Высокий голос Адама с сильным акцентом прозвучал неожиданно забавно, даже побледневшая Оболенская улыбнулась, а Татьяна несколько секунд повизгивала, зажимая рот ладошкой.

— Дай мне вон те таблетки, Танечка, — виноватым голосом попросила Елена Николаевна, прижимая к сердцу руку и морщась от боли.

— Это сердце? Да? Давайте вызовем врача, — всполошился Адам. — Сердечную боль терпеть нельзя... Надо уложить бабушку в кровать, — обратился он к Татьяне.

— Ничего не надо, — возразила Елена Николаевна. — Со мной такое иногда случается. Пройдет. И ложиться не надо. Мне так лучше. Не волнуйся, солнышко. У меня к тебе будет только небольшая просьба. Не сочти за труд, Адам, отвезти в театр ключ. Это будет, конечно, с запозданием... Пожарные уже тушат огонь. Загорелись декорации, которые должны были поставить на сцену для завтрашнего прогона нового спектакля. Как же это могло случиться?! Бедная Алена Владимировна!.. И актриса из Эстонии приехала...

— Бабушка, теперь уже нечего убиваться по этому поводу!

— Правда что, Николавна. Раз пожарники там, значит, все потушат. Ты давай нервы свои не вскручивай. Иди, милоч, двигай! Чем скорей ключи доставишь, тем лучше.

Адам взял ключи и, чмокнув мадам Оболенскую в щеку, попрощался с Татьяной.

— Не больно-то ему по душе прилась твоя просьба. Ишь, лицо какое недовольное стало! — проговорила Татьяна, когда за Адамом закрылась дверь.

Елена Николаевна тяжело вздохнула и не сразу ответила:

— Это от застенчивости, Танюша. В чужой стране, среди непонятных людей... Да еще с амбициями истинного Оболенского...

Декорации к премьерному спектаклю сгорели дотла.

Если буквально неделей раньше, когда театр был в ажитации по поводу болезни Воробьевой, люди ссорились, выясняли отношения, делились на группы сочувствующих и злорадствующих, то теперь все органы единого театрального организма дышали и функционировали в унисон.

В коридоре мирно беседовали Нина Евгеньевна Ковалева и Энекен Прайс, уже три дня репетирующая вместо Кати Воробьевой в спектакле, премьера которого теперь уже точно отодвинулась на неизвестный срок.

— Вы-то не хуже меня знаете, Нина Евгеньевна, что в театре, абсолютно так же, как в человеческой судьбе, случаются черные полосы, когда все сбоит, ничего не складывается, следует цепь досадных совпадений, недоразумений. Одним словом, другого выхода, как мужественно это пережить, и нет...

— Правильно, Эночка, но у нас через неделю юбилей театра. Это даже не премьера. Его не перенесешь, не отменишь. Все согласовано и в министерстве культуры, и в правительстве. Сцену, конечно, мы приведем в порядок — обгорел только левый портал, но у людей настроение какое-то упадническое... У актеров капуста никак не складывается... Эта Воробьева словно заколдовала всех. Ее отсутствие остановило всю работу театра. — Ковалева усилием воли задавила в себе явную ненависть, и лишь легкая, вполне уместная досада прозвучала в ее словах.

— В капустнике она тоже была главной персоной? — с иронией уточнила Энекен.

— В том-то и дело. И теперь то, что легко удавалось ей, избалованной успехом, окруженной любовью... Короче, озорно, с юмором хулиганить, с блеском импровизировать в этом капустнике никому не удастся. А она репетировала так, что от хохота стон стоял... Ну, да ладно, все как-нибудь утрясется.

— Я очень вам этого желаю, Нина Евгеньевна! — с чувством произнесла Энекен.

Ковалева с симпатией окинула взглядом красивую, породистую эстонку и спросила:

— Так что же, заказывать вам билет на завтра? Может, задержитесь на юбилей?

— Что вы, что вы, Томас мне тогда голову оторвет. Он у нас так же крут, как ваша Алена.

— Да, ваша подруга сумела взять театр в оборот...

— Да уж и не такая она мне подруга, — пожала плечами Энекен. — Просто учились на параллельных курсах — мы с Женей Трембич на актерском, а Алена на режиссерском. Да еще потом я у нее в дипломном спектакле играла.

— Это я помню. Вы были очаровательны! — с восторгом воскликнула Ковалева.— Я тогда говорила о вас с Перегудовым, бывшим главным режиссером. Он ходил смотреть спектакль, и вы ему очень понравились, но... ваше решение вернуться в Таллин было непоколебимым. А так, конечно, он согласился со мной, что на такую героиню можно репертуар строить.

Энекен, благодарно улыбаясь и чуть приседая в книксене, подумала: «Как же, позволила бы ты ему, хитрая лиса, пригласить другую героиню, когда в этот же год оканчивала институт Инга. Женьке обломилось, потому что она совсем другого плана, да и то помню, с каким скрипом удалось при активном участии Алены пролезть в труппу...»

Ковалева прислушалась к коротким междугородным звонкам, доносившимся из ее кабинета, и произнесла:

— Извините, Энекен. Заходите попозже, приглашаю вас на чашечку кофе.

— Спасибо, зайду, — снова сделала книксен Энекен и тут же ухватилась за шествующую в гардероб Женю Трембич:

— Женька, ты мне нужна позарез! — Красивые, необычного зеленого цвета глаза эстонки полыхнули азартом и страстью.— Мне срочно понадобился один телефон. Ты его точно можешь достать.

— погоди ты...— Женя недовольно отцепила от себя возбужденную подругу. — Вообще, в чем дело-то? Какой еще телефон?

Энекен оттащила сопротивляющуюся Женю в актерскую комнату отдыха и вместе с ней плюхнулась на диван.

— Женька, я влюбилась! До полусмерти! Уже второй день хожу, как ополоумевшая. Я, может, ни в кого никогда не влюблялась, потому что точно знала, какой он будет...

— Твой принц!— цинично закончила Женя. И тут же пожалела о своих словах: глаза Энекен стали быстро-быстро набухать слезами, она закусила нижнюю губу и, резко вскочив, отвернулась к окну. — Точно влюбилась! — восторженно просипела Женя и обняла Энекен за плечи. — Ну, прости меня, старую дуру, я просто настроена совсем на другую волну. Ты ведь приехала и уехала, а мне здесь жизнь куковать, и проблем выше крыши... Не сердись. Я вся внимание и... Кто он, если не секрет?

— Он... Нет, я все по порядку. Вчера, когда весь этот переполох с пожаром уже закончился и пожарные уехали, я спустилась на проходную позвонить, а потом вышла покурить во двор. И тут...он. Он просто шел и смо-

трел на меня, а я покрылась мурашками, и вокруг вдруг стало все другое... Когда он подошел совсем близко, я неожиданно почувствовала, что стоять не могу — ноги не мои. И вдруг он заговорил с очень сильным акцентом. Его голос... Я помню каждую его интонацию. Он спросил, работаю ли я в этом театре, и попросил передать на проходную ключ. Я поняла, что его родственница забыла повесить этот ключ на место, уходя со службы. А потом поинтересовалась, почему он говорит с таким акцентом, и он этим своим невероятным, сексуальным, волнующим до умопомрачения голосом довольно односложно рассказал о себе... Теперь я знаю его имя... Этот мужчина — первый человек на Земле, иначе и быть не могло... Его зовут Адам. Адам и Эне. Скажи, в этом что-то есть.

Несколько мгновений Женя мучительно вспоминала что-то связанное с этим редким для Москвы именем, потом воскликнула:

— Правильно! Катька мне говорила, что у нашей мадам Оболенской нашелся внук Адам.

— А она что, из тех Оболенских?

— Естественно, — пожала плечами Женя. — Других не держим.

— Грандиозно! — взвизгнула Энекен и тут же сникла. — В моем распоряжении одни сутки. Завтра вечером скорый поезд умчит меня от него, от моего первого человека.

— Слушай, Энка, это не от любопытства, а как близкому человеку можешь мне ответить на один бестактный вопрос?

— Тебе — все, что угодно, — безапелляционно заявила Энекен. — Тем более что ты сейчас же добудешь мне его телефон.

Женя оценивающе оглядела роскошную фигуру подруги, задержав взгляд на чувственном, немного крупном для ее тонкого лица рте, на слегка тяжеловатой для изящной тонкой талии груди, на высоких бедрах и стройных полных ногах. Затем тихо спросила:

— Золото мое, неужто до двадцати трех лет эта бесподобная плоть изнемогала в ожидании своего Адама? Ответь «да», и я зарыдаю от восторга и преклонения перед твоей чистотой и цельностью.

— Уж эти мне характерные артистки! — фыркнула Энекен. — Эта, как ты совершенно точно подметила, бесподобная плоть была подвергнута насилию... И произошло это в ту незабываемую для нашего курса ночь, когда мы в общаге праздновали окончание института.

— И кто же этот прохиндей?

— О-о, имя его в этих стенах можно сказать только на ухо.

Энекен откинула пушистую прядь Жениных волос и что-то прошептала.

Трембич какое-то время потрясенно молчала, потом произнесла задумчиво:

— Так...напрашивается вопрос. И где же была в этот исторический момент Алена?

— У нее тогда умерла мама, и она ездила в Питер на похороны.

— Теперь помню. — Огромные глаза Жени стали узкими и злыми. — Я всегда чувствовала, что он насквозь фальшивый. Во всем. И в своей бездарной драматургии, и в отношениях... Алене-то это за что?

— За талант! — не задумываясь, объяснила Энекен. — Человек всегда за свой талант несет крест. Для Алены — это любовь к человеку, который недостойн с ней рядом стоять. А он облокотился на нее и использует в своих целях.

Женя вдруг тихо заплакала, судорожно вздыхая и размазывая по лицу потекшую с глаз тушь.

— Птичку жалко, — передразнила ее всхлипывающим голосом Энекен. — Не реви, дурында. Еще не вечер. Еще все будут счастливы и умрут в один день с тихой улыбкой блаженства. Успокойся, детка. Давай подумаем о тех, кому сейчас намного хуже. А что касается меня... мне уже давно все по барабану. Это тогда я была, как Чацкий: «Прочь из Москвы! Сюда я больше не езду! Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок...» Время, время, время — великий целитель. Теперь я и сюда «езду», и куда угодно. Только вот с мужиками полный напряг. Чем больше они на меня западают, тем яростней я их ненавижу. А в нем... в нем все другое. Этот Адам... я чувствую его — обонянием или какими-то другими клетками неведомых нам органов, которые сигнализируют о своем наличии лишь в исключительных случаях... Все, Евгения, у меня мало времени. Мне нужен его телефон.

— Жди меня здесь. — Женя встала и повернула лицо к свету. — Очень заметно, что рожа зареванная?

— Тебе идет, — успокоила ее Энекен. — А то чересчур вид здоровый и благополучный. Зато теперь каждый увидит, что ты творческая личность — муки и страдания облагородили твою внешность.

— Вот балаболка! — улыбнулась Женя и протяжно вздохнула: — Бедный, бедный Адам, живет себе и даже не догадывается, какая участь его ждет!

Она ловко увернулась от нацеленной в нее диванной подушки и скрылась за дверью.

Этажом выше, где располагались женские гримуборные, Инга Ковалева собирала свои вещи. Дверь в гримерную была распахнута, и в коридоре напротив нее сидел озадаченный Петр Сиволапов. Его всегда самоуверенное выражение лица непривычно заменила маска растерянности.

Нервными, торопливыми движениями Инга сгребала из ящичков стола коробочки с гримом, пудрой, просматривала какие-то тетрадки, рвала записки — одним словом, она решила на поступок и теперь воплощала его в действие. Уложив все в изящный кожаный чемоданчик, Инга взяла ручку, положила перед собой чистый лист бумаги и задумалась.

— Заявление об уходе пишется главному режиссеру или директору?

Ее голос прозвучал так беспомощно и жалостливо, что Петр вскочил со стула и вошел в гримерку.

— Я же просила... — начала Инга, но Петр прервал ее:

— Ты просила не заходить, пока ты собираешь вещи. — Он положил руку на плечо девушки. — Не торопи события, Ингуша, прошу тебя. Никогда не надо рубить с плеча. Все еще устроится, вот увидишь. Мы же говорили с тобой, что Алена не может единолично ставить весь репертуар, в портфеле театра лежит пьеса Ануя, Тургенев, две современных пьесы. Придет другой режиссер — или на постановку или в штат. Алена так задумала «Двенадцатую ночь», что, дай бог, выпустить спектакль до конца сезона. Она сама лихорадочно ищет еще одного режиссера, а это значит, что появится человек, который видит совсем по-другому, и у него возникнут другие приоритеты и пристрастия. Ты же понимаешь, детка, что в искусстве все субъективно... И мы уже обсуждали с тобой, что Алена на подсознательном уровне — а у нее оно развито до ясновидения — чувствует, что между нами... между мной и тобой...

— Я так тебя люблю, — горестно прошептала Инга, и огромная капля шлепнулась на лист бумаги.

— Деточка, родная, я тоже безумно тебя люблю... но потерпи чуть-чуть. Алена очень жесткий и непредсказуемый человек... В этой ситуации нельзя нарываться. Тем более ты видишь, как лихорадит театр — одно происшествие за другим, и все накануне юбилея. Сейчас пройдет юбилей, определится с премьерой, и посмотрим, какая будет ситуация. Никогда ничего не надо делать сгоряча. Я понимаю, как тебе трудно, но ведь я с тобой, ну, пусть пока на нелегальном положении... Нас двое, а это уже много...

— Боюсь, что уже трое... — Инга развернулась к Петру и прижалась лицом к его мощному телу. — Вот видишь, ты молчишь... Это всегда неожиданно для мужчины и всегда ожидаемо для женщины. И что бы ты сейчас ни сказал, уж это-то решение я способна принять самолично. Я так хочу иметь от тебя ребенка.

Петр проверил в зеркале над гримировальным столиком выражение своего лица и счел его никуда не годным. Недовольство, легкий испуг срочно надо было стирать, пусть придет им на смену тихое умиление

и восторг предстоящего отцовства. Но менять ничего не пришлось: Инга не собиралась демонстрировать свое заплаканное лицо и прятала его на широкой груди Петра.

— Девочка моя, это прекрасно, только пусть пока, совсем недолго, это останется нашей тайной.

И не давая ей возможности что-либо возразить, Сиволапов поднял Ингу на руки и зажал ей рот долгим жадным поцелуем.

В коридоре послышались торопливые шаги, и Инга с Петром только успели отпрянуть друг от друга, как на пороге возникла фигура Домового.

— Ой, извините, — поспешно опустил глаза Севка, — меня Катя попросила забрать из гримировального столика коробку с ее вещами. Можно?

— Конечно, проходи, Сева. — Инга взяла щетку и, усевшись перед зеркалом, начала приводить в порядок растрепавшиеся волосы. — Как она себя чувствует?

— Пока так же. — Севка присел на корточки перед Катиным столиком, открыл боковые шкафчики. — Еще слишком мало времени прошло. Контрольный снимок ноги вчера сделали. Все срастается, как надо. Она, конечно, жутко переживает. К юбилею так готовилась — и на тебе.

— Ну, уж на юбилей-то можно ее привезти — будет сидеть в кресле, — возразил Сиволапов.

— Нельзя ей сидеть. Сотрясение мозга лечится лежа и в полном покое. Никакого телевизора, никаких книг. — Севка вздохнул и растерянно произнес: — Какую она коробку имела в виду?! Их здесь целых три.

— А ты возьми все — они же маленькие, Катя отберет, что нужно, и ты обратно их сложишь, — посоветовала Инга.

Севка согласно кивнул и сложил все в целлофановый пакет с ручками.

— Ну, я пошел.

Он бросил быстрый взгляд на чемоданчик рядом с сидящей Ингой, на приготовленный листок бумаги с уже написанным крупно словом «Заявление» и с добрым, понимающим сочувствием улыбнулся Инге одними глазами.

— Славный какой, — задумчиво проговорила она ему вслед. — Катя, должно быть, очень комфортно себя чувствует, постоянно ощущая рядом такую заботу... и, главное, такую необыкновенную радость, я бы даже сказала, восторг самоотдачи... Это нечасто встретишь.

Из приемника, висящего над ее головой, послышался мягкий голос помрежа Маши:

— Петр Алексеевич Сиволапов, вас просит зайти к ней в кабинет Алена Владимировна. Пожалуйста, поспешите. Ей надо срочно уехать.

Сиволапов виновато взглянул на Ингу. Она какое-то время молчала с непроницаемым выражением лица, потом сказала сухо, глядя в сторону: — Иди. На ковер вызывают.

Хотела добавить еще что-то обидное и горькое, но сдержалась.

В этот торжественный для театра день постоянно дождливая, сумрачная погода точно снизошла до земных утех и решила принять участие в празднике. Ярко-голубое, без единого облачка небо казалось только что умытым холодной ключевой водой — таким до восторга свежим и обновленным преподносилось оно людям. Над зданием театра, как обычно, кружили стаи голубей, но сегодня их белоснежное парение под бирюзовым куполом было особенно торжественным.

Актеры, монтировщики, реквизиторы, осветители, занятые в подготовке вечера, то и дело выскакивали во двор, чтобы еще и еще раз зарядиться той бодростью и энергетикой, которую сегодня так щедро расплескивала природа.

Юбилейный день пришелся на дежурство мадам Оболенской, и она поразила всех своей элегантной наружностью. Волосы были тщательно уложены волнами и, как заметил кто-то из актеров, напоминали головку Греты Гарбо. Из-под черного шелкового костюма воланами легчайшего шифона выглядывали белый воротничок и манжеты, и даже непременно ажурные перчатки сегодня заменили тоненькие атласные.

Гости начали съезжаться к семи. Въезд в переулок был перекрыт полицией, и пропускали только по приглашениям.

После полагающихся официальных речей и поздравлений правительства Москвы, различных общественных организаций и коммерческих структур на сцену стали выходить представители других московских театров — директора, главные режиссеры, артисты. Сцена была оформлена с огромным вкусом — тут уж постаралась сама Алена. Смонтированные из разных спектаклей декорации являли своеобразный сценографический коллаж — яркое и дерзкое сочетание несочетаемого, что еще раз позволяло в полной мере прочувствовать мощную индивидуальность главного режиссера.

Капустник, за который так все боялись, прошел на редкость удачно — актеры находились в приподнятом настроении, а непрекращающийся смех зрителей раскрепощал и придавал легкую импровизационность их самочувствию. Больше всех насмешила Женя Трембич, показывающая Алену, — она была одета осой с длинным тоненьким жалом, которым время от времени колола нерадивых артистов, круглые черные очки подобострастно протирал громадным шейным платком Миша Трифонов, фак-

турный молодой актер, точно схвативший пластику и слегка по-сибирски окающую речь Сиволапова. А гудящий с резкими перепадами настроений голос осы — Алены — составил с ним невообразимо колоритный дуэт.

После капустника на сцену вышла Инга Ковалева. Так хороша она еще не была никогда. Блестящее черное платье с глубоким вырезом облепиво чешуей ее гибкое сильное тело, две тонюсенькие бретельки пересекали круглые красивые плечи, на длинной шее скромно поблескивал бриллиантовый крестик на черной бархотке, волосы, гладко зачесанные в низкий пучок, придавали ее облику одухотворенную скромность. Ей зааплодировали. Инга слегка наклонила голову, улыбнулась и начала рассказывать, какие развлечения ждут гостей. Внезапно возникла эротическая мелодия в исполнении Фредди Меркури, и она одним резким движением головы разметала по плечам длинные, роскошные, усыпанные блестками волосы, и вторым движением, скинув платье, предстала перед обалдевшими зрителями в таком же черном чешуйчатом купальнике-бикини и в длинных, закрывающих колени серебряных сапогах на высокой шпильке. Тут на нее с колосников посыпался дождь конфетти и серпантина. Поклонившись зрителям, Инга зазывно поманила их вытянутыми руками, словно обнимая и обещая море блаженства и, нарочито виляя бедрами, скрылась в портале.

Алена изо всех сил сдерживалась, чтобы в момент появления такой немислимо обольстительной Инги не повернуть голову в сторону Петра. Она вдруг увидела себя со стороны. Вчера вечером, примеряя перед зеркалом черный брючный костюмчик, несколько дней назад купленный на вещевом рынке «Динамо», она прицепила в качестве украшения старинную брошь в форме изящно изогнутой веточки, усыпанной бриллиантами и изумрудами, надела замшевые лодочки на высоком каблуке, и ей показалось, что выглядит она довольно элегантно. Теперь же, среди богато разодетых гостей и актрис, давно и тщательно готовивших туалеты к юбилею, Алена мысленно отругала себя за то, что не уделила костюму должного внимания. Хотя, с другой стороны, когда ей было этим заниматься? После того как сгорели декорации, появилось ощущение, что она попала в какую-то тщательно подготовленную западню. Но поддаваться такого рода чувствам было для нее непозволительной роскошью, и Алена заставила себя думать иначе: через неделю декорации обещали восстановить, а еще через неделю Катя сможет приступить к выпуску спектакля...

Она скосила глаза в сторону ложи, где виднелась черная с серебряными висками голова Стивена. Когда Малышка навещала Катю, американца там не было. Катя сказала, что он заходит крайне редко, но постоянно держит ее под телефонным контролем. Он сейчас очень занят в клинике,

потому что на днях возвращается в Штаты и прилетит в Москву только после Рождества.

Рядом со Стивеном Алена увидела незнакомое лицо молодого человека. Склоненная набок, изысканно посаженная на длинную шею голова с длинными пушистыми волосами показалась ей знакомой. И эти руки со сцепленными гибкими пальцами, сложенные на красном бархате ложи... Она прошептала на ухо Петру:

— Кто это ... в ложе? Рядом с Катиним американцем?

Петр так же шепотом ответил:

— Здрасьте, приехали. Это внук Оболенской. Она тебя с ним знакомила.

Алена тут же вспомнила, как Елена Николаевна представила ей своего внука. Это было буквально накануне, и он вот так же сидел за вахтерским столиком, чуть склонив голову и переплетя пальцы нервных кистей.

Сиволапов толкнул ее в бок и с улыбкой указал на соседнюю ложу. Там торжественно восседал Гладышев, не пожелавший участвовать в капустнике и выступлениях молодежи театра якобы из-за травмы. Однако повязку на время юбилея он снял, и лишь легкая синева под глазом свидетельствовала о перенесенном увечье. Валерий не сводил глаз с внука мадам Оболенской и, чувствовалось, даже слегка нервничал.

Алена вздохнула и подумала, что еще одного напряженного сюжета ей не осилить...

Всех присутствующих попросили пройти в холл, где были накрыты столы со всевозможными закусками. Для любителей поужинать поплотней и выпить что-нибудь покрепче кока-колы и соков были открыты кафе и бар. Только уже за свои денежки.

Сиволапов притащил Алене блюдо с двумя фужерами шампанского и различными закусками.

— Зайка, ты сегодня, по-моему, еще ни разу не ела. И давай выпьем за то, чтобы в этих стенах ты сумела воплотить все свои творческие мечты. За это!

— Петр, знаешь, я так сегодня устала — ничего в рот не лезет, — отказалась Алена. — Отнеси, пожалуйста, всю эту еду Елене Николаевне на вахту. Даже если ее подменить, она постесняется прийти сюда и нормально поесть. И попроси кого-нибудь, чтобы ей принесли из бара чай или кофе... чего-нибудь горяченького. Она сегодня с утра в трудах праведных, а впереди еще ночь дежурства. Обратил внимание, как она сегодня особенно хороша?

— Сегодня все женщины необыкновенно хороши, — заметил Сиволапов и, не прибавив, как обычно, «но моя зайка лучше всех», отправился выполнять поручение.

Два часа спустя, когда гости были сыты, посетили бар с крепкими напитками, потанцевали, поиграли в лотерею, поучаствовали в аукционе и уже слегка подустали, появился торжественный Домовой в белом смокинге с черной бабочкой, позаимствованной в костюмерном цехе, и провозгласил:

— Уважаемые дамы и господа! Мы приглашаем вас во двор нашего театра, где состоится праздничный фейерверк.

Гости дружно закричали «Ура!» и ринулись в гардероб за верхней одеждой.

На плечо Алены легла тяжелая теплая ладонь.

— Ты долго где-то отсутствовал, Петр, — не поворачивая головы, тихо сказала она.

— Я никак не мог пробиться к вам... Что естественно, ведь вы — главная персона на сегодняшнем празднике.

Резко обернувшись, Алена увидела улыбающегося во все свои сто ослепительных зубов Стивена.

— Я хотел поблагодарить вас за прекрасный вечер и попрощаться. Через три дня я улетаю домой.

— Надеюсь, не навсегда, — вежливо улыбнулась Малышка. — Как сегодня Катя? Она так переживала, что не может быть на юбилее.

— Сейчас спросим. — Стивен извлек из нагрудного кармана маленький плоский мобильный телефон и, ткнув несколько кнопок, ласково спросил: — Как себя чувствует мое сокровище? Полно сил и оптимизма?

К изумлению Алены, ответ Кати был таким продолжительным и, видимо, эмоциональным, что Стивен даже слегка поморщился и несколько раз безуспешно попытался прервать ее. Алена поежилась и почему-то вспомнила то, другое лицо этого человека, стоявшего на пороге воробьевской квартиры.

— Никаких сомнений! Все будет прекрасно! В твоём возрасте организм работает безупречно. Передаю трубку Алене Владимировне.

— Катюша, дорогая, от всего театра тебе огромный привет. И, пожалуйста, не расстраивайся.

Катин невеселый голосок без видимых на то причин почему-то встревожил Алену:

— Хочешь, я сейчас приеду к тебе? — неожиданно вырвалось у нее, и она сама несказанно удивилась своему порыву.

Стивен забрал у Алены трубку и с легкой укоризной сказал Кате:

— Ну, вот, не стыдно? Пожалуйста, возьми себя в руки.

И опять Алене почудилось за этими простыми, ничего не значащими словами нечто большее. Проверив себя еще раз, она вдруг поняла, что

сейчас в ее силах, пока еще не поздно, предотвратить что-то неумолимо надвигающееся, беспощадное и страшное. Она с тревогой взглянула на Стивена. Но американец смотрел поверх ее головы:

— А вот и приближается мой потенциальный убийца. По-моему, мой час пробил.

Алена быстро повернулась и увидела спешащего к ней Севку.

— Алена Владимировна, я за вами, — издали заговорил он. — Давайте скорей. Без вас мы же не можем начинать.

Она шагнула навстречу юноше, схватила его за руку. На нее глянули добрые, умные, блестящие глаза, в которых сейчас горел азарт.

— Что-нибудь случилось, Алена Владимировна? — нетерпеливо произнес Сева.

— Пока нет, — качнула головой Алена и, не выпуская руки Севки, тихо спросила: — Скажи мне честно, все... в порядке?

Он переступил с ноги на ногу, как готовящийся к скачке жеребец, и, мимолетно взглянув на Стивена, ответил:

— Не то слово! Полный о'кей!

В дверях, ведущих из фойе театра на улицу, появился недовольный Сиволапов с Алениным пальто в руках.

— Все, все, бежим! — тряхнула она головой, освобождаясь от неясной щемящей тревоги. — Пойдемте, Стивен!

Фейерверк превзошел все ожидания. От нескончаемого фонтана петард, серебряных зигзагов, цветных светящихся шаров и комет в переулке стало светло, как днем. Пальба выгнала жителей близлежащих домов на балконы. Ошалевшие от счастья дети носились с дикими воплями возле домов. Ополоумевшая армия бездомных кошек издавала звуки, наводящие на мысли о конце света. Казалось, этот грохот, свет, суэта возродили в людях дремлющие варварские инстинкты. Гладышев лупил в воздух из экзотического ружья золотыми шарами, рассыпающимися водопадом брызг. Директор театра Пожарский подхватил на руки визжащую от восторга Мальвину и кружил ее в быстром вальсе, пока оба не рухнули на мягкий ковер устеленного листопадом газона. Молодежь театра, взявшись за руки, вертела с головокружительной скоростью хоровод, а в центре его Маша Кравчук, задрав юбку, лихо отплясывала канкан.

Стивен и Сиволапов хохотали от души, и Алена, слыша заразительный смех Стивена, чувствовала, как отпускает стиснувшая сердце тревога.

Но до конца освободиться от тяжелого груза предчувствий ее вещему сердцу не удалось. Когда прогремели последние залпы фейерверка и все возбужденными группами обменивались впечатлениями, курили, смеялись, на крыльце служебного входа появилась долговязая фигура в смокинге.

Севка шел к Алене странной подпрыгивающей походкой, накрахмаленная бабочка сбилась в сторону, в блестящих глазах плескался ужас. Ни о чем не спрашивая, Алена двинулась навстречу и, все ускоряя шаг, почти вбежала в театр.

За вахтерским столиком сидела мадам Оболенская. Ее руки, безвольные, как у брошенной куклы, висели вдоль тела, голова, неестественно вывернутая набок, лежала на столе, тусклые, чуть прикрытые глаза словно разглядывали что-то около двери, возле рта разлилась лужица розовой пены.

Алена усилием воли подавила подступившую резкую тошноту, присела около Елены Николаевны, взяла ее за руку, чтобы проверить пульс, и вздрогнула. Тело мадам Оболенской давно остыло.

...За окном истошно закричала перепуганная ночная птица. Алена еще во сне услышала ее надрывный тоскливый крик. Она сбросила одеяло, села в кровати, прислушалась.

Было тихо, лишь тикал будильник на тумбочке, да гулко стучалось в грудную клетку собственное сердце. Алена подумала, что этот крик, наверное, ей приснился, как и остальная невообразимая белиберда, навеянная кошмаром последних дней. Но птица опять закричала так почеловечески отчаянно, что она зажгла настольную лампу, подошла к окну и на ветке старого клена увидела распластанное тяжелое птичье тело. Свет лампы мешал разглядеть птицу в темноте, и она, прижав лицо к стеклу и отгородившись от света ладонями, встретила глазами с неподвижным измученным взглядом старой птицы. Ее прикрытые глаза так страшно напомнили Алене последнюю встречу с мадам Оболенской, что она с трудом проглотила застрявший в горле крик и, поспешно задернув шторы, отошла от окна.

Ни о каком сне не могло быть и речи. Алена накинула халат, прошлепала на кухню, налила стакан воды и, вернувшись в комнату, уселась с ногами в кресло.

Сегодня в театре были поминки по Оболенской. Девять дней.

Следователь просил ее припомнить к завтрашнему дню все, даже, на первый взгляд, самые незначительные подробности. Вскрытие показало присутствие в организме смертельной дозы яда.

Алена поежилась, взяла с журнального стола блокнотик и ручку, чтобы для верности записать все, что вспомнится. Но мысли не выстраивались.

Сегодня на поминки в театр пришла даже Катя, которая рвалась на похороны, но ее отговорили. Она приковыляла на костылях: гипс должны были снять завтра. Со слезами вспоминала, как незадолго до смерти

Елена Николаевна ночью помогала ей на сцене, как рассказывала о своем внуке...

Алена задумалась и написала в блокноте: «Адам».

Когда над телом мадам Оболенской собралось столько народу, сколько было способно вместить небольшое помещение проходной, Алена глазами начала лихорадочно выискивать внука Оболенской. Но его в толпе не было. Она попросила срочно отыскать его, но не говорить сразу о происшедшем, а со стороны центрального входа провести к ней в кабинет. Пока ждали вызванную «неотложку», около тела Елены Николаевны находились два врача — муж одной из сотрудниц театра и Стивен. Медики зафиксировали смерть Оболенской, предположив, что она наступила не менее двух часов назад, и по их разговору Алена поняла, что смерть не была естественной — скорее всего, Елене Николаевне подмешали в пищу быстродействующий яд.

Сиволапов, услышав подобное заключение, придвинулся к Алене и сообщил:

— Поднос с едой я собственноручно поставил на этот стол. А кофе должны были принести ребята из бара.

— Кто именно? Хотя ты и отсутствовал практически весь вечер, было бы глупо подозревать тебя в том, что предназначенную мне отравленную еду ты отдал Елене Николаевне. Надо узнать, кто относил ей кофе.

— Пусть этим займется следствие, — посоветовал Сиволапов и бросил обеспокоенный взгляд на побледневшую, перепуганную Ингу.

Нина Евгеньевна Ковалева, пережив потрясение и быстро с ним справившись, взяла бразды правления в свои руки.

— Убедительная просьба всем освободить помещение. И...совсем обязательно, чтобы эта трагедия немедленно стала достоянием всего города... Пусть гости со спокойной душой разойдутся по домам. Поднимать всеобщую тревогу не будем. Так... кто ходил искать внука Елены Николаевны? Кстати, как его зовут?

— Адам, — тихо подсказала матери Инга.

— Так кто ходил его искать? И где он? А ты немедленно отправляйся домой, — обратилась она к дочери. — Деньги на такси есть? Бледная такая, что, не приведи господь, в обморок грохнешься

— Я все обошел — его нигде нет, — сообщил монтировщик Митя Травкин. — Впрочем, я видел, как он уходил. Это было вскоре после начала банкета. И ушел он не по собственной воле... Его, так сказать, попросили покинуть помещение.

— Кто попросил? — спросила Ковалева.

Травкин молчал.

— В чем дело, Митя? Кто его попросил уйти?

— Кто попросил, тот сам пусть и скажет. — Митя пожал плечами и отвернулся.

— Ну, я попросил! — Подвыпивший Вася качнулся, но Гладышев удержал его и, заправив ракетницу за ремень, обнял друга за плечи. — Я ему сказал, что его пребывание в этих стенах меня нервирует. Подоплеку своей просьбы я раскрывать не собираюсь.

— Ничего себе, просьбы... — не выдержав, хмыкнул Травкин. — Гарун бежал быстрее лани!

— Ну, хорошо, — поморщилась Ковалева. — Я надеюсь, обошлось без рукоприкладства?

— Еще не хватало! Я его просто предупредил, что он имеет дело с каскадером, пощадил его рафинированную внешность. Ну а пинок в зад он получил, не скрываю...

Ковалева взглянула на Севку, который сидел на корточках в углу гардеробной, и спросила:

— Как все обнаружилось, Сева? Сева, ты меня слышишь? Ты первый увидел, что Елена Николаевна ...мертва?

Севка обхватил руками голову и начал раскачиваться, как маятник, из стороны в сторону. Все терпеливо ждали. Через некоторое время он хрипло и путано заговорил:

— Я страшно виноват... Елена Николаевна всегда прощала меня, все мои дикие мальчишеские выходки... Я совсем недавно принес ей коробку леденцов... угостить, она открыла крышку, а оттуда — хлоп! — красный надувной язык... как в «Бриллиантовой руке», помните? Я часто разыгрывал ее, а она... смеялась и прощала. Теперь уже не простит... Но сегодня я ее не разыгрывал... я хотел как лучше. Она устала...

— Что ты несешь, Сева! Какая «Бриллиантовая рука»? Причем здесь это? Давай-ка соберись!

Севка потянул из кармана брюк носовой платок. Вместе с ним со звоном что-то выпало на пол, и он поспешно спрятал этот предмет обратно в карман. Наверное, лишь от внимательных глаз Алены не укрылось это его перепуганное движение.

Впрочем, не тогда, а именно теперь цепкая профессиональная память Малышки восстановила этот факт. И то лишь потому, что, как позже установила экспертиза, в левой руке Оболенской был зажат какой-то предмет. Когда Алена оказалась рядом с телом, в руках Елены Николаевны ничего не было, хотя Малышка заметила, что левая кисть действительно противоестественно скрючена...

Алена написала в своем блокнотике: «Севка».

Потом...потом рассказ Домового стал более связным, и все узнали, что в самом разгаре банкета он заглянул на вахту и увидел спящую Елену Николаевну. Севка плотно прикрыл дверь, выходящую в коридор, и привесил на ручку табличку с надписью: «Просьба не входить. Идет репетиция», которую сам же изготовил для соседнего со служебным входом репетиционного зала.

— Возможно, тогда она еще...была жива, — заикаясь, бормотал Севка. — А я... отсекаю любую возможность кому-нибудь зайти и увидеть, что она...что ей...нужна помощь. Теперь...она никогда... никогда не простит меня... Я виноват... Боже, как я виноват!

— Значит, вернувшись практически через три часа, ты застал ее в той же позе? — спросила Нина Евгеньевна.

Севка согласно затряс головой...

Алена подумала и записала: «И все же он волновался не только из-за совершенной оплошности».

Потом, потом...что же было потом? Ах, да, вскоре приехала «неотложка», и когда врачи приподняли Оболенской голову, под ней оказался лист бумаги, где почерком Елены Николаевны была написана странная фраза: «Человеку всегда мало...» Экспертиза показала, что слова эти были написаны после того, как Оболенская почувствовала, что ей плохо. На это указывали характерные изменения в почерке.

Потом приехала полиция, составляли протокол... Свидетелей стали вызывать только после похорон...

Мысли у Алены путались, но спать не хотелось — просто сказывалась накопленная усталость. Да, уже под утро из кабинета Ковалевой они позвонили домой к Оболенской. Чтобы Алена тоже слышала разговор, Нина Евгеньевна включила телефон на селекторную связь, и то, что они узнали, стало еще одной загадкой.

Заспанный голос произнес вялое «алле».

— Простите, с вами говорят из театра, где работала Елена Николаевна. Вы ее соседка?

— Соседка, — голос заметно оживился. — А почему работала? Ее что, уволили? За опоздания, наверное? Так ее сейчас нет. Она нарядилась вчера и ушла на юбилей.

— Простите, а ее внук?

— И внук пошел с ней... Он вообще-то здесь не живет. Он где-то в общежитии... Подождите... Я что-то в толк не возьму. Он ведь звонил, уже поздно было. Сказал, чтобы бабке передали — приедет, как договаривались, через две недели. А в театр, мол, на вахту не дозвонился — никто трубку

не берет. Я спросила, чего сам-то мало там побыл, а он сказал, что у него самолет...

— А вы случайно не знаете, где он учится? Общежитие от какого института?

— Мне это ни к чему. Случилось что?

— Да, случилось. Как вас зовут, простите?

— Татьяна Семеновна.

— Елены Николаевны больше нет. Она умерла, Татьяна Семеновна.

Соседка часто-часто задышала и проговорила задыхающимся голосом:

— Ах, ты, беда какая... Так внуку-то радовалась!.. Это Шишкины извели, на их совести...

Когда Ковалева положила трубку, Алена спросила:

— Какие еще Шишкины? Может, это имеет отношение к убийству?

— Вряд ли! — решительно отсекла Ковалева. — Просто склочные соседи. Мне Зинаида говорила, она про Оболенскую всю подноготную знала. И где же теперь искать этого Адама?..

— ...В Таллине! — решительно заявила Женя Трембич, узнавшая о разговоре с соседкой. — Его надо искать в Таллине!

Алена попросила, если возможно, расшифровать это высказывание. Женя задумалась на мгновение и согласно кивнула:

— Думаю, от вас секретов быть не может. Тем более что дело нешуточное! Короче, Энка по уши втрескалась в этого самого Адама.

— Господи! Когда же она успела!

— Да уж на это времени много не надо. «Пришел, увидел, победил...» Сами знаете, Алена Владимировна.

— Без посторонних, может, все-таки будешь без отчества?

— Да ладно, уже вошло в привычку. А потом это создает необходимую дистанцию. — Женя засмеялась. — Впрочем, и не только в этом дело. У нас на даче живет один весьма любопытный тип, жутко умный...такой маленький вундеркинд. Ему восемь лет, а к нему даже взрослые иначе, как Федор Петрович, не обращаются.

— Ну, спасибо, утешила. Ладно, Евгения Викторовна, так что Энекен?

— Энекен с моей легкой руки позвонила Оболенской домой, и Адам, к счастью, был там. Уж что она ему плела, я не в курсе, но договорились они встретиться в этот же вечер. На следующий день Энка должна была уезжать, мне позвонила буквально перед отъездом. Адам был с ней и собирался ее провожать. Ну, где ему сейчас быть, если не с ней? — с уверенностью заключила Женя.

Они тут же решили позвонить в Таллин. Дома у актрисы никто трубку не брал, в театре сказали, что идет репетиция, и сейчас посмотрят, занята ли Энекен или сидит в зале. Через некоторое время Алена услышала ее запыхавшийся голос. Объяснив в нескольких фразах суть дела и извинившись за вторжение в ее личную жизнь, Алена выяснила, что Адам в Таллине не появлялся, но звонил ей на другой день после юбилея из Рима, куда улетел на две недели. Энекен страшно разволновалась, что он ничего не знает о смерти бабушки. На вопрос Алены, где он учится, Энекен ответила, что вообще-то они на эту тему не разговаривали, но, если она не ошибается, в каком-то университете, где учатся иностранцы.

Женя вырвала из рук Алены трубку и разъяренно прорычала:

— А о чем вы, пардон, сутки трепались, если ты даже не знаешь, где он учится?

— Какие сутки? — удивилась Энекен. — Встретились мы накануне моего отъезда буквально на пять минут: он торопился на какую-то важную встречу. А на следующий день он пришел провожать меня с огромной охапкой белых лилий — я ему накануне сказала, что обожаю белые лилии. И все...

И все... Алена задумчиво обвела кружочком имя Адама, записанное в блокноте. Появление этого юноши так же загадочно и неправдоподобно, как и исчезновение. Хотя каких только невероятных ситуаций не преподносит жизнь! Надо дожидаться его приезда. Очень странно, что от него не было никаких звонков в квартиру Оболенской. Впрочем, Татьяна бывает дома крайне редко, а те, другие соседи обозлены на весь мир, и, даже если он звонил, правды от них не добьешься.

Шутки шутками, но когда Алена узнала, что Оболенская отравлена, у нее от страха в животе стало холодно, а на душе мерзко — ведь это ей предназначался поднос с едой. Отлегло лишь после того, как стало известно, что Оболенская ничего не ела, только выпила кофе, и именно в него была подмешана лошадиная доза лекарства от давления. Приготовил напиток для Оболенской бармен Сережа. Поставив чашку на тарелку с пирожным, он попросил Севку отнести все на проходную. Севка честно признался, что донес кофе до служебного входа, но Оболенской за столиком не было, стоял только поднос с едой. Севка поставил кофе, вышел в коридор, увидел Оболенскую с внуком около двери в фойе, где веселился и танцевал народ, крикнул, что «кофей подан», и потащил коробку с петардами на улицу.

Кому нужна была смерть Оболенской? Кому помешала эта милая пожилая женщина из старого дворянского рода с застенчивой улыбкой и большими тревожными глазами?

Севку уже трижды вызывали к следователю. У него все валится из рук, отвечает невпопад, и жалко его до слез.

На страничке под Севкиным именем Алена машинально написала: «Ну, уж у него-то точно не может быть никаких причин убивать Оболенскую. Они обожали друг друга. И потом, Севка вообще никого не в состоянии убить, даже самого заклятого врага — если бы у него таковой имелся».

Наконец-то начался полноценный выпуск спектакля. На сцене стояли приведенные в порядок декорации, Катя Воробьева лишь изредка опиралась на элегантную тросточку, подобранную Севкой в реквизите, костюмы были дошиты, и весьма удачно, благодаря постоянным угрозам Малышки разогнать половину пошивочного цеха и для «Двенадцатой ночи» и шить все — в мастерских другого театра.

Шел прогон второго акта. Алена предупредила, что останавливать не будет, даже если возникнут накладки — все равно, актерские или технические. Прогон впервые был с музыкой, и рядом с Аленой млеял от восторга молодой киношный композитор Глеб Сергеев, который никогда для театра не работал, и ему очень льстило приглашение такого замечательного режиссера, как Алена Позднякова. Глеб писал музыку для сериала, где снималась Катя, и Малышка, посмотрев фильм, отметила огромный талант композитора. Катя познакомила их незадолго до начала работы над сиволаповской пьесой. Алена произвела на Сергеева огромное впечатление, и он согласился написать музыку для нового спектакля, несмотря на немереное количество работы в кино. Музыка получилась замечательная. Глеб очень точно уловил как бы подсознательное сквозное действие, то есть то, что давалось не напрямую, а как бы читалось «между строк» — в провисающих паузах, в, казалось бы, на первый взгляд, ничем не обоснованной смене ритма, в пластическом выражении, перпендикулярном словам и поступкам героев. И совершенно блистательна была тема героини. Алена, лишь оттолкнувшись от бледного драматургического образа и виртуозно используя мощный драматический дар актрисы, сумела вылепить парадоксально существующую человеческую природу молодой женщины, терзаемой противоречиями большого преступного мира. В начале первого акта героиня Воробьевой являлась неброской, буднично одетой, негромко говорящей, а музыкальная тема, сопровождавшая ее необычную, плавно переводящую одно движение в другое пластику, была затаенно-яростной, порочно-плотской, тревожной.

В середине прогона Глеб наклонился к Алене и прошептал:

— Вы удивительно точно назначили на эту роль актрису с таким убойным обаянием, как у Воробьевой. Все внутри сопротивляется тому, что

эта женщина может совершать дурные поступки. Она просто обволакивает. От нее нет спасения.

— Вот поэтому дерусь насмерть с нашим директором, когда он требует второй состав на все главные роли во все спектакли репертуара. Как говорит наша завлит: «А если это — штучный товар, эксклюзив?!»

Глеб придвинулся к самому уху Алены и, обдав ее горячим дыханием, спросил:

— Пообедаем после прогона?

Алена собралась, было, отказаться от предложения провести время вместе, но, перехватив напряженный взгляд Сиволапова, мгновенно согласилась.

— Отлично! Свет в зал. Отлично в том смысле, что вместо предполагаемых двухсот замечаний будет сто восемьдесят два. Катя, как нога?

Воробьева, слегка опираясь на тросточку, спустилась к режиссерскому столику.

— На сцене совсем не болит, а как только уйду в кулису — ноет, зараза. Но врач сказал, что пока так и должно быть.

Глеб, восхищенно глядя на Воробьеву, подошел к ней и поцеловал руку.

— Просто звезда!

— Ой-ой-ой! Ради бога, не надо! — Катя испуганно замахала руками. — Что вы, Глеб! Это мы только первый акт прогнали. Еще работать и работать. Пожалуйста, не надо никаких слов. Я жутко суеверная!

— Все, все, молчу! — приложил ладонь к губам Глеб и обратился к Алене: — Я видел распределение «Двенадцатой ночи» и был потрясен, что Катя будет играть и Виолу, и Себастьяна. И как это будет выглядеть, если не секрет?

— Конечно, секрет, — улыбнулась Малышка.

— Ой, а эскизы костюмов? Они у вас? Я ведь еще не видела, только макет успела посмотреть! — воскликнула Воробьева.

— Нет, Катюша, художница забрала их для доработки, надо по тканям определиться. Но обещала на днях принести, чтобы все посмотрели... Пятнадцать минут отдыхаем и так же, без остановок, идем в прогон второго акта. В чем дело, Петр? У тебя такое недовольное лицо... Кстати, кто-нибудь навещал в больнице Ингу?

— А что с ней? — удивилась Катя и, озадаченно покачав головой, тихо добавила: — Что у нас за сезон такой! То одно, то другое!

Алена выдержала паузу и, поняв, что отвечать придется ей, а не Сиволапову, объяснила:

— Ей было плохо уже в день юбилея, точнее, когда обнаружили тело Оболенской. Не выдержали нервы... Хотя есть что-то еще. Мне показалось, что Нина Евгеньевна не хочет говорить на эту тему. Одним словом, ничего страшного, Ингу уже скоро выпишут... Так, какие ко мне вопросы? Да, Катя?

Воробьева опустила голову, покрутила поясок на платье.

— Я не по роли...Можно? — И красноречиво взглянула на Сергеева и Сиволапова.

— Понятно. Удаляемся на перекур. Вам что-нибудь принести из съестного? — вопросительно посмотрел на Алену Сергеев.

— Если вас не затруднит, пожалуйста, сок или колу...все равно...

Катя подсела к Алене и тихо сказала дрожащим голосом:

— Алена Владимировна, хоть вы-то понимаете, что Севка абсолютно не виноват?

— А почему «я-то»? Все это понимают.

— Напрасно вы так думаете. Гладышев с ним даже не здороваются... А вчера Шкафендра... то есть Валентин Глебович, беседовал с ним о том, что у театра безупречная репутация, и не надо ничего скрывать, чтобы следствие поскорей закончили, дело закрыли и так далее... Севка собрался уходить из театра.

— Это невозможно! — вырвалось у Алены. — Конечно, я поговорю с ним. Но ты...ты имеешь такое на него влияние. Надо подождать.

— Чего ждать-то? — уныло возразила Катя.

— Должен появиться внук Оболенской.

— И что?

— Пока сама не знаю. Он произвел на меня очень странное впечатление... Ты ведь его не видела?

— Почему это я его не видела? Они с Еленой Николаевной навещали меня, их Стивен привозил. Посидели у меня с полчаса, и Стивен же их отвез. Нормальный парень, этот Адам. Ну, нервный слегка, да еще этот дикий акцент. Видно, со слухом проблемы. Стивен вот вообще без акцента разговаривает.

— Не думаю, что у него проблемы со слухом. Мне показалось наоборот... У него поразительной музыкальности голос. Чересчур.

— Ой, вы, значит, итальянцев никогда не слышали. У них же вообще язык музыкальный... Алена Владимировна, это к вам, — осеклась вдруг Катя.

Алена обернулась и увидела в проходе Сколопендру. Вид у вахтерши был непривычно обескураженный, словно она только что получила от кого-то изрядную взбучку и теперь пришла виниться.

— В чем дело, Зинаида Ивановна? — неприязненно прогудел голос Малышки.

— Мне необходимо поговорить с вами, Алена Владимировна, — хрипло откашлявшись, начала Сколопендра. — По очень важному и срочному делу.

— Если вас устроит, то после прогона. Сейчас у меня голова на другое просто не работает. Надеюсь, ничего не случилось?

Сколопендра опять покашляла и глухо произнесла:

— Это касается Оболенской и ее внука.

— Кто-нибудь позвонил на проходную? — сразу встревожилась Алена. — Адам?

— Нет, никто не звонил. — Сколопендра искоса недовольно взглянула на Катю. — И разговор у меня к вам, Алена Владимировна, что называется, конфиденциальный... без свидетелей.

Катя презрительно хмыкнула и, развернувшись, пошла к сцене.

— Хорошо, Зинаида Ивановна, сразу после прогона я вас жду у себя в кабинете.

Алена достала из кармана платочек и, сняв очки, машинально протерла стекла.

— Отвлеку на минутку, — раздался над ухом вкрадчивый голос Мальвины.

«Господи, надо же так бесшумно передвигаться, просто крадется, а не ходит», — раздраженно подумала Алена, но вслух спокойно произнесла:

— А больше у меня и не найдется, — и придвинула к себе микрофон: — Маша, электриков, монтажников, радистов попроси на минутку спуститься в зал... Да, Лидия Михайловна?

— Я по поводу замены Инги Ковалевой во всех спектаклях.

— А что, она так надолго выбыла?

— Боюсь, да. — Синельникова понизила голос: — Она — на сохранении беременности.

Кровь прилила к лицу Малышки так внезапно и мощно, что даже загорелись уши под тоненькими дужками очков. К счастью, в это время прибыл спасительный сок, и Алена, пробормотав «спасибо» Глебу и Сиволапову, склонила голову и принялась извлекать трубочку, приделанную к коробочке сока.

— Мне кажется, что проблему с Ковалевой без особых трудностей можно решить усилиями репертуарной части. Заменить ее может любая актриса. И совсем необязательно дергать меня по любому поводу. — Голос Малышки звучал монотонно и скучно. — Я потом наведаюсь к Нине Евгеньевне — узнаю, чем могу быть лично полезна Инге.

Она повернулась в Сиволапову, потянула из трубочки сок и спросила:

— Я забыла предупредить тебя перед прогоном, что поменяла кое-какой текст. По этой причине у тебя такой кислый вид?

— Естественно. Я все-таки автор!

— Но не Шекспир же! — хмыкнула Алена и, не обращая внимания на возмущенные попытки Сиволапова что-то возразить, обратилась к цехам: — Ребята, все подробности у меня записаны — это после второго акта. Погрешностей меньше, чем я ожидала, но достаточно для интенсивной и целесообразной работы. Радистов прошу микшировать звук все же перед началом реплик, а не налезать на текст. После текста — малюсенький люфтик, как вздох, — и снова пошла музыка. Это важно, иначе получается грязь. То же со светом. Мягче, постепенней прибирать его, захватывая последние реплики. Да, вот еще... вылетело из головы... гримеры здесь? Ага, вижу. Валечка, сиди, сиди, я же в микрофон говорю — услышишь. У Жени и Кати почему-то получились одинаковые прически. Это не годится. Подумай что-нибудь с Женей, только обойдись без париков. Кате можно чуть поярче глаза, но совсем чуть-чуть. У нее глаза темные... возможно, тени другие поискать надо... Теперь монтировщики. Ребятки, родненькие, запомните: когда задник светлый, как у нас, любые ваши попытки прошмыгнуть незаметно вызовут лишь смех в зале. Я раз пять видела контрастно-темную фигуру Бритикова на фоне задника и светлых порталов. То же к Севе. Сева, ау, откликнись!

Длинная фигура Домового появилась на сцене и застыла рядом с сидящей там же гримершей.

— Сева, все перестановки реквизита и легкой мебели делай откровенно... как прием. Тебя все равно видно, так что двигайся, как полноценный участник всего происходящего на сцене. И еще. Начиная с первого спектакля, то есть со сдачи худсовету и труппе, цветы, которые дарит Гладышев Воробьевой, вернее, Валентин — Яне, должны быть настоящими. Пока, естественно, пусть останется искусственный букет. Вроде бы все. Более подробные замечания — после прогона.

Алена откинулась в кресло, допивая сок, и тут раздался голос помрежа:

— Внимание! Всех прошу приготовиться к началу прогона второго акта. Осветители, радисты — готовы? Актеров прошу спуститься вниз. Трембич, Воробьева, Миша Трифонов, приготовьтесь к началу. Валера Гладышев, не забудь в гримерной свой реквизит.

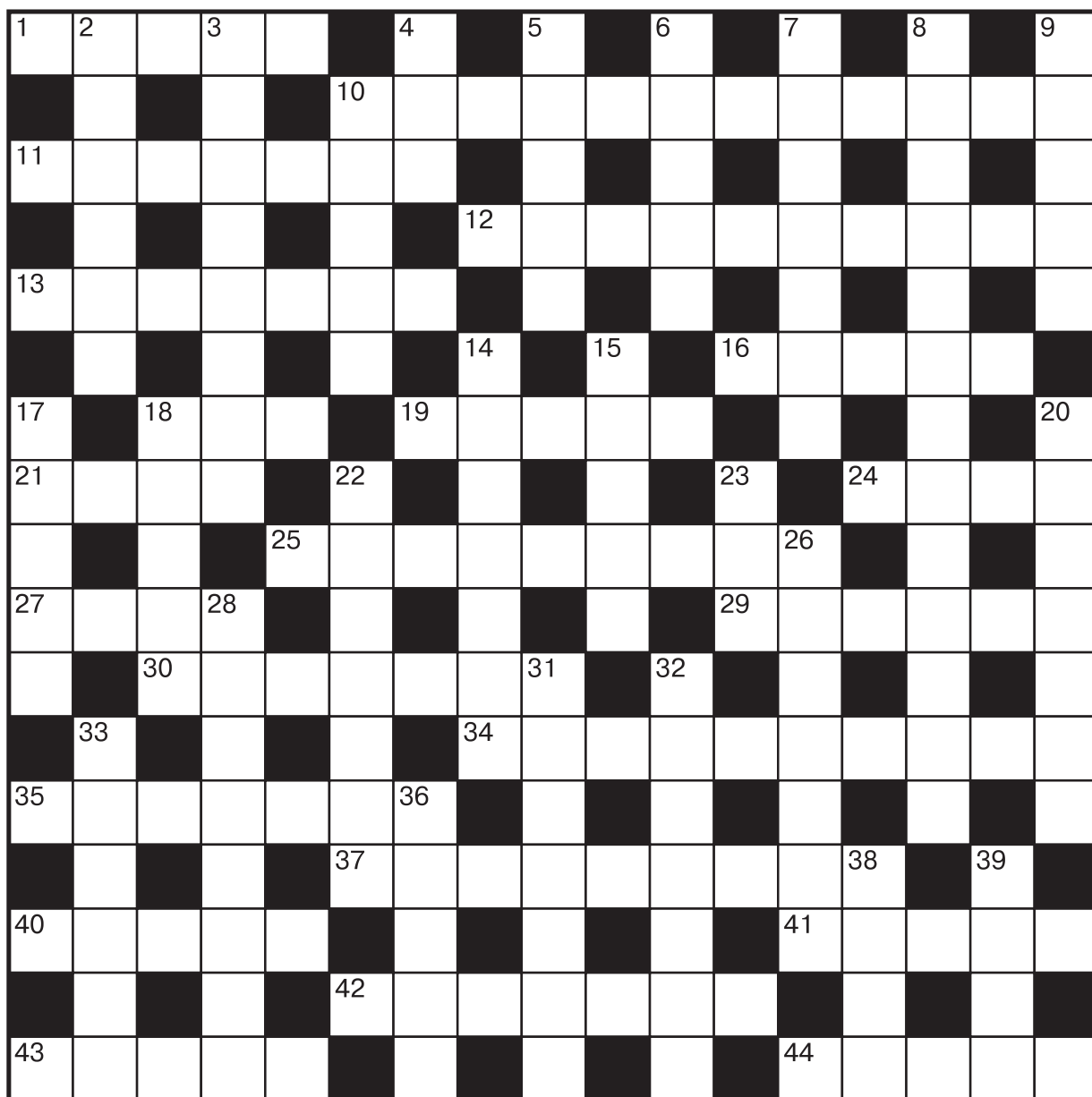
Зал медленно погрузился в темноту, лишь настольная лампа освещала фигуру Малышки за режиссерским столиком. Полилась нежная и одновременно мощная, волнующая музыка. Она повернула голову к Сергею-

ву и подняла вверх большой палец. Он в ответ радостно выдохнул и улыбнулся. Алена почти сразу зашептала какие-то замечания в диктофон. Ей сейчас было и горько и радостно, как всегда бывает, когда спектакль, словно маленький ребенок, вынянченный до умения встать на ножки, обретает самостоятельность и принимается набирать силу, формировать свой образ и свои законы, начинает понемногу отторгать своего создателя, с каждым спектаклем заявляя о собственной самодостаточности. И надо иметь мужество вздохнуть поглубже и... пустить его в большое плавание.

«Это будет хороший спектакль, — подумала она без малейшего оттенка самодовольства и самолюбования, но с верой истинного таланта в свои силы. — Он, возможно, сослужит людям неплохую службу — заставит задуматься о том, что нет такого греха, которого не смогла бы искупить любовь... И еще о том, что, по сути, сам человек не имеет ни необходимости умереть, ни полноты, необходимой для бессмертия. Ибо сам по себе не укоренен ни в смерти, ни в бессмертии, потому что и то, и другое дается ему Богом... Он обладает лишь некоей потенцией: к чему «прислонит» свое бытие — таким и станет...» □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Дамоклов меч» над зайцем. **10.** Спортивное «поднятие тяжестей». **11.** Сердечный диагноз. **12.** Немец, первым начавший рассматривать артефакты в качестве исторического источника. **13.** Азиатская столица, чей «ночной рынок» знаменит на весь мир внушительной коллекцией антиквариата.

16. Борисфен на современных картах. **18.** Что валит изо рта на улице, объятый сильным морозом? **19.** Прибыль киностудии. **21.** Какую легенду сыграла в кино Элейн Пейдж? **24.** Потолок для языка. **25.** Африканская антилопа. **27.** Где стоит алтарь? **29.** Гончая с «выразительными ушами». **30.** Врач при бормашине.

34. Задача дизайнера. **35.** Кто предложил Владимиру Ленину кандидатуру Иосифа Сталина на должность генерального секретаря? **37.** Римский император, в правление которого случился «последний день Помпеи». **40.** Какая династия пришла к власти в ходе войны Белой и Алой розы? **41.** «Нагая у Рембрандта». **42.** Что чаще всего на остановке ждут? **43.** «Любовь обильна и медом, и желчью» (античный классик). **44.** Основа содержания.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Диснеевский герой из джунглей. **3.** Что многократно увеличивает ценность книги классика в глазах библиофилов? **4.** Кобра с индийской пропиской. **5.** «Последний римлянин», разгромивший Аттилу. **6.** В каком из наших мультиков белый медвежонок спасает Антарктиду от злого робота? **7.** Любимый дельфин дрессировщиков. **8.** Профанация поэзии. **9.** Что

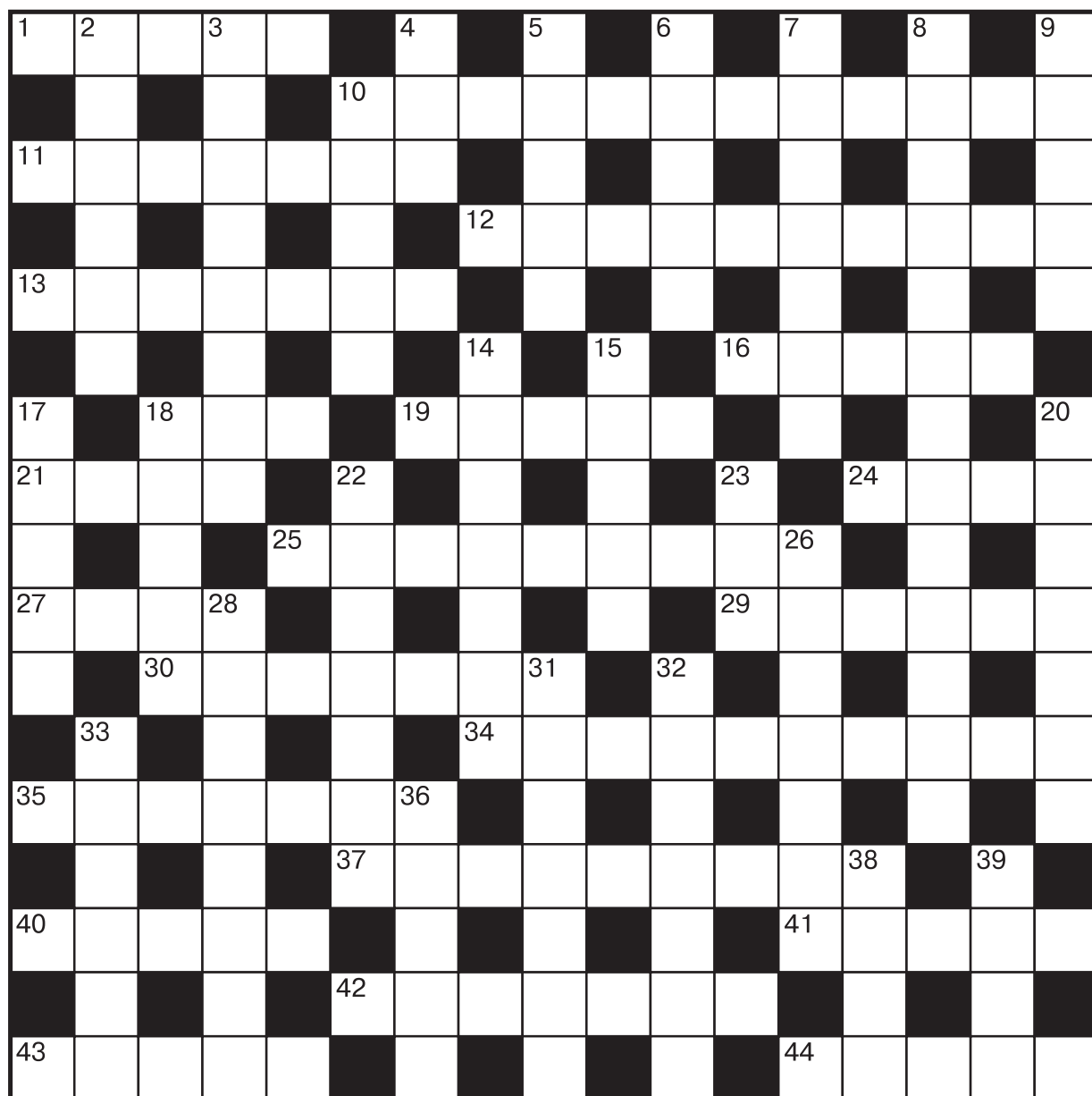
Прометей у богов похитил? **10.** Хозяин модного прикида. **14.** Где расположена первая в мире атомная электростанция? **15.** Где ушел из жизни Аркадий Аверченко? **17.** Глыба времени. **18.** «Армейская показуха». **20.** Кто подарил свое лицо Жаклин Кеннеди из биографической драмы «Джеки»? **22.** Хозяин дома, где расстреляли семью последнего русского императора. **23.** «Получить пулю в ...» **26.** Кто из античных философов произнес речь, которая длилась два дня? **28.** Кто из участников «антипартийной группы», пытавшейся свергнуть Никиту Хрущева, принципиально не стал после отставки писать мемуары? **31.** Чьим автоматом герой комедии «Маска» разгоняет уличных грабителей? **32.** Хулиганистый Эдди из «Ледникового периода». **33.** Фаворит сиракузского царя, попавший в крылатое выражение. **36.** «Тупиковая ... развития». **38.** Зачисление в штат. **39.** Розыгрыш с привкусом цинизма.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Испуг. **7.** Арбуз. **10.** Ловкач. **12.** Лобачевский. **13.** Котлован. **14.** Валидол. **17.** Воронихин. **18.** Лифт. **19.** Лев. **22.** Вираз. **23.** Ареометр. **24.** Армия. **26.** Гидромассаж. **28.** Лилия. **30.** Удар. **31.** Салун. **32.** Душа. **34.** Шок. **36.** Лорнет. **38.** Гелипорт. **39.** Филидор. **40.** Кикс. **41.** Коцебу. **42.** Бретань.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Флокс. **2.** Светлов. **3.** Какофония. **5.** Слон. **6.** Ураган. **8.** Рассол. **9.** Ужин. **11.** Гелий. **12.** Ламинария. **14.** Вид. **15.** Литературовед. **16.** Стерх. **17.** Ведро. **20.** Промоутер. **21.** Шоссе. **22.** Винир. **25.** Ермак. **26.** Гид. **27.** Публика. **28.** Лаврики. **29.** Фастфуд. **31.** Солист. **33.** Шеф. **35.** Битов. **37.** Тигр. **38.** Горн.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Под какой фамилией американская Фемида приговорила советского разведчика Вильяма Фишера к тридцати годам тюремного заключения? **10.** Сборка мотоцикла по индивидуальному заказу. **11.** «Множество точек», ставшее математическим термином в 1975 году. **12.** Боевое судно древних гре-

ков. **13.** Ярчайшая звезда из Гидры. **16.** Лимонная рыбка из аквариума. **18.** Желоб на клинке. **19.** Колумбийский танец. **21.** Петля на конце судовой снасти. **24.** «Конфетница» для японской чайной церемонии. **25.** Кто из ученых исследует бескрылых насекомых? **27.** Вариант хакерской атаки. **29.** В каком журнале

Михаил Булгаков впервые опубликовал части романа «Белая гвардия»? **30.** Летчик, испытавший наш первый реактивный истребитель МиГ-9. **34.** Шестиконечная звезда у иудеев. **35.** Первый учитель живописи для Василия Сурикова. **37.** Правитель страны из повести Кира Булычева «Город без памяти». **40.** Чьи приключения описаны в «Метаморфозах» Апулея? **41.** Бешбармак у киргизов. **42.** В честь какого знаменитого физика назвали узел галстука? **43.** Пальмовый лист из Библии. **44.** Банная шайка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Высочайшая гора Хабаровского края. **3.** Какому греческому поэту приписывают самую древнюю анаграмму? **4.** Страховка парашютиста. **5.** Журавль с самым длинным клювом. **6.** Где мечтает пожить всякая уважающая себя мышь? **7.** Звуковой файл, чтобы «ловить кайф». **8.** К какой исто-

рической эпохе относят творчество Чарльза Диккенса и Редьярда Киплинга? **9.** Священная утка для буддистов. **10.** Морской чистик. **14.** Ученый книжник и толкователь Торы. **15.** «Квасной хлеб» из Византии. **17.** Греческий остров с памятником русскому адмиралу Федору Ушакову. **18.** Без какого времени, по мнению Джорджа Сороса, «успех не возможен»? **20.** Русский зодчий, восстановивший здание московского университета после пожара 1812 года. **22.** Вращающаяся блесна. **23.** Месяц древнего армянского календаря. **26.** Какой американец придумал звуковое кино? **28.** Золотая пластинка на православной иконе. **31.** Элемент декора дамского платья. **32.** Частью какого якобы затонувшего материка в XIX веке считали уцелевший остров Мадагаскар? **33.** Чайный стакан у азербайджанцев. **36.** Стряпуха «давно ушедших дней». **38.** Тубетейка на туркменской девушке. **39.** Своры гончих при одном охотнике.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Ситар. **7.** Хайга. **10.** Одрина. **12.** Пентекотера. **13.** Зиккурат. **14.** Эвфуизм. **17.** Лепорелло. **18.** Мару. **19.** Тун. **22.** Ридер. **23.** Йыркышет. **24.** Накая. **26.** Гипоталамус. **28.** Палес. **30.** Курн. **31.** Бисса. **32.** Ниут. **34.** Тик. **36.** Пуффер. **38.** Дипавали. **39.** Николай. **40.** Ныка. **41.** Отроек. **42.** Карнеол.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хорза. **2.** Броккен. **3.** Инфузория. **5.** Икет. **6.** «Автово». **8.** Аутизм. **9.** Горж. **11.** Уксус. **12.** Паневежис. **14.** Эль. **15.** Маршрутизатор. **16.** Путто. **17.** Лукаш. **20.** Цыганский. **21.** Оккам. **22.** Раман. **25.** Топик. **26.** Гек. **27.** Якопоне. **28.** Префикс. **29.** Утрибка. **31.** Бикорн. **33.** Бен. **35.** Ланти. **37.** Риза. **38.** Дато.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

23003

СМЕНА

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни «Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство, чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь, мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом (а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№3 март 2023